

Дэвид Дрейк Билл Фосетт Союзники

Боевой флот – 4



& spellcheck by HarryFan
«Союзники»: АСТ; Москва; 1996
ISBN 5-88196-758-5

Аннотация

Вот уже десять лет Боевой Флот Альянса ведет беспощадную войну с космическими пиратами — расой кровожадных халиан. Но когда халиане наконец сдались, оказалось, что за спиной Халии притаился враг куда более страшный — Синдикат Семейств — враг, которого человечество пока не может одолеть.

Дэвид Дрейк, Билл Фосетт Союзники

Пол Андерсон. НЕВЫПОЛНЕННЫЙ ДОЛГ

Среди нас всегда жили и будут жить надломленные люди. Никто не обращает на них особого внимания. Они безвредны и почти незаметны, словно обломки затонувшего корабля. И в конце концов либо тонут, либо волны прибивают их к берегу. Там лежат они вперемешку с пустыми раковинами и обломками костей. Как правило, они не слишком удаляются от места, где их настигла катастрофа. Некоторым удастся наскрести немного денег или найти место на корабле, — если владелец захочет сэкономить на жалованьи экипажу. Так эти люди вырываются из привычной среды — один раз, два раза, дюжину раз подряд, говоря себе — не пройдет и нескольких световых лет, как подвернется что-нибудь стоящее, счастье улыбнется и можно будет начать жизнь сначала. А потом они окончательно где-нибудь оседают.

Один из таких людей повстречался мне в Вант Фанге, на Знойном Побережье Сельвы, в Сан-Валерио. За годы моего отсутствия здесь мало что изменилось. Все так же окна домов, выходящие на запад, распахивают настежь, впуская освежающий бриз с залива, где над

черной маслянистой гладью зависли красные, словно запекшиеся звезды созвездия Рога. Но ветерок не спасал — раскаленная жестяная крыша не давала рассеяться табачному дыму и кухонному чаду, и порой казалось, что пьешь маслянистый тягучий воздух. Мокрая от пота рубашка липла к телу. В глубине зала громоздилась на своем троне необъятная мадам Сульфид. Попугай, изрядно пощипанный, носился по столам в безумном танце, выклянчивая у посетителей глоток спиртного. Натужно хрипел магнитофон, с завидным постоянством повторяя все тот же мотив. За столами выпивали местные жители, матросы из Шамбеза и работяги из Марезар. Они болтали, хохотали, бросали кости или мусолили карты. Несколько девушек разносили напитки. Периодически кто-нибудь из посетителей, обычно еще совсем желторотый юнец, попадался на удочку и уводил какую-нибудь девушку в комнату за залом. По возвращении приятели от души потешались над ним, а он, соблюдая неписанные правила, не огрызался и не предлагал выйти для короткого мужского разговора.

Иногда захаживали чужаки — не туристы, конечно, — ни один гид не рискнул бы привести их сюда, а завсегдатаи вроде меня, старые знакомые, которые наведывались в заведение, оказавшись здесь проездом. Такие люди вполне освоили местный говорок и ознакомились со всеми тонкостями ритуала — знают, что, войдя, нужно поклониться черепу Ванг Фанга, выказать должное уважение мадам, то есть заказав ей и попугаю коньяк, а потом скромно сесть где-нибудь в углу. Если кто захочет поговорить, то и сам подойдет, а так можно травить разные истории, пока кроны деревьев на берегу не вспыхнут оранжевым закатным пламенем, а уж тогда встать и побрести к аэромобилям через поле, подернутое низко стелющимся туманом. Для того сюда и приходишь — послушать разные байки или самому что-нибудь рассказать.

В ту ночь я был единственным чужаком. Тем не менее Анкр Жак оставил своих приятелей и подсел ко мне. Нам было что поведать друг другу. Меня назначили третьим помощником капитана на «Фрошане», который доставил команду Саро на Грейуорлд — наша экспедиция обнаружила механизм, изготовленный десять миллионов лет назад и до сих пор работающий.

Жак рассказывал о своей стычке с пиратской подводной лодкой в Амазонском море и вдруг замолк на полуслове и, прищурившись, посмотрел мимо меня на дверь.

— Смотри-ка, Баляфр Триангулер, — сказал Жак. — А я думал он отправился на Ка Транзон. Ну-ка подваливай к нам, шельмец! — В этих краях даже слово «шельмец» считается чуть ли не ласкательным.

— Бедолага страсть как любит поговорить с космическими путешественниками. Человек он приличный, всегда готов прийти на помощь — однажды спас двух ребятишек, их чуть было не накрыло волной во время прилива в Фу Риер.

На Знойном Побережье не очень-то чтут законы, установленные Господом и людьми, но храбрость вызывает уважение — обитатели этих мест по своему справедливы.

Я обернулся — к нашему столику приближался новый посетитель. Он был довольно высокого роста, но при этом такой тощий, что я просто диву давался — как он мог кого-то вытащить из воды? Баляфр разительно отличался от окружающих своим сложением, светлой кожей и копной рыжеватых волос. Одежда вылинявшая, вся в заплатках, но чистая. Он лавировал между столиками с той преувеличенной осторожностью, которая свидетельствует об изрядной дозе выпитого. С близкого расстояния я заметил на его лице зигзагообразный шрам от правого виска к уголку рта — отсюда и его кличка: Баляфр Триангулер по-французски — треугольный шрам.

Жак пригласил его за стол, но не стал нас представлять. У местных жителей это не принято — у некоторых есть веские причины сохранять инкогнито. Эмблема Огненной Звездной Линии сообщила о моей персоне все необходимое. Баляфр Триангулер мрачно кивнул и уселся на свободный стул. Жак крикнул официантке, чтобы принесла по порции «смертельной воды» на всех.

— Мой друг недавно вернулся из Эйзенхейма, а перед этим занимался исследовательской работой, — объяснил он.

— Эйзенгейм? — переспросил Баляфр. В его тусклых голубых глазах, казалось, вспыхнула слабая искорка любопытства. Голос у него низкий — от регулярного потребления алкоголя, как я догадался, а по акценту ясно, что его родной язык — английский. — Вторая планета Шеллинга, если не ошибаюсь, — выдал он название из неведомого каталога, флотского, как я догадался позже.

Я кивнул.

— А вам не доводилось случайно бывать на Белизариусе? — Пальцы его сжали край стола. — Это планета в Третьей Григорианской Системе. В секторе Канопус. Вы хотя бы слышали о ней?

— Слышать слышал, но летать туда не приходилось, — ответил я. — Не было причин там останавливаться. Там никто не базируется, кроме кораблей Флота.

— Но вы все-таки слышали о ней в других портах? Хотя что-нибудь? — Голос его задрожал. — Она так чертовски далеко от нас: Мы полностью отрезаны от мира на этом проклятом континенте. — Он сглотнул слюну и, собрав остатки достоинства, закончил фразу: — Прошу прощения. Удивляетесь, наверное, что какой-то бродяга донимает вас расспросами.

— Похоже, вы и сами были когда-то космическим пилотом, — рискнул я предположить. Он не выглядел слишком обидчивым.

— Не совсем так, — вздохнул он. — Не то, что вы имеете в виду. Но однажды — очень давно, я стал им. — Он посмотрел затуманенным взглядом куда-то вдаль. — Когда же это было? Сейчас посчитаем. На Сан-Валерио я провел семь лет, так? Там пятый временной пояс, кажется. А перед этим... Впрочем, это неважно. Я просто упиваюсь жалостью к себе — самое презренное чувство. Да и вам, наверное, порядком поднадоел.

— Нет, что вы, — возразил я, почувствовав, что этому человеку есть что рассказать, да и Жак бросал на меня красноречивые взгляды. Принесли ликер, и я заплатил за всех. Баляфр с достоинством поблагодарил меня и начал потягивать напиток маленькими глотками, стараясь, видимо, поддерживать желательную степень опьянения.

Мне и раньше приходилось кое-что слышать о нем. Жил он в лачуге, рядом с обрывом, перебивался случайными заработками и однажды, собирая перламутровые раковины во время прилива, едва спасся от рыбы-меч — тогда у него и появился шрам. В Сенвильской клинике, в часе езды отсюда на автобусе, шрам могли бы убрать, но он предпочитал тратить все деньги на выпивку. Порто Бланке, находящийся за океаном, мог с таким же успехом располагаться и на Луне. Этот человек вовсе не был безмозглым, опустившимся алкоголиком. Почти все свободное время он проводил в своем бараке за компьютером, выуживая книги и музыкальные записи из центрального банка данных.

Незаметно мы перешли на английский, потом, спохватившись, принесли Жаку свои извинения.

— Ничего, мне полезно попрактиковаться, — рассмеялся тот. — Вам и невдомек, со сколькими иностранцами я вожу знакомство. Но уж коль заходит разговор про... Аристотеля — так, кажется? — и про справедливость, у меня мозги сразу перегреваются, так что желаю вам хорошо посидеть, друзья.

Он присоединился к прежним собутыльникам. А мы с Баляфром проговорили всю ночь напролет. Не сразу удалось мне вытянуть из него эту историю — не то чтобы он раньше ни с кем ей не делился, но все-таки я был не из местных, и Баляфр все цеплялся за остатки гордости. Но я тоже читал философов и повидал немало других миров. И в конце концов он решил: мое мнение не менее ценно, чем мнение какого-нибудь священника, или морского капитана, или старой, умудренной жизнью жены рыбака. Воздалось ли ему по заслугам или он стал жертвой неоправданной жестокости?

Безусловно, поступили с ним не очень-то милосердно.

— Лейтенант Артур Ленг, с рапортом к вице-адмиралу Дерябиной.

Сидящий за столом адъютант кивнул, нажал кнопку.

— Присаживайтесь и подождите несколько минут, — объявил он и снова повернулся к

дисплею. Скучать на Белизаурисе не приходилось — Кристину еще не освободили от халиан.

Ленг только что прибыл на эту планету и потому был слишком взволнован, чтобы сидеть. Он стал расхаживать по маленькой приемной, ощущая необыкновенную легкость во всем теле: на этой планете сила тяжести составляла всего две пятых от нормальной. Но на душе все равно было тревожно и тяжело.

Кто знает, может, ему и впрямь суждено сыграть не самую последнюю роль в освобождении? Важную, а то и ключевую роль?

У стены он остановился и выглянул наружу. Перед ним был не смотровой экран, а простое окно. Флот старался строить все побыстрее. Год назад здесь не было ничего, кроме камней, песка, пыли и льда, а в каталоге это место значилось как «планета номер четыре Третьей Григорианской Системы».

Мы с Тесс называли между собой Кристину «рубин» — из-за особенного свечения, — подумал Ленг.

Маленькое солнце низко зависло в красноватом небе. Сквозь разреженный воздух просвечивало несколько звезд. Бледный свет заливал пустырь и космодром. Он увидел шаттл, недавно выведенный с орбиты, и несколько человек из команды наземного обслуживания в скафандрах, напоминающих не то роботов, не то троллей. Выложенную железобетонными плитами площадку огораживала металлическая стена. Позади возвышалась башня электронного слежения.

Система вентиляции в штабе оставляла желать лучшего. С каждым вдохом в горле першило от каких-то едких химических примесей. Ему вспомнился аромат цветения на Кристине. До чего же редка жизнь во вселенной, как все живое прекрасно и неповторимо! Уничтожение, даже халиан, казалось противоестественным делом.

Тем не менее оно должно быть выполнено.

— Лейтенант Ленг? — раздался голос у него за спиной. Обернувшись, он увидел человека с командирскими нашивками и отдал честь. Офицер вскинул руку в ответном приветствии, застенчиво улыбнулся и сказал: — Давайте обойдемся без церемоний. Меня зовут Ян Маклорен.

По-английски он говорил с легким акцентом, был необычно молод для своего чина, строен, светловолос, в лице сохранилось даже что-то детское. Ну что ж, на Флоте можно быстро продвинуться по службе, если идет война и человек не обделен способностями.

— Вы, кажется, психофизиолог? Ваше имя часто упоминается в научных кругах, но, к сожалению, совершенно не представляю, чем вы занимаетесь.

Они обменялись рукопожатием.

— Я тоже пребываю в неведении относительно вас. Так что разговор получится на равных, — сказал Маклорен. — К тому же у нас обоих предки были шотландцами, не так ли?

— У меня лишь очень дальние предки. Я родился на Цезаре. А вы?

— Ну, а я на Дунбаре. Но там шотландцы стараются сохранять национальные традиции. Люди из старой доброй Шотландии приезжают полюбоваться на наши красоты. — Они уселись друг против друга. — Я очень надеялся застать вас здесь. Адмирал настолько занята, что часто выбивается из графика. Можно воспользоваться случаем и познакомиться поближе. Обычно на это требуется несколько дней, но столько времени нам сейчас никто не предоставит.

Ленг тут же почувствовал симпатию к собеседнику, но тревожное чувство все-таки не оставляло его.

— А какая в этом необходимость? Нет, я не пытаюсь отвертеться, но зачем я понадобился?

Маклорен посмотрел на него с добродушным удивлением:

— А разве вы еще не догадались?

— Нет, — натянуто улыбнулся Ленг. — Я ученый и считаю некорректным строить гипотезы на пустом месте. Никто не посвятил меня в суть задания, сказали лишь, что оно

секретное и срочное. Очевидно, для его выполнения требуется мое знание Кристины.

— Знание чего?

Ленг догадался, что Маклорен здесь новичок. Кроме того, планету называли Кристиной неофициально, как-то раз за ужином, в честь знаменитой в то время актрисы. Она была такой же прекрасной.

— Я имею в виду планету номер три, занятую халианами.

— Ну да, конечно, — спохватился Маклорен, — как же я сразу не догадался. Вы абсолютно правы. Мы подбирали человека, хорошо знакомого с этой планетой и особенно с теми районами, где расположились халиане. Банк данных выдал вашу фамилию.

— Но почему я? Тысячи людей побывали на Кристине с тех пор, как Григориан вторгся в эту солнечную систему. Понятно, что большинство не занималось работами, связанными с Моцартом — так мы называли тот район. Но я могу перечислить десяток имен, начиная с моей жены, которая провела там годы. И чем бы вы ни интересовались, я всегда предложу вам толковых экспертов.

«Если таковые вообще существуют», — подумал Ленг. Кристина — огромный мир, такой же разнообразный и таинственный, каким была в свое время Земля.

— Я могу объяснить, чем руководствовался при выборе кандидатуры, — сказал Маклорен. — Видите ли, все, о ком вы говорили, люди штатские, разбросанные после эвакуации по территориям Альянса. Если кого-то и удастся отыскать и он согласится нам помочь, потом наверняка окажется, что у него нет флотской закалки, привычки к дисциплине. Вы — единственный офицер Флота, располагающий необходимой информацией.

— Я всего лишь резервист. По сути, тоже человек штатский.

— Тем не менее Флот счел возможным зачислить вас на службу и доставить сюда. Вообще-то странно, — пожал плечами Маклорен, — что вы, будучи родом с Цезаря, не стали кадровым офицером.

— Вопреки расхожему мнению гражданское население на Цезаре составляет большинство, а моя жена действительно сейчас работает на Флот.

— Но, насколько я знаю, в отличие от вас ее никогда не призывали на действительную службу.

Лент едва не вспылil. Какого черта этот книжный червь копается в его биографии?

Перед глазами возникла Тесс: огненно-рыжие волосы развеваются на ветру, а в небе хлопают и топорщатся полотнища знамен. Ее переполняет гордость при виде марширующих мимо кадетов — выпускников училища. А вот другой эпизод: в баре она набрасывается на какого-то пьяного пацифиста, насмехающегося над Флотом, и на смерть перепуганный бедолага спасается бегством. А вот она лежит в объятиях своего жениха, в его объятиях, и шепчет: «Я понимаю, что мое отношение к тебе как к папочке может показаться не совсем нормальным, но ведь я люблю тебя, милый, а в этом уже нет ничего плохого». Ленг вспомнил ликование Тесс в тот день, когда он объявил о решении пойти на службу. Но когда его комиссовали, она также обрадовалась. Тесс знала о причинах этого поступка и уважала его выбор, посмеиваясь, что для офицера, мечтающего сделать карьеру на Флоте, жена вроде нее — сущее наказание.

— Прошу меня извинить, — сказал Маклорен. — Поверьте, я не хотел лезть в вашу личную жизнь, тем более обидеть вас. Просто, изучив досье, я ознакомился с основными этапами вашей жизни, с вашим психологическим портретом, медицинской картой, et caetera, et caetera. Но о вашем внутреннем мире не узнал ничего. Набор данных в компьютере, к сожалению, не дает представления о человеке в целом, а от этого во многом зависит успех операции. То, чем я занимаюсь, можно отнести как к искусству, так и к науке, а, может быть, в еще большей степени к черной магии. Поэтому я и пытаюсь вызвать вас на разговор по душам.

— Понятно. — Совершенно сбитый с толку, Лент ощутил вдруг какое-то необъяснимое желание все объяснить, оправдаться. — Моя жена действительно еще девочкой мечтала о

службе. Но постепенно нашла другое занятие, полностью поглотившее ее. Она поняла, что ее призвание — этология, или, проще говоря, естественная история. Тот, кто хочет серьезно заниматься этой наукой, посвящает ей все свое время. — В памяти всплыл еще один эпизод. Они стоят вдвоем в лунном свете — дело происходит в университетском городке, и она спрашивает, всхлипывая: — Я не очень расстроила своего папочку, скажи мне, скажи?..

— Я бы еще добавил, что для цивилизации это занятие одно из наиболее важных, — кивнул Маклорен.

— Ну, кто-то ведь должен и на боевом посту стоять, чтобы сдерживать орды халиан.

— И потому вы решили пойти на службу.

— Ну, здесь не только альтруизм сыграл роль, — признал Лент. — Тогда ведь еще не было слышно о нападениях хорьков.

Подумать только, я, человек независимых суждений, широко образованный ученый, говорю и мыслю о них так же, как грубый, невежественный солдафон. И мне не стыдно. То, что они вытворяют — ужасно, чудовищно, от их преступлений волосы встают дыбом. С этим нужно покончить. Корабли Флота едва успели нас подобрать, когда они проникли в эту солнечную систему и сорвали нашу работу среди амадеев. Это лишь малая толика их бесчинств, но и ее хватило, чтобы наша жизнь с Тесс пошла наперекосяк. Дело не только в исследованиях. Мы относились к амадеям как к собственным детям, которых у нас не было.

Он прервал свои раздумья.

— Я стал офицером по воле случая. Ирония судьбы, если хотите. Хотя, с другой стороны, все вполне логично. Вам наверняка известно, как Флот протаскивает научные и исследовательские проекты, в которых потенциально заинтересован. А с планетами, пригодными для жизни человека, такими, как Кристина, ситуация особая. Планируется ли поэтапная колонизация, или нет, — а мы всегда решительно против нее, в любом случае рано или поздно планеты будут задействованы при боевых операциях, станут местами базирования, дозаправки или просто приятным местом отдыха экипажей после длительных перелетов. Значит, их необходимо изучить заранее. Само собой, Флот предпочитал укомплектовывать исследовательские экспедиции собственными кадрами. Моя специальность — общая биология. В отличие от работы жены, моя работа не требует непрерывных наблюдений. Если я сделаю небольшой перерыв, дело не пострадает. Мы выяснили, что Флот готов субсидировать проект — главное дело нашей жизни, — если в составе экспедиции будет хотя бы один офицер. Мой тесть нажал на кое-какие рычаги, и — готово. — Он помолчал. — Хотя все это вам давно известно.

— Нет, не все, — возразил Маклорен. — А даже если и так, повторяю, мне важно уяснить ваш взгляд на вещи.

— Не поймите меня неправильно, — уточнил Лент, — нельзя сказать, что я пошел служить с отвращением. «Тесс просто сияла от радости», — вспомнил он. — Я люблю Флот, людей, которые здесь служат, уважаю боевые традиции. Мои короткие служебные командировки были скорее развлечением — приятно почувствовать вкус цивилизации после нескольких месяцев, проведенных в первобытной дикости. Но по сути своей я ученый, а не воин.

— Ну что ж, так даже лучше, — заверил его Маклорен, — если вы готовы выполнить долг...

— Господа, адмирал Дерябина ждет вас, — доложил адъютант.

Они вместе прошли в кабинет, крошечный и безо всяких излишеств, как и все помещения на Белизариусе, но при этом все-таки отражающий индивидуальность хозяйки. На стенах — благодарности от командования за безупречную службу и проявленное мужество, фотографии, сделанные во время бури в Маунт Сатан и при обороне Камехамехи. На столе возле селектора связи и терминала — макет штурмового корабля. Лент догадался, что это первый корабль, которым командовала Дерябина. Лент и Маклорен отдали честь и застыли по стойке смирно.

— Вольно. — Адмирал энергично вскинула руку в ответном приветствии. — Прошу

садиться. — Это прозвучало скорее как приказ, а не как приглашение. Елена Борисовна Дерябина была коренастой, с короткими седыми волосами. Лицо ее напоминало лики древних татар. По пути сюда Ленг узнал, что она слышет поборником строгой дисциплины и абсолютно лишена чувства юмора, но те, что служили под ее началом и остались в живых, составляют старую испытанную гвардию. «Ублюдки Борисовны» брались за любое дело и доводили его до конца.

Мужчины сели, чувствуя некоторую напряженность.

— Лейтенант, готовы сразу перейти к делу? — спросила Борисовна.

— Да, мэм, — ответил Ленг и, немного поколебавшись, добавил: — Правда, меня не ввели в курс дела заранее и сюда доставили безо всяких объяснений.

— И вы удивлены, что флагманский офицер лично дает вам задание. Это необычная операция, лейтенант. Ничего подобного прежде не осуществлялось. Вложены огромные средства, а потери в случае неудачи просто неисчислимы. Вероятность утечки секретной информации небольшая, но чем меньше людей будут посвящены в детали, тем надежнее. Я собираюсь лично руководить операцией от начала до конца. Но сначала мне нужно убедиться, что вы подходите для этого задания. В вашем досье есть некоторые неясности.

— Мэм, никто никогда не ставил под сомнение мою лояльность, — возмутился Ленг.

— Пока не было повода. Командировки ваши были самыми обычными, в боевых вылетах вы не участвовали, почти все время проводили на планете номер три, изучая ее первобытный мир. — Голос ее немного смягчился. — Я знаю, там были свои опасности, и в чрезвычайных обстоятельствах вы вели себя достойно. Никто и не собирается бросать тень на вашу репутацию. Напротив, судя по психологическому портрету, вы человек с повышенным чувством долга. Мы просто хотим знать границы ваших возможностей. Операция должна быть успешно завершена. Второй попытки нам никто не даст.

— Мэм, могу я кое-что добавить? — спросил Маклорен. И после ее утвердительного кивка продолжил: — Именно ваши способности нам нужны, Ленг, ваше умение быстро сориентироваться в ситуации, оценить, принять решение и действовать. В каком-то смысле это задание для смертника. Но лично вам ничто не угрожает, так что отбросьте всякие страхи и сосредоточьтесь на технических вопросах.

От догадки у Ленга холодок пробежал по спине.

— Вы собираетесь сделать пересадку памяти?

— Ну, это все из области сенсаций, — вмешался Маклорен. — На самом деле...

— Подождите, — перебила его Дерябина, — давайте-ка по порядку. Что вам известно о боевой ситуации в этом районе, лейтенант?

Ленг напряг память:

— Ну, мэм, мы... то есть вы... заперли халиан на Кристине... на планете три.

— И это все? — спросила она презрительно. Я думала, вы больше интересуетесь планетой, которой отдали столько сил и времени.

— Видите ли, мэм, — ответил Ленг, едва сдерживая гнев, — халиане пришли без всякого объявления войны, свалились как снег на голову. Эвакуация с планеты номер три производилась в страшной суматохе. Мы с женой сели на разные корабли и оказались в разных солнечных системах. Потом с трудом установили местонахождение друг друга, я уж не говорю о том, сколько усилий потребовалось, чтобы встретиться. Ну а дальше — водоворот повседневных дел, обустройство дома, поиск работы и прочее. В то время все новости были заполнены сообщениями о военной кампании в районе Цели. Мы довольствовались лишь отрывочными слухами о Третьей Григорианской. А потом со мной связались, зачислили в действующую армию и немедленно доставили сюда. Во время полета члены экипажа соблюдали приказ секретности. Они не понимали его смысла, но нарушить не смели. Стоило заговорить о боевых операциях, как они начинали вести себя так, словно воды в рот набрали.

Ленг удивился, с каким терпением Дерябина выслушала его.

— Теперь все понятно, — произнесла она наконец. — Дело не в вашем безразличии.

Ну, а ситуацию можно обрисовать просто. Халиане прибыли сюда хорошо подготовленными, но их запасы и оборудование были предназначены скорее для строительства, чем для сражений. Их боевые корабли обладали достаточной мощностью для отражения наших первых контратак, и мы вначале не распознали в их действиях большой угрозы, полагая, что какое-то время они будут совершать отдельные диверсионные вылазки, чтобы досадить нам. Считая халиан заурядными пиратами, Альянс катастрофически их недооценивал. И они утерли нам нос, продемонстрировав, как далеко простираются их планы.

Хорошо еще, что один разведывательный корабль сумел вовремя произвести аэросъемку планеты три и благополучно вернуться на базу. Таким образом, мы узнали, что халиане построили там мощный, уходящий глубоко в землю, отлично оборудованный форпост. С такой базой, при большом количестве кораблей, они смогут держать под контролем всю звездную систему. Для Альянса это катастрофа.

Халиане выслали армаду. Но Флот, наученный горьким опытом, вовремя обнаружил ее. Наше боевое соединение преградило путь и заставило повернуть обратно. А потом мы отправились отвоевывать планету номер три, проиграли сражение, понеся тяжелые потери. У халиан слишком мощная система обороны. Единственное, что мы смогли сделать — построить базу здесь, на планете четыре. Отсюда мы следим за прилегающим сектором космического пространства, поэтому оставшиеся корабли халиан не покидают укрытие. Мы держим их в осаде, но вряд ли сможем уморить их голодом или истощить запасы. Получив доступ к ресурсам мира, похожего по природным условиям на Землю, и имея в своем распоряжении роботов и другие механизмы для добычи полезных ископаемых, они могут снабжать себя всем необходимым в неограниченных количествах.

Мы не можем просто уйти и оставить их здесь. Тогда им будет достаточно одного корабля, чтобы совершать дерзкие набеги в радиусе нескольких парсеков. Но, само собой разумеется, их штабы не замедлят выслать подкрепление, как это и намечалось с самого начала.

Сохранение же блокады — дело очень дорогостоящее. Даже вы, с вашей подготовкой, не определите, сколько понадобится кораблей. Мы должны неусыпно следить за ними и всегда быть готовыми отразить любую атаку. Кроме того, чтобы посланные противником подкрепления не пробились сюда, необходимо патрулировать космическое пространство вокруг солнца в радиусе более одного светового года. Если им удастся проскользнуть и высадиться на Третьей, или попасть на ее низкую орбиту, они станут неуязвимы, запомните это; в полной безопасности халиане будут наращивать свои ресурсы, пока не станут достаточно сильными, чтобы бросить нам вызов в открытом бою. В наземном обеспечении наших операций задействовано больше людей и оборудования, чем в самих боевых операциях.

Сейчас повсюду идет эскалация военных действий. И мы могли бы добиться больших сдвигов в ситуации вокруг Цели. Но Третья Григорианская стала бездонной бочкой, в которую уходят все ресурсы Флота и Альянса. Так что неизвестно еще, кто кого запер — мы халиан или они нас. Вы все поняли, лейтенант?

— Д-а-а... Д-а-а... мэм, — пробормотал Лент, Затем справился со смущением и выдавил из себя. — Нет, мэм, не совсем понял. Почему вы не подвергнете их бомбардировке из космоса? Ведь можно смешать с землей все их укрепленные районы, а в том месте, где находится подземная база, пробить огромную дыру.

— Это отрицательно скажется на планете, — пояснил Маклорен.

— Ну да, — согласился Лент с болью, — последуют огненные бури, выпадение радиоактивных осадков. «От ландшафтов Моцарта останутся только шлак и пыль. Но я с самого начала знал, что это случится».

— На Третьей нет разумных существ.

— М-mmm... «Да, конечно, есть амадеи. Но они все-таки не сапиенсы. Животные, хотя и смысленные. Ареал их обитания — более чем половина планеты, значит, как вид они могут

сохраниться. И жизнь снова вернется на Моцарт. А халиане... — возможно, сейчас они охотятся на амадеев ради забавы».

— Нет. Я думал о лучах и плазме, а также о ракетах. Энергетические виды оружия... сравнительно чистые.

— Какую академию вы оканчивали, лейтенант? — поинтересовалась Дерябина.

— Академию Сианг, на Селестии, мэм. Когда я там учился...

— Чувствуется, теория оружия преподается у них отвратительно. Даже со скидкой на то, что вы не собирались стать строевым офицером, вас следовало получше подготовить. Или у вас все из головы выветрилось?

— Нет, мэм, я...

Дерябина дотронулась до клавиш компьютера, наверняка сделала себе пометку: организовать расследование в Сианге. А дальше, возможно, последуют военные трибуналы.

— Попробуйте объяснить вы, командир, — предложила она.

Лент с облегчением перевел взгляд на Маклорена. Тот откашлялся и заговорил:

— Все дело в количественном факторе. Халиане задействовали в обороне огромное количество сверхмощной техники. Вы ведь понимаете, что полностью уничтожить ракету не нужно. Чтобы вывести из строя всю электронику и превратить ракету в обычную болванку, достаточно кратковременного интенсивного облучения боеголовки или взорванного неподалеку ядерного заряда. Халиане уничтожали полностью все запускаемые нами ракеты, в том числе и самые мощные ракеты-заградители, патрулирующие в высоких слоях атмосферы. Никакие прикрития, поддержка, отвлекающие маневры не срабатывают при той огневой мощи, которой располагают халиане. Не забывайте еще о подземных заводах, на которых работают роботы.

Мы пробовали кинетическое оружие, посылали метеориты на высоких скоростях. Облучение на них не действует. Но, к сожалению, чтобы вывести на правильную траекторию метеорит, способный причинить серьезный ущерб, требуется большая энергия, и корректировка курса проходит слишком медленно. Халианские детекторы быстро отслеживают камни, и у них остается достаточно времени, чтобы небольшими ядерными зарядами раздробить их на осколки безопасной величины. Да, мы пробовали энергетическое оружие, но вражеские ракеты-перехватчики и корабли-ловушки свели наши усилия на нет.

— А что значит безопасной величины? — уточнил Ленг.

— Мы видели, как двадцатитонные осколки врезались в зону их базирования со скоростью более пятидесяти километров в секунду. Они оставляли кратеры, уничтожали одну, может быть, две огневые позиции, но халиане окопались в глубоких слоях горных пород и укрепили свои сооружения кристаллическими материалами. Судя по всему, отравляющие вещества или радиоактивная пыль тоже лишь заразят поверхность, но не нанесут никакого вреда халианам, засевшим в своем логове.

Вы спрашиваете, можно ли сжечь их плазменными лучами? Что же, попытайтесь представить, какова должна быть длительность и интенсивность подобного излучения. К тому же для этого придется расположить нашу базу совсем близко от халиан, эта база станет неподвижной мишенью для противника; их стационарные генераторы энергии гораздо мощнее тех, что можно установить на корабле. Нет, эта попытка непременно закончится для нас катастрофой.

— Расскажите о наведении, — напомнила ему Дерябина.

— Ах да, мэм, конечно. Вот еще одна проблема, с которой мы столкнулись. Очевидно, противник посылал разведывательные корабли для сбора информации за много лет до высадки. Вы знаете, что во всем районе местность неровная, гористая. А погода облачная и очень капризная. Никто не предполагал, что планета может стать объектом военных действий. Оказалось, что Флот не располагает точными картами этого района. Если такие карты и существовали, они находились на Третьей и были утеряны во время эвакуации. Согласен — здесь проявились и некомпетентность, и неумение просчитывать ходы заранее. Несколько голов уже полетело — но. Господи, на Флоте тоже ведь служат обычные

смертные. Ошибки и просчеты неизбежны.

Итак, у нас нет привязки высот к карте местности, и мы не можем точно направить огонь, вернее, можем, но только визуально и пока позволяет видимость в атмосфере. У радаров недостаточная зона обзора, а кроме того неприятель создает различные помехи. Необходима топографическая разведка местности, но ни один корабль не пролетает там достаточно долго, его тут же собьют халиане. Точность, с которой мы можем вести прицельный огонь, составляет несколько километров. Теперь понятно, почему применение кинетического оружия окончилось для нас полным фиаско.

И самое печальное, что даже лучшие карты нам все равно не помогут, поскольку мы не знаем точного местонахождения вражеской базы. Мы следим за наземными сооружениями, но они разбросаны на половине континента. О центральном бункере, мозге и сердце неприятеля, мы знаем только, что он расположен под одной из впадин, укрытой со всех сторон горами. Халиане умело используют камуфляж, восстанавливая растительность, а что касается излучаемой ими радиации, то она рассеянная, и большинство источников работают для нашей дезориентации. Никто из нас не знаком с той местностью. И мы не можем отличить настоящее от фальшивого.

А вот вы. Ленг, провели там годы. Бродили по планете, облетали ее, без конца сверяясь с картами. И должны знать ее как свои пять пальцев.

— Сказать по правде, я никогда особенно не приглядывался к своим пальцам, — улынулся Ленг.

— Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Конечно, у вас в голове нет геодезического прибора. Но некоторые ориентиры, я уверен, вы узнаете даже при облачной или дождливой погоде; а по ним найдете нужное место. Вы заметите также участки местности, на которых произошли сильные изменения. Правильно?

Ленг вспомнил Пик Веспера, озаренный вспышкой молнии, а под ним — реку Аргент и лагерь, в котором его ждала Тесс.

— Ну, что же, в какой-то мере вы правы. Я неплохо ориентируюсь на местности и с воздуха тоже.

— Это как раз то, что нам нужно, — сказала Дерябина.

Он снова повернулся к адмиралу. Взгляды ее обжигали, словно удары хлыста.

— Так или иначе, нам нужно выходить из этого тупика, и как можно быстрее. Сначала мы рассматривали план наземной операции. Под прикрытием тяжелых бомбардировщиков можно было попробовать высадить войска на другом континенте, а потом уже двигаться с этого плацдарма. Ракеты класса земля — земля размягчили бы оборону халиан, а корабли, бронетехника и пехота завершили бы разгром. Урон мы при этом понесем ужасающий. Погибнет около миллиона человек плюс потери в технике. Это по самым скромным оценкам. Раньше казалось, что другого выхода нет.

А потом появился новый план. Его разработал капитан Маклорен со своей группой. В случае успеха нам удастся уберечь миллион граждан Альянса от смерти и увечий, а сам Альянс — от нехватки людей на других участках фронта.

У Маклорена загорелись глаза, на щеках выступил румянец, и Ленг внезапно осознал смысл слова «акколада» — да, происходящее здесь чем-то напоминало древний обряд посвящения в рыцари.

— Вам тоже предоставлена честь участвовать в этой операции, лейтенант, — сказала Дерябина, и Ленг понял, почему, несмотря ни на что, люди смело идут в атаку под ее командованием.

— А что... я... должен делать, мэм? — прошептал он.

— Вы, а точнее копия вашего мозга, будет пилотировать оружие, которое способно положить конец этому противостоянию. — Дерябина снова заговорила на сухом военном языке, но в голосе ее сохранилась звонкость. — Оружие уже существует, нет только запускающей программы к нему. С виду это обыкновенный хондротический метеорит, перемещающийся в свободном пространстве, ломкая каменная глыба, в самом широком

месте достигающая всего лишь четырех метров, судя по размерам, масса его должна составлять около десяти тонн. На самом же деле масса меньше. Мы выведем его на такую орбиту, чтобы он вошел в атмосферу Третьей недалеко от зенита, как раз над вражеской базой. Халиане примут его за естественный метеорит, тем более что он распадется на куски на большой высоте, как обычно и бывает с хондротическими метеоритами.

И тут неожиданно один из осколков, шириной примерно метра три, выстрелит прямо по базе. Возможно, компьютеры халиан вычислят, что внутри этого осколка запрятан двигатель, но посылать ракеты-перехватчики будет уже поздно. Они попытаются вывести из строя электронику, направив луч на осколок. Но и это не поможет: метеорит ударит прямо по верхушке базы.

Дерябина смолкла. После некоторой паузы Лент спросил:

— Простите, мэм, я не совсем понял. Боеголовки в снаряде не будет, потому что в противном случае халианские приборы ее тут же обнаружат. Таким образом, на них обрушится падающий на обычной космической скорости каменный валун; мотор не слишком увеличит его скорость. А учитывая то, что вы рассказали про укрепления противника, вряд ли им это сильно досадит — разве что чашки задребезжат.

Адмирал явно старалась разжечь любопытство собеседника до такой степени, чтобы он слушал затаив дыхание; кое-что человеческое ей не было так уж чуждо.

— Все дело в том, что, помимо камуфляжной оболочки, двигателя и различных вспомогательных механизмов, внутри будет находиться пять тонн антивещества.

Ленгу дали двадцать часов, чтобы выспаться, адаптироваться к условиям жизни на Белизариусе, а затем явиться с рапортом в лабораторию Маклорена. Психофизиологи увели его в комнату отдыха, угостили кофе и завели неторопливый разговор. Все было бы отлично, если бы не тема беседы. И все-таки он не слишком нервничал, хотя в данной ситуации расслабиться полностью без помощи наркотиков было вряд ли возможно. Кроме того, повторял себе Лент снова и снова, чем больше он узнает, тем лучше выполнит поставленную задачу.

— Нельзя просто сканировать вашу нервную систему, перенести ее по точкам на образец и запустить в программу, — пояснял Маклорен, — так же как нельзя механически скопировать нужные нам участки памяти. Интеллект — вещь тонкая и сложная, его нельзя разложить на составляющие. И нам нужен или ваш разум целиком, или не нужен вообще. Неточное сканирование может дать нам какое-то подобие вашего мозга, но это будет копия мозга... безумца. Если я буду наблюдать за вами в течение всего процесса, внимательно следить за реакцией тела, за вашими ответами на разные вопросы, это станет существенным подспорьем при конструировании аппарата.

Ленг откинулся назад в неудобном кресле и постарался расслабиться. Апартаменты Маклорена располагали к этому: несмотря на строгость обстановки, в них было что-то домашнее — фотографии жены и детей на фоне парусной лодки, гитара, несколько потрепанных старинных рукописей, шахматная доска, подключенная к компьютеру.

— Я почти ничего не слышал о пересадке сознания, — сказал Лент, — насколько мне известно, таких операций было очень мало.

— Ненавижу это выражение — «пересадка сознания». — Маклорен нахмурился. — Так и хочется обречь человека, запустившего его в обиход, на вечные муки в аду — пусть ему там зачитывают писанину, сплошь состоящую из журналистских клише. Ваше сознание не просто некая «штуковина», которую можно вытащить, а потом воткнуть в машину, это непрерывный процесс, неразрывно связанный с жизнедеятельностью всего организма. Нам предстоит понаблюдать за работой вашего мозга с помощью приборов и получить систему уравнений — слишком многочисленных и сложных, чтобы мозг, состоящий из органических тканей, мог овладеть ими, а затем заложить эти уравнения в программу, которая запустит специальный компьютер. — Помолчав, он добавил: — Да, вы правы. Подобные эксперименты весьма редки и первоначально проводились исключительно в научных целях. В настоящее время на практике удобнее использовать роботов.

— Мне кажется, здесь могут возникнуть проблемы этического порядка. — Ленг отхлебнул кофе, теплый ароматный напиток действовал на него успокаивающе. — Следует ли нам относиться с жалостью к моему двойнику? Попасть в металлическую оболочку — уже не сладко, не говоря о той роли камикадзе, которую ему предстоит сыграть...

— Не волнуйтесь, — успокоил Маклорен. — Будут и приятные моменты. Люди, участвовавшие в опытах, описывали необыкновенное состояние, которое возникает при прямом подключении к датчикам приборов, с которых мы с вами можем только считывать показания, или при заимствовании интеллектуальной мощи у компьютера. Не стану отрицать, нам нелегко пойти на этот шаг. Действительно, ваше alter ego придется принести в жертву. Люди не раз жертвовали своей жизнью ради других. Но в случае успеха этой операции мы сохраним жизнь миллионам. — Он перевел дыхание. — Кроме того, для «эго» самоуничтожение произойдет безболезненно. Не забывайте, это все-таки копия, а не оригинал. Та же совокупность знаний, то же мышление, но при этом нечто, лишённое плоти, а главное — инстинкта самосохранения. Ваш двойник будет испытывать лишь одно чувство, если понятие «эмоции» вообще к нему применимо, — радость, что может послужить благому делу. Это можно утверждать на основе предыдущих опытов, иначе проект отвергли бы с ходу. Мы вынуждены оказывать давление на сознание индивидуума, ограничивая тем самым способность к самостоятельному мышлению. А в этом эксперименте решение должно быть принято мгновенно, а значит, самостоятельно и добровольно. Это одна из причин, по которой была выбрана ваша кандидатура. Вас отличает повышенное чувство долга.

— На этот раз придется выполнять весьма тягостный долг, — усмехнулся Ленг.

Маклорен резко посмотрел на него, но постепенно взгляд его смягчился.

— Да, вам придется обезобразить те места, где вы так долго жили и работали, — согласился он.

— Да, я знаю. — Ленг был немного возбужден. — Я почти не спал ночью. Лежал и думал обо всем этом.

— Я абсолютно уверен — пройдет несколько лет, и вы с коллегами сможете вернуться туда и возобновить работу. Флот не забывает тех, кто верно ему служил.

— Дело не в этом, — пробормотал Ленг. — Исчезнет Земля Моцарта, не будет амадеев. Придется начинать все сначала и работать среди чужаков в незнакомой стране.

— Что? Амадеи?

— Это рабочее название было принято в нашей команде. — Ленг даже сам удивился, с каким оживлением он говорит о вещах, причинявших ему душевную боль. — Выражаясь научно, хрисодонты. Самые интересные животные на Кристине. Они и стали специализацией моей жены Тесс. Я наблюдал за ними, как только выдавалась возможность, а с некоторыми даже подружился.

— Подружились? — Маклорен удивленно поднял брови. — Но на третьей планете нет существ, близких к сапиенс. Или есть? — его голос стал суровым.

Флот всегда непримиримо относился к случаям геноцида.

— Нет, нет, — поспешно сказал Ленг. — Смешно, конечно, искать аналоги в истории геологических трансформаций, но с некоторыми оговорками Кристину можно сравнивать с Землей в эпоху позднего мелового периода. За исключением горной местности, климат теплый или жаркий. Никаких холодных полюсов. Динозавров, конечно, там не водится, в животном мире преобладают существа, похожие на рептилии и давшие восхитительное разнообразие видов. Хрисодонты — двуногие с довольно крупным мозгом. Тот вид, который мы окрестили амадеями, — самый разумный. Примерно на уровне земных обезьян, если вам это о чем-то говорит.

— Однажды я просматривал доклад о природных условиях на Земле. А почему вы их так называли?

— Амадеями? Они дивно поют. Это имя придумали мы — те, кто работал в поле. — Ленг одним глотком допил кофе и поставил чашку на стол. — Господи, как вспомню о них, слезы на глаза наворачиваются.

— Не исключено, что халиане давно перебили тех, кого вы знали.

— М-да-а-а... — Ленг отвел взгляд. — Может быть, копии моего разума и понравится это задание... — Внезапно ему вдруг захотелось обдумать этот вопрос. — Но зачем применять такое мощное оружие? Оно ведь уничтожит все на своем пути.

— Нам нужны гарантии, — объяснил Маклорен. — Никто прежде не делал ничего подобного, и, как сказала адмирал, второй попытки у нас не будет. Получив чрезвычайные полномочия, наши агенты собрали практически весь запас антигидрида антилития, которым располагал Альянс. Вы ведь знаете, обычно его используют в небольших дозах в качестве взрывателей там, где необходима сверхточность. Теперь для восполнения этих пяти тонн нужно десять лет.

— Литий?

— Гидрид. Твердый, довольно плотный, химически устойчивый, гораздо более удобный в обращении, чем антиводород или антигелий, и более эффективный для наших целей. Он хранится в вакуумной камере внутри метеорита и с помощью поля удерживается в подвешенном состоянии. От сотрясения генератор, создающий поле, выключится, произойдет выброс вещества в атмосферу, а затем на поверхность планеты. Преобразование массы в энергию будет стопроцентным. Но мы не беремся предсказывать, насколько быстро это случится и насколько эффективно для наших целей. Сгорая в атмосфере, осколки полетят в разные стороны от места взрыва. А мы должны быть абсолютно уверены, что удар сровняет с землей халианскую базу. Поэтому мы сбрасываем столько вещества, сколько смогли собрать, и нам нужен разумный пилот, который нанесет удар как можно ближе к объекту.

— Устроим грандиозный фейерверк! — рассмеялся Маклорен.

Возможно, это была его защитная реакция.

Нельзя сказать, что процесс сканирования превратился в ночной кошмар. Физическое неудобство было минимальным и в основном из-за длительной неподвижности. Ленг сидел в лабиринте пробок, проводов, мониторов, измерителей. Маклорен и его ассистенты относились к нему с симпатией. Забытые эпизоды младенчества, детства, юности, сменяя друг друга, всплыли откуда-то из глубин памяти. Они проносились в сознании беспорядочно, смутно, как бывает в полудреме. Его захлестывали ни на что не направленные чувства: любовь, ненависть, страх, похоть, печаль, радость, какие-то примитивные эмоции, которым мозг и названия-то не мог дать. Они сливались в единое целое, которое затем взрывалось, рассыпаясь на миллионы вращающихся разноцветных кусочков. Время то сжималось до нуля, то растягивалось до бесконечности. Ленг ухватывал было смысл существования, а потом он снова ускользал от него. Позднее он не мог припомнить ни одного момента из долгих часов, проведенных в этом состоянии; в голове остались лишь обрывки снов. В конце концов ему сделали инъекцию, и он впал в беспамятство.

Проснулся Ленг в больничной палате. В местах уколов наложили повязки. Конечно, все заживет быстрее, чем волосы отрастут. Он закрыл глаза и снова погрузился в сон.

Очнулся он нескоро. В палату, чуть не подпрыгивая, вошел Маклорен.

— Сработало! Сработало! — ликовал он. — Все прошло как по маслу. Программа уже введена, оружие запущено.

Мы так никогда и не узнаем, о чем думал псевдомозг, обреченный на гибель. Мы располагаем лишь последним коротким посланием и описанием того события, которое за ним последовало. Еще меньше мы знаем о чувствах этого столь разительно отличающегося от нас индивидуума. И тем не менее история, услышанная мною в ту ночь в Ванг Фанге, сильно заинтересовала меня. Впоследствии, если меня заносило в те миры, где компьютерная сеть была доступна, я выуживал все что мог из банков данных. И я уже знал кое-что о таких машинах, даже разговаривал с одной из них. Интересные истории — мое хобби.

Итак, я попытаюсь воссоздать события, надеясь слишком далеко от истины не удаляться.

Представьте себе эту машину, которая медленно падает с адским грузом в чреве. Копия сознания Ленга воспринимает космос не так, как мы. Сложные датчики улавливают весь спектр явлений: незримые потоки атомов и ионов, силовые поля, различные импульсы, гравитационные поля планет, кружащих в танце вокруг своей прародительницы. Он видит перед собой раскаленное добела солнце, вихри огня и пылающие языки протуберанцев, ажурную корону, переливающуюся перламутром и, словно затянутое пеленой зодиакальное сияние, расходящееся гигантскими лучами. Но он не ослеплен, он различает тысячи оттенков звезд, усеявших небеса, он видит мириады небесных тел, скрытых от наших глаз. Оказывается, космос не погружен во мрак — он сияет огнями. Космос не безмолвен. Каждый атом в межзвездном пространстве излучает сигнал, и их пульсации сливаются в единый гимн творцу Вселенной. То и дело туманные дали озаряются едва родившимися солнцами или предсмертными вспышками агонизирующих светил. Облака, рассекающие Млечный путь, не могут скрыть от машины этого неистового сердцебиения Вселенной. А впереди открываются все новые и новые галактики, стремящиеся к тому незримому пределу, где встречаются начало и конец всего сущего.

Прошли часы, дни, прежде чем сознание Лента свыклось со своими новыми возможностями. Вряд ли его все еще можно было называть человеческим. Оно давно бы уже запуталось в самом себе, если бы не контроль подключенного к нему компьютера. Обладая такой мощностью, таким объемом и скоростью обработки данных, огромной библиотекой, из которой в считанные доли секунды можно почерпнуть все необходимое, он постепенно впитывает в себя поток информации, осмысливает ее и систематизирует. И теперь можно посмотреть на все свежим взглядом, но не как богу, захмелевшему от собственного величия. Отдавая должное нынешним своим божественным возможностям, надо помнить, кем был прежде.

Нет, это не совсем точно. Не помнить, а прийти к пониманию. Потому что он никогда не был Артуром Ленгом. Он снова переключился на рыжеватую искру, мерцающую в небе. Изображение увеличивается, и вот уже виден Белизариус — нагромождение камней, проступающих сквозь пыльные бури. Детекторы забирают все больше и больше энергии из аккумуляторов, но даже при самом большом увеличении база Флота не видна. Как мало ростков жизни во вселенной, как быстротечно их существование, как редко встречаются разумные существа!

А тем временем метеорит, вращаясь вокруг Кристины, переходит с одной орбиты на другую, постепенно приближаясь к ней. Моделируя траектории снаряда, создатели механизма принимали во внимание тот факт, что разуму Лента потребуется время для оценки ситуации. Кроме того, чем ближе к естественному будет движение метеорита, тем меньше шансов у халиан заподозрить неладное.

Кристина вырастает на глазах — сначала появляется белая звездочка, потом маленький серп, он растет и превращается в диск, темная часть которого слабо фосфоресцирует. На той стороне планеты, где сейчас день, облака создают причудливую игру света и тени. Мелькают голубые полосы океана и зеленовато-коричневые участки суши в тех районах, где погода ясная. Найденные следы говорят о том, что в свое время планета прошла через ледниковый период, но сейчас там установилось великое лето, и она пригласила и сладко спит вот уже пятьдесят миллионов лет. Сквозь облака просвечивают две планеты-спутника — размером поменьше Луны.

Заработала память Лента.

Тесс сжимает его руку. С их кресел виден мир, распростертый перед ними.

— Наш дом, — говорит она, задыхаясь от восторга. — Я знаю, мы будем там счастливы.

— Мне хотелось бы перенести тебя через порог, — отвечает он с улыбкой, и чувства захлестывают его. Ему вдруг так захотелось сжать ее в объятиях, ощутить тепло этого драгоценного тела. Ничего, скоро они приземлятся в лагере. Нашлась бы только свободная палатка, они найдут возможность уединиться. Там все будет по-другому!

Началось торможение, и корабль задрожал. Ландшафт под ними заволакивала дымка. Вдруг они прорвались сквозь туман и увидели лес, горы и серебрящуюся змейку реки.

Мозг Лента направляет все датчики на Кристину. Уже можно различить излучение с халианской базы: радиоактивное, инфракрасное, нейтринное. С каждой минутой мощность их возрастает, они вырываются из одной точки, словно из непрерывно кровоточащей раны. Помимо этого, появляются еще какие-то слабые раздражители: корабли противника то ли летят по служебным надобностям, то ли просто устроили сафари. Убивать халианам доставляет такое же удовольствие, как гуманоидам заниматься сексом. Ну, ничего. Когда база будет разрушена, можно будет поохотиться на отдельных спасшихся халиан.

Разум Лента не боится кануть в Лету и не завидует своему оригиналу. Он лишен тела, а потому не способен ощутить сладость жизни и цепляться за нее. Есть долг, который он должен выполнить. Ему предстоит совершить поступок, не имеющий аналогов в истории по своей значимости, послужить Тесс, нынешнему человечеству и его потомкам. Этим можно только гордиться.

И все-таки, пока он еще существует и свободен от необходимости немедленно решать какие-то задачи, он хочет припомнить все, что только можно.

Обычно облака были не темными, а перламутровыми. Когда глаза привыкали, в воздухе можно было различить мягкое свечение. На его фоне величаво поднимались голубые горы, вершины которых терялись в облаках и, казалось, доставали до звезд. На огромной равнине поляны перемежались с густыми чащами. Ленг стоял около деревьев в высоких коричневато-рыжих зарослях, напоминающих траву. Кора на стволах медно-красная, на густой листве с лиловыми прожилками поблескивают капельки воды. Над ними радуга раскинула свои трепещущие крылья. Прохладный ветерок приносит ароматы жасмина и имбиря, напоминающие о детстве.

Семейство амадеев привольно расположилось на лужайке. Хотя понятие «семья» отражает образ жизни человека, но Тесс считала, что здесь оно вполне применимо. Амадеи жили группами примерно по шесть взрослых самцов и столько же самок плюс их потомство. Складывались более или менее устойчивые моногамные браки. Можно сказать, что это были расширенные семьи. Время от времени группы встречались, резвились вместе, пели целые дни напролет, а молодые достигшие зрелости особи подыскивали себе партнеров. Потом семьи уходили на свои собственные территории.

Ленг радовался, когда ему попадались знакомые амадеи. Он часто разъезжал, изучая других животных, и поэтому в общении с амадеями Тесс достигла большей близости. (Эта была одна из причин, почему Ленг поселился на Моцарте; в низинах амадеи жили более скученно, не разбредались особенно далеко, можно было завоевать их доверие и наблюдать за их жизнью несколько лет подряд.) Постепенно он тоже завел себе друзей.

Амадеи были по-настоящему красивы. Взрослые особи — ростом с него, чуть наклоненное вперед тело уравнивалось причудливо изогнутым хвостом. Крупная, с тупым носом, голова на довольно длинной шее; темные, блестящие глаза; отливающие золотом зубы. Амадеи охотились на мелких животных, но в обществе своих собратьев вели себя, как правило, дружелюбно. Кожа, покрытая тонкими чешуйками с синеватым отливом, напоминала кольчугу. Ленга очень заинтересовали их передние лапы. Отростки на конце, судя по всему, могли развиться в пальцы; зачаток большого пальца рос отдельно.

Гимпи бродил среди кустов, собирая ягоды. Тумтум, уже насытившись, дремал под деревом. Белла с руки кормила детеныша, держа его на коленях. Фасси безуспешно пыталась согнать с дерева двух детенышей постарше — они затеяли там бесшабашную игру. Еще один детеныш заострил зубами палку и теперь втыкал ее в муравейник, вылавливая лакомых мирмекоидов. Рядом стоял еще один взрослый, наверное, присматривал за ним.

Джо тут же заметил Лента и, издав восторженную трель, бросился к нему. Он всегда вел себя достаточно дерзко. Остальные некоторое время держались чуть поодаль, и Джо досталась львиная доля угощения, которым были набиты карманы Лента. Это были крекеры, выпеченные из местных злаков.

Они запели. У каждого амадея были свои песни, и Лент почти никогда не слышал один и тот же мотив дважды. Их голосовой диапазон включал полных семь октав, и разнообразие производимых звуков получалось потрясающее: трели, свистки, завывание, глухое постукивание, клацанье, журчание. Все вместе они составляли музыкальную композицию, мелодичную, бравурную и зажигательную.

Ленгу приходилось также слышать зловещие пронзительные вскрики, предупреждающие об опасности, вокальные поединки самцов, любовные песни ухажеров, колыбельные, и то, что, без сомнения было оплакиванием мертвых. Тесс считала, что амадеи используют для общения музыку чаще, чем сигналы и жесты.

— Эй, не ставьте меня в неловкое положение, — смеялся Лент, — крекеры уже кончились, а ответить пением я не могу.

Планета становится огромной. Уже видно полярное сияние. Приборы работают на полную мощность. Было бы неплохо прошупать все радаром, но придется ограничиться информацией об изменении магнитных полей, о радиоактивных минералах, залегающих в земле. По этим и другим ориентирам можно отыскать нужную местность даже на планете, закрытой облаками.

Правда, ориентиры эти не так надежны, как радиоактивное излучение базы. Хотя и в этом случае величина погрешности составляет несколько километров. База находится на большой глубине, и радиация на поверхности слабая и рассеянная. Кроме того халиане по всем правилам военного искусства расположили вокруг нее глушители и ложные источники радиации. Поэтому точное местонахождение базы можно установить только визуально. Самое лучшее, что можно получить с помощью приборов, — это большое размытое пятно. Излучение, в том числе и инфракрасное, поглощается, отражается облаками, преломляется, и это приводит к искажению изображения. Можно спуститься пониже и посмотреть, но через секунду тебя подобьет ракета, или через миллионную долю секунды — энергетический луч.

Мозг Ленга задавал себе один и тот же вопрос: в чем же состоит его задача? Такая бомба вполне может разнести полконтинента. Как бы то ни было, анализ информации из банка данных подтвердил правильность слов Маклорена. Разрушительная сила известна — $E=mc^2$, пять тонн антивещества аннигилирует с пятью тоннами обычного вещества. Но рассеяние будет колоссальным, и эффективность удара непредсказуема. Дело не только в том, что халиане зарылись в твердые, устойчивые пласты, а их бункер укреплен изнутри и сейсмоустойчив. Главное, что база находится под окаймленной горами небольшой впадиной, и под какой именно, неизвестно. Чтобы поразить противника наверняка, даже при таком апокалиптическом взрыве, удар должен быть точным.

Мозг получит один короткий миг, чтобы рассмотреть объект сквозь возможную завесу дождя или тумана, вычислить направление удара и завести двигатель. Принимая во внимание наличие электронных органов чувств и встроенного компьютера, можно ожидать, что он определит по изменению рельефа, под какой из впадин окопался враг. Халиане хорошо поработали, восстанавливая первоначальный растительный покров, и могли бы ввести в заблуждение человека, плохо знающего землю Моцарта, но за долгие годы Лент исходил ее вдоль и поперек и много раз летал над ней.

За долгие и счастливые годы. Вот Юни позволила Тесс взять на руки своего детеныша. Он прильнул к ней и нежно защебетал, амадеям нравилось, что млекопитающие такие теплые и гладкие. Тесс дала малышу крекер. Он взял лакомство обеими лапками и аппетитно захрустел. Доев, вывернулся и, оббив ее руку хвостом, ткнул носом во внутренний карман.

— Смотри-ка — знает, откуда я достаю крекеры, — сказала Тесс. — Уже знает. Да, малыш? Ну и чертенок он у тебя, Юни.

Юни залилась веселыми трелями. Тесс отдала ей детеныша.

— Очаровательный малыш, — сказал Лент; и внезапно все происходящее наполнилось для него каким-то особым смыслом. — Я уверен, что мы видим предшественников мыслящей расы.

— Не сомневаюсь, — ответила жена. — Дай им еще десять миллионов лет или около

того и они начнут делать орудия труда, сочинять стихи, строить, сеять и жать, у них появятся цели, вопросы, они будут забираться на горные вершины, созерцать звезды, а потом, возможно, поднимутся в воздух. А какую музыку они будут сочинять! Если душа действительно бессмертна, ее могут услышать Бах, Бетховен или Моцарт, услышать и постараться понять. Хотя полностью это вряд ли возможно, настолько она не похожа на творения человеческого гения.

На Кристине заметили метеорит. Он несется в пространстве с огромной скоростью. Прямо к халианам. Предоставленная самой себе та часть метеорита, в которой находится оружие, отломилась бы и обрушилась на сушу или в океан. Это привело бы к полному опустошению, но оно должно быть локализованным. Компьютер непрерывно анализирует. Мозг Ленга готовится к завершению пути. С нечеловеческой непоколебимостью.

В тот короткий миг, когда поверхность планеты станет видна, он должен будет выбрать мишень. Чем быстрее он это сделает, тем вероятнее победа. Он рассматривает задание со всех сторон.

До сих пор мозг Ленга не мыслил астрономическими категориями. И ничей другой тоже. Конечно, сейчас он орудие войны. Но чем ближе к цели, тем ярче видны последствия удара. Если бы в планету врезался огромный астероид, выделение энергии было бы таким же.

Ленг никогда не занимался ни геологией, ни палеонтологией. И никогда не был на Земле. В силу своего образования он получил кое-какие сведения о колыбели человечества, но постепенно почти все забылось.

Сейчас же модель его мозга располагала всей полнотой информации.

От Кристины исходит белое сияние. Примерно через полминуты он войдет в верхние слои атмосферы. Для компьютера этого вполне достаточно. За тридцать секунд разум Лента может обдумать и выстрадать столько, сколько обычный мозг за тридцать лет.

Молчание в эфире взрывается посланием:

«Я не могу убить наше будущее».

Двигатель оживает. Метеорит содрогается, меняя направление, набирает скорость, и от него начинают отваливаться куски. Совершенно безопасные, они разлетаются в разные стороны. Адская машина сходит с орбиты. Она удаляется от планеты все быстрее и быстрее, и к тому моменту, когда кончится топливо, ни один корабль Флота не сможет ее перехватить.

Так я представляю себе случившееся. О том, что думал мозг Ленга, когда мчался напрямик к солнцу, гадать не берусь.

Небо затянуло красноватой дымкой, словно рассвет окропил его кровью. Залив скрылся из виду, но буйные заросли все так же угрюмо возвышались над берегом. В Вант Фанге остались мы одни. Мадам уже отправилась спать, попугай прикорнул на жердочке. Уходя, хозяйка продала нам все оставшиеся бутылки и заперла бар. Еще не пришел бой, который вытирает столы, выметает окурки и табачные крошки. Посеревший от табачного дыма воздух приобрел горьковатый вкус. Внутри еще сохранялась прохлада, но я чувствовал приближение дневной жары.

— То же самое случилось на Земле, — сказал Баляфр Триангулер бесцветным, уставшим голосом.

Я разглядел жесткую щетину на впалых щеках и синяки под налитыми кровью глазами.

— В конце мелового периода, на который приходился расцвет динозавров, в планету врезался астероид. Поднялось столько пыли и пара, что десятки лет Земля была окутана пеленой. Большинство солнечных лучей отражалось, и день казался сумерками. Зима продолжалась бесконечно долго. Растения, в том числе и морские, погибли, так же как и планктон, и животные, которые им питались, и хищники, которые охотились за этими животными. Три четверти видов, а то и больше, вымерли. Включая амниотов, которые водились еще задолго до динозавров, и сами динозавры тоже вымерли. Осталось лишь несколько видов рептилий и птиц.

— Знаю, — сказал я, — и тогда у млекопитающих появился шанс. Многие из них выжили. Прежде они играли небольшую роль, а сейчас наступило время их расцвета. А потом появились мы.

— Правильно, — кивнул Баляфр. — Но появление гуманоидов не было предопределено. Миллионы случайных явлений могли помешать этому, и тогда на Земле воспроизводились бы лишь растения и звери.

— А знаете ли, друг мой, — поднял он вверх костлявый палец, — что в позднем меловом периоде динозавры уже стояли на пороге разумной жизни? Это были уже не медлительные ящерицы. Многие из них имели хорошо развитую нервную систему. Теплокровные составляли большинство. Самыми развитыми были дромеозавры, двуногие, ростом примерно с человека, с крупным мозгом и зачатками рук.

— Вы хотите сказать, что бомба из антивещества сделала бы с Кристиной то же самое, — подытожил я.

— Правильно, — закивал он. — Я воспользовался подсказкой, которая содержалась в последнем сообщении электронного мозга, и произвел вычисления на компьютере. Выделение энергии было бы таким же, как при ударе астероида. Камни превратились бы в пыль, вода в пар, а воздушные потоки вынесли бы все это в стратосферу. И последствия в данном случае были бы еще тяжелее, потому что осколки разнесло бы взрывом на огромное расстояние, и площадь радиоактивного заражения была бы несравненно больше. А дальше — ядерная зима. Массовое вымирание. Да, конечно, простейшие формы жизни, может, и сохранились бы. Но для амадеев все было бы кончено.

— Не поймите меня превратно, — бормотал он пьяным голосом, — я не утверждаю, что командование Флота состоит из монстров. Никто не уподобляет их халианам. Они просто не задумывались над проблемами метеорологии, потому что им иначе вместе с неприятелем пришлось бы убивать животных. Факт прискорбный, но в противном случае погибло бы множество людей.

— И эти люди действительно погибли, — добавил я.

Он безвольно осел на стуле и посмотрел на зажатый в руке почти пустой стакан.

— Да, погибли. — Вскинув голову на короткий момент, он сказал срывающимся голосом: — Но зато мой призрак спас наше общее будущее!

Правда, Флот не оценил его поступок.

Хмель туманил голову, и я с трудом подбирал слова.

— Ваш призрак, вы говорите. Но все-таки не вы сами. Тогда почему же они обвинили вас? В чем же ВАША вина?

— Ни в чем, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Я был потрясен не меньше остальных. Мое начальство так и не смогло сформулировать никаких обвинений. Но все-таки это был мой разум. Как после этого они могли мне доверять? К тому же меня нужно было охранять от других офицеров — все знали, что из-за случившегося погибают десятки тысяч наших людей.

Приходилось ли вам испытать когда-нибудь, что это такое, когда люди, с которыми ты живешь бок о бок, вдруг отворачиваются от тебя? К тому времени, когда меня без всяких почестей спровадили в отставку, мне уже было на все наплевать. Я даже решил, что нет хуже без добра, лишь бы поскорее убраться восвояси. Я вернулся домой. Жена от меня ушла. И вот я оказался здесь.

— И теперь вы мучаетесь, справедливо ли с вами поступили? — пробормотал я.

— Да. Я сам не знаю. Не я это сделал. Но как бы я поступил в такой же ситуации? Не знаю, говорю вам. И никогда этого не узнаю.

Мы замолчали. Трудно было что-либо добавить. В конце концов я произнес:

— Некоторые в таких случаях говорят: Господь всех рассудит. Прощу прощения, но я здорово устал и хочу выпаться. Впереди много дел, — это было ложью. — Прощайте. Удачи вам.

Я поднялся и вышел навстречу солнечному свету. Туман стелился по земле. В заливе

под ярко-синим небом отливал сталью океан. И везде тишина.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Ауро уставился на экран. Как и обещал Бучанон, в сообщении было все, что необходимо знать любому офицеру Флота, а именно: Правила командования Эдисона и Устав. По крайней мере для сдачи экзаменов на звание лейтенанта этого достаточно. Быстрое продвижение по службе теперь ему обеспечено!

Нажимая на клавиши, молодой офицер начал изучать текст, мерцавший на расстоянии фута. Это было руководство командира — классический труд пятисотлетней давности, итоговое произведение адмирала Эдисона, героя Кластерной войны и отца современного флота. Вчерашний кадет, с трудом усвоивший математический анализ боя Элисона, который произвел революцию несколько лет назад, с облегчением увидел, что теперь имеет дело с более легкими вопросами моральной и медицинской поддержки.

Отставной Адмирал Дэв Су Эдисон
Правила командования
14.246МЗ
Боевой дух/Медпомощь/Заключение

Для того, чтобы персонал Флота действовал эффективно в условиях боя, когда люди не в состоянии распоряжаться даже своими жизнями, совершенно необходимо предоставить им максимально возможный контроль над теми факторами, которые они могут изменить.

Наиболее важной для боевого состава является возможность лечения в случае серьезных повреждений или истощения. Огромное разнообразие религий и укладов жизни в Альянсе, показало необходимость четкого разделения для медицинского персонала понятий «умирающий» и «мертвый».

По правилам войны считается серьезной ошибкой попытка транспортировки раненого, которая может привести к его гибели, если существовала возможность спасения на месте. В настоящее время это положение пересматривается.

Анализ показывает (см. приложение 54) расширение возможностей для самоподдержки солдат, что в дальнейшем позволит окупить потери, понесенные даже в самых тяжелых битвах.

Энн Маккеффри. ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

— Я не знаю, можно ли что-нибудь сделать с тем, что осталось от этого Спящего красавца, — с сожалением сказала Джессап.

— Что-что? — Барди Мэйкем искала информацию об ополченце Джеферсона, скончавшемся от потери крови. Она была удивлена, почему компьютер не может считать данные со своих собственных мониторов. Не говоря уже о том, что предполагалось возвращать любые останки, поскольку семьи предпочитают знать, что их близкие похоронены должным образом. Не важно где — по их мнению, даже погребение в космосе предпочтительней, чем просто без вести пропасть. Вздыхнув, она отправила ополченца в зону сортировки для изъятия органов.

Она посмотрела через плечо Джессап и ощутила ее дыхание. Мужское лицо внутри шлема было очень красивым, чертовски красивым, за жесткой линией рта и волевым подбородком угадывался негибкий характер. Она стерла грязь с таблички на шлеме. Пилот «Бонни Паркер»?

— Знаешь, Бард, — продолжила Нелли Джессап свои рассуждения. — Я думаю, что новые скафандры действительно срабатывают. Ведь только скафандр контролировал кровотечение. Хотя конечности были оторваны, аптечка совершенно пуста, но держу пари,

что именно поэтому он все еще жив. Черт знает что! Победа науки над кровопролитием!

Барди Мэйкем ввела его идентификатор в главный корабельный банк данных, попутно отслеживая параметры жизнедеятельности. Из-за попадания ракеты халиан во внутреннюю систему компьютерная сеть была повреждена, вследствие чего на терминал выдавались длинные и пустые отчеты. Но вроде бы поломку должны были уже устранить.

— О'Хара, Роджер Элиот Кристофер.

— Что о нем есть? — Она пропустила общую информацию, пролистав до требуемых медицинских данных: группа крови, резус-фактор, последние ранения, предыдущие травмы. Он был на хорошем счету: отличная регенерация тканей.

— К тому же половые органы на месте, правда, слегка помяты, но СГ на месте.

СГ в лексиконе Нелли означало: «самое главное», когда она имела дело с пациентами-мужчинами.

— Боже! Это его собственное лицо, — с удивлением заметила Джессап, просматривая медицинскую карту Роджера О'Хары, и добавила:

— Всего один шрам, придающий ему шаловливое выражение. Но, черт возьми, не думаю, что нам удастся собрать все остальное!

— А что с мозговой функцией? — Барди изучала медицинские данные.

— Не так уж и плохо, — ответила Джессап, отслеживая показания монитора. — Наверное, наследственность хорошая. Левая рука висит на лоскутке кожи, чуть ниже локтя, правда, сустав не потерян. Отсутствует большая часть бицепса и плечевой сустав, левое колено разбито, бедро расколото в девяти местах, ах, и левая стопа оторвана. Левая сторона грудной клетки раздавлена, грудина треснута, легкое проколото. Пальцы справа отсутствуют, правая рука...

— Какая досада. — И Барди, с ее изысканным мастерством наложения микрошвов и склеивания разрывов гелем, состроила гримасу отвращения, глядя на записи О'Хары.

— Совершенно ясно, что он не может быть донором мозга, хотя и оставил разрешение на использование своих органов.

— О черт! — воскликнула Нелли. — Большая часть его органов все еще работает, но скорее снаружи, чем внутри. Селезенка разорвана, поджелудочная железа разрезана, легкое проколото, одна почка, большая часть печени отсутствует, кишки вывалились наружу, но это легко поправимо. Глаза в порядке!

Джессап старалась говорить убедительно.

— Мы можем все это заменить, — тяжело вздохнула Барди. — Но он хочет уйти...

— Позор потерять такого красивого парня! Почему бы тебе не пересадить голову?

Нелли всерьез считала, что старшинство Барди позволяет той делать все, что заблагорассудится.

— Ты не хуже меня знаешь правила для таких случаев, — сердито взглянула Барди на Нелли Джессап. — К тому же при всем нашем желании сегодня не поступало ни одного подходящего тела. Его голова вполне официально находится вне игры.

Она наблюдала за монитором показателей жизнедеятельности на скафандре.

— Однако он крепкий парень, — изумленно покачала головой Барди. — С такими ужасными ранами другой давно, бы уже умер от шока.

— Это все скафандр. В рапорте о нем будет весьма лестный отзыв.

Нелли Джессап с сочувствием взглянула на неподвижного человека. Для Барди было полной неожиданностью увидеть на ее лице нежность. К вопросам сортировки Нелли относилась с беспощадной объективностью.

— Он не сдался без борьбы. Его артериальное давление низкое, но устойчивое, и сердце пусть и с перебоями, но бьется.

— Он заслужил свой шанс, ты согласна?

Джессап была взволнована. Ее карие глаза жестко смотрели на Барди.

— Я знаю, что не должна тебя слушать, Нелли...

— Но тем не менее ты это сделаешь! — воскликнула Джессап.

— Будь по-твоему, за работу.

«Элизабет Блэквелл» был одним из пяти кораблей-госпиталей, на борту которого работало двадцать команд высококвалифицированных хирургов и медсестер. Тем не менее все команды постоянно жаловались на нехватку персонала, когда после последней атаки на позиции халиан раненные стали прибывать сплошным потоком.

В распоряжении врачей были самые совершенные методики и самое лучшее оборудование, применяемое в военной медицине, иногда даже не прошедшее стадию эксперимента.

Военный хирург Барди Мэйкем проходила обязательную двухгодичную службу и была искренне рада, что срок ее службы истекает через две недели. Она повидала достаточно раненых, чтобы заслужить право на отдых.

Нелли Джессап собиралась отработать по контракту десять лет, если, конечно, выживет. Ее уже дважды ранили во время полетов на курьерских кораблях.

Барди и Джессап проводили своего пациента на стриппер-аппарат, предназначенный для извлечения любой части тела, не являющейся плотью, костью или сухожилием.

Антигравитационные прокладки стриппера управляли разрезанием плоти с искусностью паука, плетущего паутину. К тому же его датчики проверяли твердость и мягкость ткани, посылая результаты на обзорный экран; определяли вес и размеры пациента; перепроверяли кровь, кости, тип ткани и позволяли увидеть в цвете работу системы кровообращения вплоть до крошечных точек разрывов или закупорок. Скорость, с которой раненого подготавливали к операции, позволяла заметить подчас неуловимую разницу между жизнью, полужизнью и смертью.

Они провели его сквозь стерилизующие лучи, которые дезинфицировали как больного, так и медсестру и хирурга. Затем, войдя в хирургический блок, Барди начала прикреплять аппарат сердце — легкое, вспомогательный анестезатор, в то время как Нелли ставила капельницу в относительно неповрежденную правую руку, чтобы обеспечить поступление стимуляторов в кровь и лимфу.

— Не так плохо, как казалось, — заметила Барди, наблюдая за изменениями параметров жизнедеятельности и решая, с чего начать в сложной операции восстановления.

Умение быстро решать подобные задачи делало ее незаменимым хирургом, а великолепная, почти сверхъестественная интуиция помогала спасать, казалось, невозможные тела. Она надела перчатки — для большинства работ требовался высокоадгезивный клей-гель. Была шутка:

— Склеивай пациента, а не приклеивайся к нему.

— Замена органов? — Она повысила голос для включения системы обслуживания операции.

— Готов, — ответил искусственный голос.

Мозг, управляющий банком органов, некогда принадлежал старшему хирургу.

— Ред? Дай запрос на все девять сортировочных станций. О'Хара, Р.Э.К. Селезенка, левое легкое, левая почка, печень, новый левый плечевой сустав, левый локоть, запястье, колено, лодыжка...

— Пожалуй, он приближается к этому миру, а не уходит в иной, — заметил Ред.

Прозвучал сигнал прибытия транспортера с органами, содержащимися в специальных растворах для поддержания их жизнедеятельности. Джессап начала процедуру антиотторжения, чтобы быть уверенной, что каждый пересаженный орган хорошо приживется в новом теле. В конце двадцатого века операции по пересадке были варварскими, жестокими и негуманными. Позднее они стали предметом изучения не только медицины, а ужасающие космические войны довели до совершенства реабилитацию раненых.

— Ему не понравится такая голова!

— А что в ней такого особенного?

— Сейчас ты уже не сможешь этого понять, Ред, — ответила Барди и мельком

взглянула на классический профиль О'Хары.

Джессап заклеила тонкую рваную рану на лице, а Барди в это время заменила легкое. После отдыха, который они ему дали, его собственное сердце еще могло работать, поэтому новое легкое спокойно легло в грудную полость. Этот Спящий красавец был настолько Шалтай-Болтай, лучше было сохранить и соединить все, что от него еще осталось.

Вместе они трудились над плечевым суставом, рукой, поврежденным крестцом и восстанавливали сломанные ребра с помощью костевого геля. Печень и почка, селезенка, поджелудочная железа. Желчный пузырь ему не требовался. Затем они начали восстановление кишечника, зашили разрез в стенке желудка и склеили рваную рану, пересекающую брюшную полость.

— Чудесный член, — вскользь заметила Джессап. — Необычный для высокого мужчины.

Барда только хмыкнула. Ей не хотелось продолжать обсуждение. Джессап, с присущей ей приземленностью, вполне могла развить эту тему основательно, с многочисленными вариациями.

— Лично я всегда предпочитаю невысоких мужчин.

Но сегодня Джессап была несносна.

— Давление поднимается, эй, он уже может это делать. Если на него не набросится какой-нибудь вирус, — добавила она.

— Может быть, и сможет, — ответила Барда и принялась работать над его левой ногой.

Существовало множество сервомеханизмов, роботов и других электронных ассистентов хирурга, но так как каждый человек слегка отличается от другого, так и машины, даже самые сложные, не могут заменить чутье живого хирурга. Самые лучшие роботы не сравнятся с человеком в ловкости и сноровке. Машине можно доверить работу, которую Джессап называла черной, но она никогда не заменит человеческие руки.

Спустя какое-то время они закончили собирать Роджера Элиота Кристофера О'Хара в единое целое. Обе валились с ног от усталости. И Ред объявил им своим неумолимым голосом, что необходим немедленный отдых, поскольку уровень работоспособности упал ниже отметки, допустимой для хирургических операций.

Чтобы воскресить О'Хару, потребовалось целых четыре часа и все их хирургическое искусство. К тому же в смене Барди и Нелли он не был первым пациентом.

Санитар вывез носилки с О'Харой из операционной. Барди и Джессап проследовали за ним через дезинфицирующие зеленые лучи и вышли в коридор.

— Это офицер? — спросил санитар.

— Да, — ответила Барди.

Действие адреналина закончилось, и она ощущала легкое головокружение. Барди взялась за ручку тележки.

— Я справлюсь сам. Неужто вы не доверяете мне, девочки?

Барда усмехнулась:

— Конечно, доверяю, Наффи, но только не в этом случае.

Наффи надулся, он уже насмотрелся на лежащего без сознания О'Хару.

— Делай как знаешь. Ты всегда поступаешь по-своему. Хотя какая от него польза? Сектор 22, койка 4.

Две усталые женщины повернулись к центральному табло.

— Из показаний монитора ясно, что О'Хара вычеркнут из списков. Вы уверены в том, что сможете снова внести его туда?

— Наффи, ты имел больше права доступа, чем мы в последнее время, — сказала Барди решительно, и они с Нелли вошли в двадцать второй сектор.

Наффи очень ловко управлял антигравитационной тележкой. Она осторожно переместила пациента на кровать, принявшую его в объятия своих высокочувствительных датчиков.

Вернувшись в свою каюту, Барди первым делом запрограммировала свой экран на

десятиминутные отчеты о состоянии лейтенанта О'Хары. Затем приняла душ из распылителя: всего лишь одна чашка воды дала ощущение свежести. И наконец, заказала горячий коктейль с повышенным содержанием протеина, легла в постель и поела. Ее разбудил звонок, и она долго терла глаза, пытаясь посмотреть на экран. Состояние О'Хары не изменилось. Она попробовала не спать до следующего отчета, но это было ужасно трудно. Тогда Барди перепрограммировала устройство разбудить ее только в случае значительных отклонений и уснула прежде, чем голова ее коснулась подушки.

К своему удивлению, она проспала целых десять часов. Проснувшись, она почувствовала себя виноватой. Экран мерцал без изменений, Барди никак не могла сообразить, почему наблюдение за пациентом проводится здесь. И тут ее осенило: Шалтай — О'Хара! Она перемотала записи.

Он тоже проспал десять часов. Показатели его жизнедеятельности были удовлетворительными. Никаких намеков на отторжение новых органов. Как, впрочем, и никаких признаков пробуждения и проблесков сознания.

— Это даже к лучшему, — решила Барди. Ведь до сих пор еще не изобрели универсальный болеподаватель. Ей не нравилось думать о боли, неизбежной в ее профессии.

Барди оделась, выпила протеиновый коктейль, зарядивший ее энергией на весь предстоящий день, и вышла из каюты. Коридор был на удивление пуст. Доносившийся отовсюду храп наводил на мысль, что новых нападений не было. Ну, наконец-то долгожданное затишье в этой бойне. До мобилизации ей оставалось тринадцать дней, и их еще надо было прожить. Барди стояла перед дилеммой: полностью загрузить себя работой на весь этот срок или отдохнуть и постараться направить мысли в мирное русло.

Она зашла в комнату для дежурных и обнаружила, что они с Нелли дежурят в следующую смену, если, конечно, доживут. В запасе один час. На информационном табло сводки о последней атаке. Победа или поражение — не все ли равно. В любом случае будет груда раненых тел. Она почувствовала угрызения совести от таких непатриотических мыслей. И все-таки какие бы победы ни были одержаны, она не находила в них ни доблести, ни славы. Нет никакого оправдания подобным действиям. Барди не помнила уже, что заставило ее пойти на эту работу, разве что минутное умопомрачение. Правда, она многое знала и умела, но ведь и на передовой было предостаточно легкой, рутинной и подчас ненужной работы.

Барди очнулась от раздумий и очень удивилась, что стоит около койки 4 в секторе 22. Показатели превзошли все ожидания: новые органы пока функционировали нормально, даже кожа О'Хары приобрела здоровый оттенок.

— Да из него даже мычания не выжмешь, — сказал Наффи, неслышно подойдя сзади. Он перевел взгляд с экрана на ее лицо.

— Ты не устал, Наффи? — Его реплика почему-то задела Барди.

— От дежурства? Несомненно, — усмехнулся Наффи. — Он действительно должен очень надолго прийти в себя, чтобы осознать, что все еще жив! И тогда он будет страшно благодарен.

Ворчание Наффи рассмешило Барди:

— Так что ж ты не возьмешь его за руку и не убедишь в этом?

— Он не в моем вкусе, — резко ответил Наффи и вышел.

Барди просмотрела сводки. Внешне все выглядело хорошо. Еще бы, ему ведь не надо было бороться ни с горячкой, ни с болью.

Она прикоснулась к его груди, кожа была теплой, затем положила руку на лоб, отведя назад необыкновенно мягкие волосы. Потрясающе красивое лицо. Лениво она провела пальцем по тонкому розовому шраму на щеке и тут с удивлением заметила слабую улыбку.

— О'Хара? О'Хара? — произнесла она мягко. Потом немного громче. — Роджер!

Улыбка светилась на лице. Дыхание стало глубже, и он снова уснул, слегка повернув голову к ней. Он все еще улыбался.

— Эй, Роджер, проснись, проснись.

Он досадливо нахмурился.

— Роджер, я знаю, что ты здесь. Открой глаза!

— Вы добились больших успехов. — Голос дежурной сестры испугал Барди. — Но ведь мы тоже старались.

— С каких это пор по выражению лица судят о том, пришел человек в себя или нет?

— Но это единственная реакция, которую удалось получить от Спящего красавца.

— Это не кома, — сказала Барди, изучая показания приборов.

— Да. Образец нормального сна. Даже если его отключить от оборудования, поддерживающего жизнедеятельность, ничего не изменится.

— Можно попробовать, — заметила Барди, но в это время пациент в другой кровати жалобно застонал, и она поспешно направилась к нему.

После смены, прошедшей довольно спокойно, они с Нелли опять постояли около кровати номер 4.

Перед следующей сменой Барди сделала перерыв, чтобы посетить сектор 22. Теперь кровать номер 4 окружали несколько врачей, включая Главного Психиатра.

— А, хирург Мэйкем, — сказал Брэндис, коварно улыбаясь: — Как я понял, именно вы продемонстрировали на этом пациенте чудеса хирургии. И наверное, сможете объяснить, каким образом он впал в сомнамбулическое состояние?

— Он все еще не пришел в себя? — удивилась Барди. На лицах медиков отразились интерес и недоверие.

— Вообще говоря, он получил сильные телесные повреждения. Возможно, травма была настолько глубокой, что он не желает осознавать это.

— И тогда... — продолжил Брэндис, игнорируя ее предположение, — ...это расстройство может быть психосоматическим?

Барди пожала плечами. Она чинила тела, а не мозги.

— Скафандр сохранил ему жизнь, возможно, и сознание тоже. Он может представлять, насколько сильно покалечен. Но как долго он был в сознании, неизвестно; скафандр фиксировал только параметры жизнедеятельности.

— Хорошая мысль. — Брэндис и другие повернулись, чтобы взглянуть на безмятежное лицо спящего. — Вполне возможно, он знает о состоянии своего тела, поскольку записи указывают на желание освободиться от телесной оболочки.

По тону Брэндиса Барди поняла, что он раздосадован тем, что такой уникальный случай ускользнул от него. Брэндис имел огромный опыт в консультациях по вопросам «сознания».

— Доктор Мэйкем добилась реакции лейтенанта О'Хары, — вмешалась дежурная сестра. Она стояла с другой стороны, и Барди ее не заметила. С каким удовольствием Барди свернула бы ей шею!

— Когда и какой? — Выражение нетерпения на лице Брэндиса стало почти алчным.

— О, я лишь слегка коснулась его лба. — Барди чувствовала себя глупо: прикосновение считалось анахронизмом; сложнейшие приборы измеряли температуру с высокой точностью.

— И?.. — Ободрил ее Брэндис.

— Слабая улыбка. Возможно, рефлекторная. — Она почувствовала румянец на щеках.

— Несомненно, — насмешливо пробормотал кто-то.

— Кто бы мог подумать, что такому красивому мужчине нужно еще и мозгами шевелить!

— А кто это знает? — Слова вырвались, прежде чем Барди успела подумать, и тут же залилась краской.

— Вполне естественное тщеславие, — невозмутимо заметил Брэндис, в его холодном взгляде не отразились никакие эмоции.

Брэндис был довольно привлекательным парнем, в отличной форме, и, если верить госпитальным сплетням, проявлял недюжинную активность в гетеросексуальных связях, что,

вообще говоря, нарушало профессиональную этику. Словом, Барди почувствовала, что он завидует.

— Итак, доктор Мэйкем, не будете ли вы так добры повторить ваш опыт? — Он отошел в сторону и освободил место Барди.

Барди не понравились ни его выражения, ни манеры, ни требования. Неохотно она вышла вперед, чувствуя себя еще более нелепо, чем в те времена, когда была студенткой первого курса медицинского колледжа, и положила руку на широкий лоб О'Хары.

— И это все? — презрительно спросил Брэндис. Никакой реакции пациента не наблюдалось.

Барди боролась с желанием повернуться и убежать. С мрачным выражением лица она передвинула руку и в точности повторила свои действия.

— Роджер О'Хара! Роджер!

Ее пальцы медленно скользнули по лбу и отвели назад его кудри. Когда слабая улыбка вновь тронула его губы, она уже не знала, радоваться или нет. Лучше бы провалиться сквозь землю. Впрочем, эксперимент есть эксперимент.

— Эй, Роджер, проснись, проснись.

И снова его брови пришли в движение, на лице появилось почти незаметное выражение недовольства, и голова слегка отодвинулась от нее.

— Я знаю, ты здесь, очнись!

Барди замолчала, чтобы прочистить горло.

— По крайней мере — это все, что я говорила.

Последовала долгая и неловкая пауза, пока ее коллеги переваривали увиденное.

— И это все, чего вы добились? — нахмурился Брэндис.

Барди неопределенно кивнула. Ее профессиональный статус был восстановлен, и это доставило ей удовольствие.

— Это самый значительный отклик, полученный от него, — одобительно сказала дежурная сестра.

— А не попробовать ли и вам. — Движением руки Брэндис пригласил сестру повторить действия Барди.

Никакой реакции.

— Интересно. Весьма интересно.

На воротнике у Барди тихо запищало устройство вызова.

— Начало смены, коллеги. Извините, мне пора.

Она покинула сектор 22 настолько быстро, насколько ей позволило чувство собственного достоинства.

Большинство случаев в этой смене были обычной рутинной: ампутации, дикие рваные раны от последнего изобретения халиан — кромсателя. Она испытывала удовлетворение, спасая жизни, и все же одна и та же галлюцинация преследовала ее: улыбка О'Хары на лице каждого пациента.

В конце смены она вернулась в сектор 22 к кровати 4 и просмотрела последние показания приборов. Из них следовало, что Роджер О'Хара так и не приходил в себя. Из медперсонала никого, кроме нее, в секторе не было. Испытывая явную неловкость, Барди погладила лоб О'Хары, запутав пальцы в кудрях, затем скользнула вниз по щеке. Появилась улыбка.

— Роджер, — сказала она мягко, ласково. — Ты здесь, я знаю это, пожалуйста, перестань прятаться. Все хорошо, проснись. Ты в своем собственном теле. Мы не позволили тебе умереть, ты знаешь. Поэтому у тебя есть выбор. С тобой все в порядке. Ты действительно существуешь! Ты все еще цел и поправляешься даже лучше, чем можно было ожидать.

Она повторила ласку, и он пошевелился, глубокое «М-м-м» зародилось в его гортани, и он облизнул губы.

— Роджер, милый мальчик.

Она погрузила палец в стакан воды и провела им по его губам, которые, как это ни странно, были не такими уж и сухими.

— Давай, Роджер. Проснись. — Он нахмурился снова.

— Ты не хочешь просыпаться? Ладно. А если все-таки попробовать? Уверю тебя, ты будешь прекрасно себя чувствовать. К тому же, боюсь, у Брэндиса есть относительно тебя кое-какие идеи, и ты не будешь от них в восторге. Так что лучше просыпайся.

Выражение недовольства стало сильнее, голова Роджера повернулась, как бы сопротивляясь ее требованиям.

— Сделай это для меня, Роджер? Проснись для Барди?

Она откинула со лба его волосы, ласково перебирала их, не переставая удивляться мягкости и упругости кудрей, обвивающихся вокруг пальцев.

— Вспомни о маме, Роджер, ну давай, сладкий мой, открой глазки.

Она постаралась придать голосу интонации нежности и любви. Веки его задрожали, мускулы на висках и скулах задвигались.

— Все хорошо, просыпайся, Роджер.

— Тебе не нравится это слово?

Выражение недовольства покорно появилось на его лице, но на этот раз оно было не таким сильным.

— Я хочу знать, почему? Вспомни о чувстве долга или проснись просто так. Полагаю, с твоей внешностью не может быть слишком много проблем в жизни. И ты окажешься вне этой войны, в том случае, если решишь... пробудиться!

Она усмехнулась, подбирая синоним, затем из чистого озорства, вспомнив, как оригинально называла его Джессап, она наклонилась вперед:

— Роджер, Спящий красавец. — И поцеловала его в губы.

В этот момент она уловила движение за своей спиной и увидела, как его глаза открываются, часто моргая, чтобы сфокусироваться. Она скользнула прочь от кровати и оказалась за пределами сектора раньше, чем кто-либо смог ее окликнуть.

Благополучно добравшись до своей каюты, Барди вызвала сектор 22 кровать 4 и увидела хаотичные всплески альфа-волн. Спящий красавец проснулся.

Она осуществила свое желание быть настолько занятой в последние дни контракта, чтобы на раздумья времени не оставалось.

В последнее утро на «Элизабет Блэквэлл» Барди проснулась с чувством сильного облегчения оттого, что отслужила наконец эти два ужасных года. Пытаясь вернуть душевное равновесие, она использовала почти всю дневную порцию воды в душе, вымыла волосы, высушила и попыталась уложить их, как в мирное время. Затем надела изящную тунику, плотно облегающие брюки и ботинки, одежду, которую не носила с начала стажировки. Она даже слегка подушилась духами, долго пролежавшими все это время на полке шкафа. Затем сунула в сумку чистый форменный костюм и несколько личных вещей, которые ей позволили взять с собой. И это было все.

— О, голубой цвет тебе очень к лицу. Чудесно, — сказала Нелли, оценивающе разглядывая Рарди, вошедшую в палату.

Два других свободных от дежурства хирурга выразили согласие долгим свистом, а затем угостили Барди традиционным прощальным стаканом флотского сока.

Ее попросили отвезти домой письма. На табло Барди оставила прощальное сообщение для друзей. После этого у нее осталось еще время до отлета шаттла, который доставит ее на первую станцию по пути домой. Нелли вызвалась проводить ее до воздушного шлюза.

— Черт возьми! Никто никогда не был так добр ко мне, как ты. И, наверное, не будет, — объявила Нелли, неожиданно разрыдавшись при прощании.

Барди отстранила ее, раздосадованная сентиментальным порывом этой ожесточенной жизнью медсестры.

— Со сколькими хирургами ты уже служила, Нелли?

— Не в этом дело, — отвечала Нелли, глотая слезы. — Только по тебе я буду скучать.

— Э нет, а вдруг следующий окажется красавцем!

— Кстати, здесь Спящий красавец собственной персоной, — сказала Нелли.

Рыдания чудесным образом стихли.

Барди бросила быстрый взгляд поверх ее плеча и увидела в потоке раненых, эвакуируемых на этом шаттле, лейтенанта Роджера Эллиота Кристофера О'Хару на антигравитационном сиденье. Сопровождавший его Наффи вежливо поддерживал беседу со своим подопечным. Лицо пилота выражало внимание, но едва заметная морщинка между бровей указывала скорее на терпимость, чем на заинтересованность. Словом, болтовня Наффи была для него не более чем легкий шум. Бодрствующий Роджер О'Хара был настолько прекрасен, что, взглянув на него, никто не остался бы равнодушным. Его спокойное лицо обрамляли неистово вьющиеся волосы.

— Поразительное заживление. Брэндис собирался специально изучать этот случай. Как я слышала, О'Хара проснулся в тот момент, когда все было готово для начала исследований.

Барди поспешила закончить сцену прощания, желая попасть на борт шаттла раньше, чем Роджер доберется до воздушного шлюза. Ей это удалось, и пока в переходной камере выравнивалось давление, она не переставала удивляться: почему она, словно испуганная девчонка, убежала только от одного лишь взгляда на него.

В течение всего долгого и скучного пути к транспортному кораблю Барди пыталась проанализировать свою реакцию. И только когда шаттл соединился с материнским транспортным кораблем, она поняла, что ее так сильно испугало: из всех мужчин и женщин, которых она оперировала, лейтенант О'Хара был единственным, чье лицо она смогла узнать. И это, вообще говоря, не вписывалось в стереотип отношений пациент — врач. Достаточно часто ей приходилось совершать больничные обходы, и всегда пациенты были для нее только номерами коек и секторов, описанием болезни и степенью тяжести ранений, которые она забывала сразу же, как только переходила к следующему искалеченному телу. И уж конечно, ей никогда не приходилось целовать мужчин для того, чтобы они пришли в сознание. Естественно, у нее не может быть ничего общего с этим Спящим красавцем. Принцем-лягушкой или Шалтаем-Болтаем.

К счастью, хорошо организованный беспорядок, подразумевающий, что раненые должны выгружаться в первую очередь, нарушил плавное течение ее замечательных откровений. Барди увидела О'Хару, лежащего на воздушной подушке, — глаза его были закрыты. Удивительно, для полного заживления ран двух недель было недостаточно. Пройдет ли это путешествие благополучно для него?

Ей выделили каюту значительно больше, чем та, которую она занимала на «Элизабет Блэквелл». В ней было достаточно пространства не только для откидного стола и табурета, но даже для туалета и душа. Едва она осмотрелась и повернулась к обзорному экрану, чтобы изучить расположение отсеков корабля, как раздался сигнал зуммера и на экране появился дежурный по станции.

— Майор-хирург Мэйкем, пожалуйста, явитесь на палубу С, больничная станция G.

— В чем дело?

Военный посмотрел вниз и направо:

— Вы хирург, оперировавший лейтенанта О'Хару?

— Да, какие-нибудь проблемы? — Возможно, они и вправду поспешили с его эвакуацией.

— Он не желает просыпаться.

— Что?

— Не будете ли вы так любезны зайти?

Кадровый военный вполне мог бы позволить себе и приказной тон.

Помимо беспокойства об О'Харе, Барди испытывала жгучее любопытство. Перед ее мысленным взором появилась картина: О'Хара, покидающий шаттл с закрытыми глазами. Но как он мог спать? При обычных перегрузках, скрипах и столах, неизбежных даже на новейшем шаттле, это было почти невозможно.

Изучив условные обозначения в схематическом плане палуб корабля, она сразу же обнаружила антигравитационную шахту прямо рядом с ее каютой на палубе Н, затем госпиталь G на палубе С. Когда она туда добралась, назойливый военный уже ждал ее с плохо скрываемым нетерпением. На лице его было написано: что-то слишком долго вы сюда добирались. Но он лишь коротко кивнул, приглашая следовать за ним.

— Может быть, вы осмотрите его снова, раз уж вам хорошо известен его случай... — сказал военный, пропуская ее в каюту.

Едва она вошла, как дверь за ней сразу же закрылась. Барди удивило такое поведение. А что, если она доложит об этом палубному врачу?

Роджер Элиот Кристофер О'Хара лежал искусно спеленатый сенсорным покрывалом, и распечатка над его койкой не смогла объяснить ей причину столь срочного вызова. Правда, он выглядел несколько более бледным, чем следовало. Приблизившись к койке, она заметила легкую испарину на лбу. Приборы не показывали никаких болевых реакций, и согласно отчету два часа назад ему давали лекарства.

Она положила руку ему на лоб — влажный и прохладный. Пальцы блуждали по упругим, но мягким кудрям.

— Так-так, дружище, что это значит? Ты был в хорошей форме, когда Наффи вез тебя.

В самом деле или ей только показалось — между бровями О'Хары появилась едва заметная морщинка. Она вновь погладила его лоб:

— Если не будешь соблюдать осторожность, то можешь опять попасть в руки Брэндиса: он все еще интересуется тобой.

— Я знаю один-единственный способ разбудить Спящего красавца, — ответил он, но глаза его оставались закрытыми. — В первый раз мне понравилось. Но я не был уверен в том, что ты реально существуешь, пока не увидел тебя на корабельных сходнях. Брэндис убеждал меня, что ты существуешь только в моих мечтах.

Внезапно он открыл глаза, и они были изумрудно-зеленые. Медленно повернув голову, он посмотрел на Барди:

— И потом ты поцеловала меня, не так ли? И я пробудился потому, что это было волшебство, разве не так?

Она не поверила в его искренность. Как мог он, прослуживший целых три года в этом аду, сохранить веру в прекрасные сказки.

— О нет, ты не Спящий красавец, О'Хара. Ты скорее Шалтай-Болтай!

— Именно поэтому я должен был увидеть тебя, Барди Мэйкем, — сказал он так горячо, что его бархатистый баритон задел какую-то струнку в ее душе. — Я хорошо представлял себе, какие тяжелые раны получил, перед тем как окончательно потерять сознание, и был в ужасе...

Его голос прервался, и он конвульсивно сглотнул. Нет, Роджер О'Хара не верил ни в какие прекрасные сказки, просто он боялся ужасного окончания своей истории.

— Мне необходимо было знать, что ты существуешь на самом деле, Барди Мэйкем, а не в сказке.

— Алиса в стране чудес...

Его ответная улыбка была преисполнена обаяния:

— Наффи рассказывал мне, что это просто чудо. Насколько правильно ты все сделала, ни разу не ошиблась. Не говоря уже о том, что ты обошлась даже и без королевской рати.

— Да уж, так, значит, ты снова разыграл Спящего красавца, чтобы заманить меня в свои сети?

— Я страшно зол, что еще какое-то время не смогу сам прийти к тебе. — Плечи его нервно вздрогнули, и на губах появилась озорная улыбка. — Примешь ли ты как должное, если я украду тебя, брошу на белого скакуна и увезу в солнечную страну, где мы будем жить счастливо вместе, пока смерть не разлучит нас?

Напряженный взгляд ярко-зеленых глаз волновал Барди сильнее, чем она могла себе представить.

— По крайней мере во время этого путешествия... Как ты думаешь, по какой причине я проснусь окончательно?

Он закрыл глаза. Прекрасное лицо опять стало спокойным, и только в уголках губ притаилась обещающая улыбка.

Смеясь над его капризом и все-таки желая дать ему возможность насладиться самым сильным болеутоляющим, которое она применяла за эти два года, Барди наклонилась к О'Харе и выполнила его просьбу. Магическая сила поцелуя оказалась намного сильнее, чем Барди Мэйкем могла себе вообразить.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Проверка заняла меньше недели. В этот период Мейер отсутствовал, занимаясь инспекцией. Он был ответственным за пятнадцать торговых кораблей, которые все еще находились на орбите Бычьего Глаза. Как-то раз Ауро случайно влез в записи Элисона, касавшиеся правил хранения и проверок складских помещений.

Устав 16.456.71.1

Снабжение и материально-техническое обеспечение

От плохо обеспеченного корабля в бою мало толку. Опыт столетий показывает, что отсутствие даже, казалось бы, малозначительных и бесполезных вещей может обернуться поражением. Поэтому жизненно необходимо на всех уровнях Флота располагать потенциально необходимые ресурсы в непосредственной близости от реальных или возможных конфликтных зон.

На базах и складах должно поддерживать максимальное разнообразие необходимых средств и материалов. Невозможно, да и опасно предсказывать, что именно окажется необходимым, а что — нет. Важная роль, которую сыграла хлопчатобумажная ткань во время переговоров с миром Фериланкси, или значение рыбьего жира в битве у Тесара показывают, что необходимыми могут оказаться самые неожиданные предметы. И подчас именно их и не оказывается под рукой. Вот почему из этой непредсказуемости можно сделать лишь один вывод: на каждом складе всегда должен иметься максимальный выбор материалов, даже самых невероятных.

Возможно, кому-то такой подход покажется убыточным и неэффективным, на деле же все обстоит иначе. При правильном хранении запасы могут долгое время оставаться пригодными к употреблению. К тому же при таком подходе вы будете располагать теми или иными материалами, уже готовыми к доставке, что обойдется гораздо дешевле, чем создавать запасы для нового театра боевых действий. Кроме того, если учесть стоимость аренды военных кораблей с их высококвалифицированным персоналом, то отвлечение даже небольшой части таких кораблей окажется гораздо более дорогостоящим делом, чем устройство полевых складов и баз для хранения запасов.

14.456.71п

Инспектирование военных складов

Учитывая вышеизложенное, никто не может так основательно судить об уровне готовности складов, как офицер, учитывающий опыт последних боевых действий...

Билл Фосетт. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КРАСКА

Он был лучшим, но это сейчас не имело никакого значения. Абрахам Мейер знал, что он, бесспорно, лучший интендант Флота. Офицер Флота в десятом поколении, он как никто

знал и понимал военные нужды. К его услугам был опыт множества операций по космической обороне в пределах Альянса, с его сотнями миров. Абрахам, со своего командного пункта в Порту контролировавший перемещение грузов для множества баз и кораблей, сделал больше других в смысле повышения эффективности своей службы.

К сожалению, в данный момент Абрахам скрючился над приемопередатчиком Маннерхейна. Интендант помнил даже серийный номер прибора — С — 12467318, — хотя эта информация была ему сейчас совершенно ни к чему. Она никак не могла ему помочь скрыться от трех хорошо вооруженных хорьков, разыскивавших его по всему складу.

Уже третий раз в нескончаемо длинное железобетонном здании раздавались выстрелы. Пол задрожал, когда сверху обрушился контейнер с коммуникаторами (С — 4624523U4). Лазер халиан пережег пластиковые подпорки стеллажа, и контейнер рухнул с характерным лязгом. Даже за сто ярдов интендант узнал этот звук. Этого оборудования в последнее время не хватало. Мейер с трудом заставил себя оторваться от мыслей об убытках, причиненных противником. Сейчас следовало сосредоточиться на собственном спасении.

Примерно за час до этого Абрахам Мейер, только что назначенный полевым инспектором Интендантского Корпуса Флота, высадился на Арколе, доставленный туда корветом «Джонни Грин».

Согласно компьютерной информации, атмосфера этой планеты была едва пригодна для дыхания из-за смога и огромного количества кислотной пыли. Когда корвет пошел на посадку, капитан увидел внизу несколько действующих вулканов. Местность, где находилась база, была почти необитаема. После небольшого отдыха на Вифезде, с ее зелеными ландшафтами и чистым воздухом, Аркол выглядел особенно непривлекательно.

К тому же Мейер еще не совсем оправился от напряжения после всего, что произошло в районе Бычьего Глаза. Примерно за неделю он успел осмотреть около десятка военных складов. Возможно, его дед считал эту поездку своего рода отпуском, полагающимся после напряженной работы во время операции у Бычьего Глаза.

Нельзя сказать, чтобы эта инспекция была ненужной или его путешествие и в самом деле походило на отпуск. Напротив, принимая во внимание две дюжины остановок, оно обещало быть крайне изнурительным. Но сейчас едва ли Абрахам думал об усталости. Он испытывал страх, даже, может быть, ужас, — что угодно, но только не усталость.

Минут пятнадцать назад капитан Агберей вместе с Абрахамом закончили проверку первой половины базы. Молодой начальник базы Спелмен бормотал извинение за какой-то недосмотр, которого Абрахам и не заметил, когда появился корабль с халианами. Не долго думая, хорьки обстреляли склад. После поражения около Бычьего Глаза сотни халианских кораблей шныряли повсюду в поисках провианта и боеприпасов. Хорьки-пираты, видимо, сочли эту базу легкой добычей и решили, что здесь можно неплохо разжиться.

«Джонни» взмыл вверх, успев выпустить три торпеды связи. Маленький корабль получил по крайней мере один удар прежде, чем успел подняться. Халиане приземлились, и Абрахам понял, что «Джонни Грин» либо бежал в гиперпространство, либо погиб.

Это произошло всего минут десять назад. Халианский корабль приземлился на крышу бункера с боеприпасами, в нескольких сотнях метров от того места, где стояли люди. Выбравшись из корабля, пираты сразу начали сверлить отверстия в крыше бункера. Спелмен и Агберей бросились организовывать оборону, собрав рядовых, которые выбежали из складского помещения. Удары плазменной пушки не позволяли использовать радиосвязь, и Абрахам помчался внутрь склада, чтобы по стационарной связи предупредить командный пост, находившийся на другой стороне бункера.

Но то ли в результате какого-то несчастного случая, то ли из-за самоубийственной храбрости какого-то бравого вояки значительная часть того, что хранилось в бункере, взорвалась прямо под пиратским кораблем как раз в тот момент, когда Абрахам пытался наладить связь. От ударной волны Мейер упал на пол. Взрывы, последовавшие за первым, заставили Абрахама задержаться в кабинете. Когда же грохот прекратился, Абрахам заметил, что отключилась энергия. Лишь красная аварийная лампочка продолжала тускло мерцать у

двери. Абрахам бросился к выходу.

Воздух был насыщен пылью и гарью. На месте бункера, на который опустился корабль, теперь был кратер. Тут и там что-то чернело на сером песке. Люди, находившиеся у бункера, очевидно, погибли во время первого взрыва. Абрахам заметался в поисках погибших товарищей. Метрах в десяти он обнаружил недвижимого героя Бычьего Глаза. Лицо у Агберea было окровавлено, одна рука оторвана. Вероятно, лазерный пистолет разорвался во время выстрела. Абрахам постарался взять себя в руки и сосредоточиться. Когда-то они не раз ругались, но теперь Абрахаму казалось, что он потерял лучшего друга. Он осмотрел еще несколько тел. Остальные, судя по всему, погибли в результате взрыва емкостей с горючим. Абрахам вернулся к входу. Он никак не мог справиться с собой. В горле застрял комок. Внезапно он заметил три темных силуэта, осторожно пробиравшихся между руинами. Абрахам стоял и тупо смотрел, как приближаются враги. Он пришел в себя лишь тогда, когда понял, что и халиане заметили его. С диким воем хорьки кинулись к одинокому человеку. Абрахам развернулся и бросился в темное чрево базы.

Прежде чем Абрахам успел перевести дыхание, раздался выстрел. Сверху посыпалась бетонная крошка. Неужели его снова заметили? Сердце, казалось, готово вот-вот вырваться из груди. Из-за стука сердца Мейеру было трудно сосредоточиться, чтобы расслышать звук крадущихся шагов.

Наконец он решился выглянуть из своего укрытия. И тут же услышал вопли врагов. Но Абрахам быстро сообразил, что хорьки находятся за несколько проходов от него.

Абрахам слегка расслабился. Склад в длину был почти два километра и в ширину — один. Если сложить проходы между полками, то получится больше ста километров, а самих полок — несколько тысяч. Каким же образом хорьки смогут найти его здесь? Надо ждать. Ничего другого не остается. Его спасут парни из Флота и отомстят за Агберea и других. Абрахам заставил себя успокоиться, попытался устроиться поудобнее и снова взглянул туда, откуда донеслись до него вопли халиан.

И в следующий момент он увидел хорька, который целенаправленно пробирался между стеллажами, двигаясь прямо к тому месту, где прятался Абрахам.

Метрах в пятидесяти враг вдруг остановился и повернулся спиной. Это был первый халианин, которого Мейер имел возможность разглядеть. Со смешанным чувством страха и любопытства смотрел Абрахам на одного из убийц своего друга. Тело хорька было покрыто густой жесткой шерстью темно-коричневого цвета. Именно за эту шерсть и еще за острые морды получили халиане свое прозвище — хорьки.

Халианин вертел головой во все стороны. На нем не было никакой одежды, лишь на бедре болтались лазерный пистолет устаревшей конструкции, острый нож и куски кожи, имевшие зловещее сходство с отрезанными человеческими ушами. На несколько секунд хорек застыл на месте, пригнувшись и громко сопя. Затем он зарычал; от этого зловещего звука Абрахам похолодел. Затем халианин вскинул свой пистолет и направился прямо туда, где прятался Абрахам. Мейер автоматически отметил, что глаза у хорька маленькие и почти черные.

Бежать Абрахам боялся. Он осторожно достал свой лазерный пистолет. Оружие было в порядке, вот только зарядов маловато, не больше, чем на два-три выстрела. Мейер и не предполагал, что пистолет может ему понадобиться. После Бычьего Глаза у него возникло ощущение, что халиане больше не представляют серьезной угрозы, по крайней мере в космосе, контролируемом Альянсом. Поэтому он и не утруждал себя подзарядкой пистолета. За двадцать лет службы Абрахам никогда не видел халиан вблизи. Более того, он никогда даже не предполагал, что может когда-нибудь оказаться в настоящем бою. Чистить оружие — пожалуйста, но вот применять...

Хорек метрах в десяти — пятнадцати вдруг остановился и завыл. Абрахам снова напрягся. Он прицелился, но стрелять не спешил. Раздался ответный вой. Где-то здесь находились приятели этой твари, и хорек подал им сигнал.

Сделав еще несколько шагов, халианин снова остановился; на этот раз он молчал.

Ноздри его раздувались. Похоже, он испытывал какое-то беспокойство. Трудно судить о мимике и жестах незнакомых существ, но, судя по всему, враг чувствовал себя не очень уверенно. Вой остальных хорьков приближался. Пират присел на корточки в дальнем конце прохода. Видимо, хорек все же не знал точно, где находится враг. А может быть, знал и просто решил подождать остальных.

Снова подняв пистолет, Абрахам вдруг сообразил, что понятия не имеет, где у халиан находятся жизненно важные органы. Он решил, что надо целиться в шею. Впрочем, это было не очень важно, поскольку руки дрожали так, что попасть он вряд ли сумеет. Можно, конечно, попытаться закрепить пистолет, но Абрахаму не хотелось шумом привлекать к себе излишнее внимание.

Несколько секунд, показавшиеся Абрахаму целой вечностью, он пребывал в нерешительности. Халианин находился все на том же месте, изредка издавая вопли, чтобы напомнить о себе приближавшимся товарищам. И тут Абрахам вспомнил окровавленное тело Агберея. Как раз в этот момент хорек поднялся на ноги и медленно двинулся вдоль стеллажей. И Абрахам решился.

Лазерное оружие хорошо тем, что оно почти бесшумно. У Абрахама имелся шанс разделаться с этим убийцей так, чтобы остальные не поняли, что произошло. Мейер выстрелил, как только халианин повернулся к нему лицом. Это чуть не испортило все дело: он едва не промахнулся. Только сейчас Мейер узнал, что хорьки, будучи ранены в ухо, становятся весьма шумны. Сначала халианин издал пронзительный вопль, а потом, придя в себя, злобно зарычал и вслепую выстрелил по стеллажу, за которым прятался Абрахам.

Не думая о последствиях, Абрахам сделал еще пару выстрелов по разъяренному врагу. Запахло паленым мясом. Снова взвыли хорьки, на этот раз значительно громче.

Абрахам осторожно выполз из своего укрытия. На груди пирата зияло отверстие величиной с кулак. Абрахам отстранение отметил, что мертвый враг не так уж и похож на грызуна.

К своему удивлению, Мейер не чувствовал ни тревоги, ни даже волнения. Не испытывал он и удовлетворения, ни тем более раскаяния. Он не чувствовал ничего. Эта пустота ему не понравилась.

Внезапно Абрахам понял, что на складе стало как-то неестественно тихо. Невозможно было понять, где сейчас находятся два товарища только что убитого хорька. Они могли быть где угодно. Они могли расстрелять его из укрытия, как он сам только что поступил с их соплеменником. Может, они только и ждут удобного момента. Абрахам снова поднял пистолет, хотя прекрасно знал, что зарядов больше не осталось. Теперь пистолет годился только для того, чтобы колоть орехи. Взглянув на клыки и когти убитого хорька, Абрахам вздрогнул и отступил назад.

Отбросив бесполезное уже оружие, Абрахам почувствовал, как его снова охватывает страх. Ему вдруг ужасно захотелось забиться в какой-нибудь укромный уголок. С трудом удалось восстановить дыхание. Он сосредоточился и постарался оценить ситуацию. Абрахам смог найти только один благоприятный для себя момент. Он находился в знакомом месте и очень хорошо ориентировался в подобных помещениях. Это была его территория. В этом лабиринте он сможет спрятаться, сбить хорьков с толку и дожждаться подмоги.

Корабль халиан вместе со складом боеприпасов разрушен. Кроме немногих военных, обитателей на планете не было. Оба пирата знали: если хотя бы одна из торпед связи достигла цели, меньше чем через три дня здесь появятся десантники с Вифезды. Абрахам понимал, что следует сделать, чтобы избежать встречи с хорьками.

Это должно получиться. Он изо всех сил убеждал себя, что это получится. По установленному порядку, на общем складе не может храниться оружие. Один раз ему повезло, но сейчас он безоружен и ничего не сможет противопоставить врагам с их зубами и когтями, даже если бы сумел приблизиться к ним прежде, чем его пристрелят.

Получается, что ему остается только одно — прятаться и следить за хорьками. Возможно, это не так уж трудно. Помнится, в Интендантском Корпусе существовал

неприятный обычай — посылать кандидатов в офицеры осматривать стеллажи большого склада, не дав им схемы. Некоторые, бывало, сбивались с пути и часами блуждали, прежде чем их «спасали».

Немного придя в себя, Абрахам Мейер начал осторожно продвигаться по широкому главному проходу, стараясь держаться поближе к полкам. После некоторых раздумий он повернул направо и углубился в лабиринт с более короткими и узкими проходами, которые вели, как он определил, в секцию «П». Открыв одну из коробок, Мейер извлек трехдневный полевой рацион (F — 432642876J8, именуемый «казенным мясом»). Если предстоит выдержать долгую «осаду», голод даст о себе знать.

Пробираясь через секцию «Сн» (одеяла, форма, личные вещи), капитан Мейер услышал горестный вой. Вой длился около минуты и был таким пронзительным, что Абрахам заткнул уши. Потом вопль сменился угрожающим рычанием. Звуковой эффект в огромном помещении был очень неприятным.

Абрахам понял, что халиане нашли труп своего товарища. Капитан впервые почувствовал сожаление, что убил другое разумное существо. И он был рад этому чувству. Впрочем, к сожалению примешивалось облегчение: по крайней мере теперь он знает где находятся хорьки.

Потом раздались новые вопли. Десятки рядов стеллажей разделяли Абрахама и его преследователей. Он попытался определить, куда направляются халиане. В столь огромном и гулком помещении ориентироваться по звуку было крайне трудно. Потребовалось время, чтобы Абрахам понял: халиане движутся следом.

Но почему?

Неужели у них есть электронное устройство, позволяющее определять местонахождение живого объекта? Нечто вроде тех штук, с помощью которых следопыты выслеживают преступников в пустынях? Но тогда почему хорьки передвигаются так быстро? Подобные мультисенсорные приборы очень громоздки. Должно быть, халиане действуют более примитивным методом. Ясно, что он оставлял за собой какие-то следы, какие-то приметы, очевидные для врагов. Но какие? Для таких опытных следопытов, как хорьки, достаточно и мелочей. Мейер попробовал передвигаться прыжками или перелезть через стеллажи, но быстро оставил эту идею: слишком уж шумно и медленно.

Он побежал, кидаясь наобум то в один, то в другой проход. В глазах рябило от одинаковых серых контейнеров и красных литер. Время от времени, подражая героям из фильмов, он начинал метаться и петлять, стараясь «запутать преследователей». После второй серии маневров он решил перевести дыхание. Даже внутри склада чувствовалось, что воздух планеты Аркол не отличается особой свежестью.

Прислонившись к баку с горючим (L — 8463445R6), Абрахам по радостному рыку хорьков понял, что они разгадали первую петлю. Он слишком устал, чтобы двигаться дальше. Опустившись на пол, Мейер постарался расслабиться. Хорьки приближались. К несчастью, его хитрости оказались шиты белыми нитками. Даже если бы у него оставались силы, он не смог бы оторваться от быстрых хорьков.

Мейер тяжело поднялся и побежал. Он потерял счет времени. Возможно, уже прошло несколько часов, но теперь это не имело значения. Абрахаму оставалось только бежать по нескончаемому лабиринту, руководствуясь лишь инстинктом самосохранения. Он превратился в дичь, преследуемую охотниками, в загнанного зверя, который из последних сил старается обмануть преследователей.

Он споткнулся о кабель питания (T — 649387D4 — Абрахам еще помнил это) и упал на бетонный пол. Животный страх охватил его. И, как это часто бывает, отчаянный страх сменился такой же отчаянной решимостью. Надо устроить засаду. Забраться на стеллаж и наброситься сверху. Он выше и тяжелее. Но Абрахам понимал абсурдность этой затеи. У хорьков имелось оружие, пусть устаревшее, но вполне эффективное. Да и что он может противопоставить клыкам и когтям? Происходящее все больше напоминало ночной кошмар. Внезапно Мейеру стало смешно. Все выглядело так забавно.

Да, забавно, черт побери!

Однако требовалось что-то предпринять, и как можно быстрее. Он интендант, а не строевой офицер. Он никогда не участвовал в учениях, не говоря уж о настоящем бое. Ни разу не оказывался с врагом лицом к лицу. Нет, если он хочет выжить, надо все как следует обдумать, а не бросаться в атаку очертя голову.

Поднявшись, он попытался поставить себя на место халиан и проанализировать ситуацию. Подобно ему, хорьки отрезаны от своих. Они в изоляции, как и он сам. Однако в отличие от него у хорьков нет никаких надежд на спасение. Должно быть, халиане хорошо понимают всю безнадежность своего положения. Это плюс. Но есть и минус. Главная цель хорьков — месть. Они жаждут растерзать единственного уцелевшего человека, то есть его, Абрахама Мейера. Сдаваться они не собираются, а потому переговоры исключены. Оружия у него нет. Похоже, остается одно — прятаться. Но это у него получается не слишком-то здорово. Должно быть, он сильно напоминает зайца. Нюх у собак хороший. Нюх!

Ну конечно... как он раньше не догадался! Вот почему они не отстают от него, несмотря на полное незнание расположения секций склада. У них нет никаких приборов, кроме собственных носов! Хорьков интересует только он, и им нет дела до того, что здесь хранится.

Но если так, то почему он застал врасплох первого халианина? Ведь тот стоял всего в нескольких метрах. Почему он не обнаружил, где прячется Абрахам? Мейер вспомнил про хранившиеся на том стеллаже химические препараты. Значит, надо прятаться не столько от глаз хорьков, сколько от их носов. Нужно попытаться обратить их силу в слабость. Но как?

Ближайший стеллаж был обозначен литерой «О» — обшивка. Здесь едва ли можно найти что-то полезное. Подгоняемый страхом, Абрахам лихорадочно размышлял. В таких складах обычно хранится до полутора десятков тысяч наименований... Секция «К» — «корабельная краска» — вот что ему нужно! (Q — 97492847845). Когда-то краска сделала его героем, теперь, как он надеялся, она поможет ему спастись. За столетие существования Флота сложились определенные традиции. Одной из таких традиций являлась традиция изображать на кораблях эмблемы адмиралов. Обычные краски в космосе не годились. При очень низких температурах, да еще в вакууме, их нельзя было использовать. Там требовались красящие вещества крайне едкие, способные вытравить символы на металлической обшивке. Применявшаяся в таких случаях особая жидкая краска представляла собой смесь нескольких ингредиентов, у которых было только одно общее свойство: все они воняли. В космосе это обстоятельство не имело особого значения. Но те, кому случалось открыть банку с такой краской в атмосфере, никогда уже не могли забыть этот запах.

Полевые офицеры говорили, что этот аромат напоминает амбре разложившегося трупа. Даже унция такой краски могла испортить воздух на всем корабле. Однажды Абрахаму, еще в его бытность студентом, шутки ради дали понюхать очень небольшое количество этой дряни, и он до сих пор помнил свои ощущения.

Осторожно продвигаясь по складу, Мейер нашел секцию «К». Здесь имелись не только банки с краской, но еще и четыре огромных бака с белилами.

Хотя банки были закрыты наглухо, слабый запах краски все же чувствовался. Абрахам попытался прикинуть, сколько нужно краски, чтобы провонял весь склад. Он не любил тратить Добро зря. Но вопли приближавшихся хорьков вернули его к реальности. Интендант неохотно вскрыл все четыре бака и стремительно помчался прочь.

Обычно считается, что кричат от боли, но, когда Абрахам услышал вопли своих преследователей, он понял, что можно кричать и от нестерпимой вони. Наверное, на человека аналогичный эффект произвела бы мощнейшая бомба со слезоточивым газом.

В следующие несколько часов Абрахам открыл еще шесть емкостей с разными вонючими химическими реактивами, старательно запоминая тип и количество каждого вещества (VS — 632874523, CF — 834753294, FY — 4857958453H — 2), чтобы потом внести все это в Лист экстренного использования (TR564). Затем он предпринял попытку поджечь (с помощью осветительных патронов) еще две примыкающие друг к другу емкости с серой и

поташом. К этому времени он находился уже в таком состоянии, что не смог запомнить их номера. Склад наполнился дымом и серными испарениями (при том, что воздух на планете и без того был сильно загрязнен). Мейер решил пробраться к передней стене склада, где воздух оставался относительно чистым.

Около часа ушло на то, чтобы добраться до кабинета, где он уже побывал сегодня. Не найдя там ни масок, ни фильтров, Абрахам подумал было, что надо отдать Спелмена под трибунал, но вспомнил, что Спелмен погиб. Мейер решил продолжить свои пиротехнические развлечения. Вскоре к ароматам, переполнявшим склад, добавился еще один: запах горящих удобрений. Абрахам соорудил себе маску из спецткани (L — 34244387657), злорадно спрашивая себя, каково сейчас хорькам.

У входа в здание воздух был немного получше. Некоторое время Абрахам прятался в канцелярии, но потом вспомнил, что вход только один и, если здесь появятся халиане, ему будет некуда отступать. В темноте он чуть не споткнулся о коммуникационный модуль величиной с кулак. Он пригляделся и обнаружил, что они тут валяются в избытке. Мейер припомнил, что несколько часов назад в этом районе рухнул контейнер. Он осмотрел приборы. Они были повышенной прочности, поскольку предназначались для боевых условий. Некоторые оказались в полном порядке. Усмехнувшись, Абрахам прихватил несколько штук и стал осторожно пробираться внутрь зловонного помещения.

Понять, где находятся хорьки, не составляло особого труда. Они уже перестали вопить и теперь предавались неудержимой рвоте. Абрахам понял, что халиане уже давно забыли о нем. Время от времени кто-нибудь из хорьков палил из лазерного пистолета, но в его действиях не было и следа расчета. Халиане выглядели полностью дезориентированными. Мейер там и сям расставил коммуникаторы, предварительно выставив максимальную громкость.

Для оживления ситуации Абрахам решил запустить несколько автопогрузчиков. Он действовал очень осторожно, стараясь поточнее составить программу. И вот несколько роботов, невзирая на царивший вокруг хаос, начали перемещать коробки и банки. Один из роботов наткнулся на хорька, и халианин разрядил в беднягу свой пистолет.

Через три часа Мейер снова был у входа. Улыбаясь, он включил коммуникатор и с выражением принялся декламировать стихи. По всему складу зазвучал голос человека. Ответом ему стали несколько выстрелов, а потом один из хорьков завыл.

Глаза у Мейера слезились, его душили приступы кашля. Рот словно был набит песком. Один раз он попробовал перекусить, но вкус у еды был ужасный. И все же Абрахам Мейер, интендант Флота и бывшая жертва халиан, чувствовал себя отлично. Он даже стал напевать, все также держа в руках коммуникатор. В ответ раздался новый вопль.

Еще через несколько часов Абрахам, затаившись за коммуникационным терминалом (A — 436438746T3), наблюдал, как измазанный краской полуослепший хорек, едва передвигая ноги, тащит своего товарища, который издает жалобные стоны.

Мейер с трудом сдержал смех. Он чувствовал и облегчение, и комизм ситуации (контраст между этими хорьками и прежними грозными пиратами был просто разителен), и смешанное с грустью удовлетворение. Он отомстил за друга. Хорек, заслышав, как фыркнул Абрахам, остановился, оглянулся на склад и потер глаза. Возможно, он раздумывал, не вернуться ли назад. Абрахам, приставив к губам коммуникатор, рассмеялся, и из глубины склада откликнулось многоголосое эхо.

Хорек растерянно оглянулся. Мейер снова рассмеялся, когда халианин бросил оружие и пошел прочь, уводя своего товарища. Мейер поспешил подобрать брошенное оружие. Винтовка была полностью разряжена. Он отбросил ее в сторону и посмотрел вслед врагам. Они больше не оглядывались.

Мейер вытащил со склада рабочий стол и папки. Он решил привести в порядок бумаги, пока не прибудет спасательный корабль.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Директива командования номер 23.677.4Cv12
для гражданских лиц/личного состава нерегулярных частей/
кадрового состава

Не представляется возможным перечислить все источники, из которых Флоту следует черпать квалифицированные кадры. Профессиональные навыки и черты характера, необходимые для успешного несения службы в рядах Флота, зачастую вырабатываются при таких обстоятельствах, что люди, обладающие этими качествами, не имеют шансов быть завербованными во Флот по обычным каналам. Неспособность руководства осознать это, так же как и погоня за личным благополучием, привели к плачевному состоянию дел на Флоте в период, наступивший непосредственно после Шаннонского инцидента и Корпоративных войн. Мы не вправе забывать этот горький урок. И не позволим впредь, чтобы судьба Флота находилась в руках нескольких избранных семейств. Потому что даже семьи, достойно продолжающие славные боевые традиции, не в состоянии дать нам то, что дает многомиллионный людской потенциал союзных территорий. Именно эта среда порождает исключительно одаренных лидеров и технических исполнителей.

— До чего же все это нудно, — вздохнул Ауро. Он отвернулся от изображения на экране демонстрационного куба и выключил дисплей. Рассеянно потирая глаза, он попытался представить, что думал Эйб Мейер, читая эти слова. Дед Мейера был Адмиралом Красных, ответственным за все боевые операции Флота. Недавний курсант оглядел ржавые внутренности «Красного Шара» — флагманского корабля в соединении устаревших фрегатов, которыми командовал Мейер, и подумал, что дело тут не столько в кумовстве, сколько в вопиющей некомпетентности. Неудивительно, что Эйб затеял этот комфортабельный инспекционный полет сейчас, когда война практически выиграна.

Молодой кандидат в офицеры нервно взглянул на хронометр. Через час он заступал на вахту, а всего через неделю держал экзамен на звание лейтенанта. А «Воинский Устав» и «Правила ведения боя» еще зубрить да зубрить. И Ауро с удвоенной решимостью погрузился в чтение.

Наибольший эффект всегда давали меры, предпринятые для вербовки самим Флотом. Особенно продуктивны были поиски новобранцев на планетах с высоким уровнем развития техники, где тщательно спланированная идеологическая обработка преследовала двоякую цель, а именно: привлечение кадров для Флота и организация его финансовой поддержки.

Н. Ли Вуд. МОЛЛИ ХАСКОВИН

— Молли! — Звонкий молодой голос эхом разнесся в полупустом железном ангаре. — Молли Хасковин! Это вы?

Немолодая женщина, жилистая, коренастая, состоящая, казалось, из одних мускулов, выпрямилась, отрываясь от работы. Она ремонтировала сплошь усеянный вмятинами корабль, уродством своего облика ничуть ей не уступавший. Приподняв защитные очки и выключив нетерпеливым жестом сварочный аппарат, она сощурила маленькие васильковые глазки, стараясь рассмотреть гостя получше.

Улыбающийся, молодцеватого вида, курсант направился к ней размашистым шагом, Отражение его скользило по стальной палубе, отчего казалось, что он идет по щиколотку в мутной воде.

— Черт побери! — воскликнул он восторженно. — Молли Хасковин, неужели это вы? И как только вас занесло в такую глушь? — Парень попытался ее обнять.

Молли выставила вперед газовый резак; резиновый шланг зловеще свернулся змеей.

— Будто сам не видишь, курсант, — проворчала она. — Вот, хватаю все, что под руку

попадется. Надо же выбираться с этой забытой Богом заставы.

Парень, казалось, ничуть не обиделся на прохладный прием, напротив, посмотрел на старый, изувеченный корабль с вожделением.

— Даже не верится, что тот «Молли-Фолли» все еще летает. — Он постучал по корпусу корабля, отполированному до блеска космическими микрочастицами.

— Тот, да не совсем. От прежнего корабля мало что осталось. — Пожилая женщина криво усмехнулась и с отвращением взглянула на «Молли-Фолли».

Курсант пригляделся повнимательней к кораблю, представлявшему собой нелепый конгломерат из сваренных разноцветных запчастей, тоже изрядно повидавших на своем веку. Довольно уродливое сооружение. Он дотронулся рукой до полустертого опознавательного знака:

— Как-то не по-халиански он выглядит.

— Еще бы. Эти ублюдки даже полетать на нем как следует не успели. А мне он послужил. — Молли снова невесело усмехнулась.

Офицер перевел на нее удивленный взгляд:

— Латать подбитые халианские корабли, да как же вы дошли до жизни такой?

Сорвав с лица защитные очки, она подергала прядь поседевших, редеющих волос.

— Ну, — начала она с расстановкой. — Это не я его подобрала... Хочешь услышать эту байку, курсант, — тогда поднеси бедной старушке стаканчик-другой. — Она ухмыльнулась, показав ряд блестящих металлических зубов. Порывшись в карманах драного, залитого маслом комбинезона, она выудила красноватый предмет, очертаниями похожий на сигару, обгрызенный с одного конца. Откусив и выплюнув на ходу измусоленный кончик, она принялась энергично жевать палочку острыми как бритва зубами.

— Господи, сколько воды утекло с тех пор! — голос парня звучал приглушенно. Они подошли к двойным дверям отсека в ангаре. — Десять лет прошло? Вы ничуть не изменились.

— Не льсти мне, сопляк, это ни к чему, и, если хочешь знать, я четырнадцать лет... — Шипение закрывающихся дверей заглушило последние слова фразы. И тут как будто ночной хищник, до сих пор скрывавшийся в тени, внезапно выскочил на свет.

Сжимая в руках небольшой рюкзак, парень со сверкающими глазами бросился к воздушному шлюзу и принялся лихорадочно подбирать шифр к системе блокировки. Спустя несколько минут шлюз нехотя открылся, и он тут же нырнул внутрь корабля и растворился в темноте.

Внутри грузового отсека было холодно, вдоль переборок тянулись ряды клеток, соединенных ремнями и привинченных к корпусу. Парень метался в поисках укромного места, слыша поскрипывание креплений. В конце концов он примостился между рядами, подложил вещмешок под голову и постарался расслабиться. Из полузабытья его вывел грубый, невнятно бормочущий что-то голос. Молли Хасковин, уже изрядно выпившая, ввалилась в шлюзовую камеру и с нескольких заходов открыла кабину пилота. Карабкаясь на рулевой мостик, она не смолкая бубнила что-то себе под нос. Шлюзовая перегородка осталась открытой, и парень слышал, как скрипит пилотское кресло. Несколько минут он вглядывался в слабое мерцание лампочек на рулевом мостике. Потом в напряженной тишине раздался какой-то непонятный, пугающий скрежет, а минуту спустя он чуть было не рассмеялся в голос, догадавшись, что этот ужасный звук не что иное, как храп Молли Хасковин.

Через час он вскочил, разбуженный протяжным стоном, и потер опухшие, словно засыпанные песком глаза.

— Уууу... черт, — доносились до него страдальческие стоны, — да где же таблетки от похмелья? — Она перерыла все в поисках лекарства. Хлопали дверцы, с грохотом летели на пол какие-то предметы. — Чертов отходняк, чертов мальчишка, чертовы пилюли... Господи, гореть тебе в аду, да где же они?.. Аааааа...

Потом было слышно, как Молли всухую глотает таблетки. Когда она начала задривать

люки, он отступил в глубину темного отсека. Силуэт ее промелькнул между клетками, совсем рядом, затем дверцы пилотской кабины со свистом захлопнулись. Возмущенно взревели допотопные гиперсветовые двигатели. Его бросило в дрожь скорее от волнения, чем от холода, и живот схватило, когда корабль, преодолевая гравитационный колодец, стал нехотя пробиваться сквозь околопланетный атмосферный слой.

Он не ожидал такой стремительной смены «верха» и «низа»: пол вдруг накренился и стал стеной. Беспомощно передвигаясь на четвереньках, он налетел плечом на переборку и был нокаутирован свалившимся неведь откуда рюкзаком. Нос онемел от боли, из глаз брызнули слезы, но он успел схватить рюкзак и постарался принять позу поудобней. Не успел он подумать о том, долго ли ему еще лежать втиснутым между клеток, как вдруг звук изменился: гравитационные двигатели заработали в новом режиме. Едва он осознал случившееся, как «верх» и «низ» перемешались окончательно. Гравитационное поле исчезло, и ставший вдруг невесомым незадачливый «заяц» кубарем покатился по трюму. В отчаянии он пытался ухватиться хоть за что-то, смутно предчувствуя новое столкновение с рюкзаком. Когда лямки опутали голову, он судорожно вцепился в мешок и, перекувырнувшись, рухнул на клетки. Ноги застряли между креплениями, он дернулся всем телом, и мешок отлетел в сторону. Сильная боль пронзила вывихнутую лодыжку, а мешок, еще раз злобно влепив ему по уху, откатился, разбрасывая в невесомое пространство трюма его нехитрые пожитки. Оценив собственное положение из подвешенного наблюдательного пункта, парень совсем сник.

Люк пилотской кабины со свистом распахнулся. Молли Хасковин всматривалась в глубину трюма. Лицо ее, обрамленное седыми волосами, скрывала тень, но даже в полумраке Джейсон разглядел ярость, искажившую ее лицо, как только она заметила беспомощно болтающееся тело.

— Какого дьявола! Ну-ка, живо давай сюда!

— Не могу, — простонал он, тщетно пытаясь распутать ремень, удерживающий его ноги. — Я застрял.

— Будь ты неладен! — проворчала она и с удивительной сноровкой поплыла по отсеку. Перелетев к противоположной переборке, она приземлилась на все четыре конечности, словно белка, и проворно перебралась через ряды клеток. Потом без особых церемоний выдернула парня из силка и так же ловко отпрыгнула обратно к шлюзу, потянув его за собой за ворот рубашки.

Перебравшись в шлюз, она задраила люк, и тут же в корабле автоматически включился режим искусственной гравитации. Джейсон рухнул на пол и, стоя на четвереньках, начал прислушиваться к бульканью у себя в животе. Молли пнула его ногой, заставив принять сидячее положение.

— Кто ты такой? — приступила она к допросу. Он поднял голову и увидел глаза, сверкающие на суровом, словно выдубленном лице.

Сердце его учащенно билось. Ему удалось! Он сумел вырваться с планеты, покончить с нудной, изматывающей однообразием службой в отсталом агромире, где в будущем его ждала только грязь на полях агропредприятий и фермерских хозяйств, в которой он увязал бы все глубже и глубже. Долго лелеял он свою мечту и вот теперь, когда она сбылась, пусть и не совсем так, как ему представлялось, ощущал себя отчаянным храбрецом. Наверняка он потряс извозчика этой старой колываги своей отвагой и удачью.

— Мое имя — Джейсон Таботт, — с гордостью отрекомендовался он, расправив плечи.

Повисло неловкое молчание. Молли какое-то время внимательно рассматривала его.

— Ну, и что дальше?

— Как что? — Он лихорадочно соображал, что у нее на уме.

— Какого рожна тебе нужно на моем корабле? — В голосе ее звучали издевательские ноты, так хорошо знакомые ему по общению с руководством агропредприятий. Как будто перед ней был обычный работяга. Это уже задело не на шутку.

— Я хочу быть пилотом, — объявил он с вызовом.

Выражение ее лица стало чуть менее свирепым, ему показалось даже, что она вот-вот

улыбнется.

— Значит, хочешь быть пилотом? — повторила она уже почти дружелюбно. — И потому залез в это старое, ржавое корыто. А получше корабля ты не мог себе найти, мальчик?

— На других кораблях я не справился бы с системой блокировки, — объяснил он с явным смущением.

— Понятно. А теперь слушай меня. Наверняка ты рассчитывал встретиться с немного сумасбродной, но в сущности доброй старушкой, которая, под впечатлением от твоего подвига и приятной наружности, возьмет тебя под крылышко и научит премудростям летного дела. Так ты рассуждал?

Теперь уже не оставалось сомнений — над ним просто потешаются.

— Ну, не совсем так... Я ведь не какое-нибудь дитя несмышленное... — стыдливо промямлил он.

— Бьюсь об заклад, дома ты тоже был крутым парнем, наверное, проносился перед самым носом чужого корабля на своем одноместном скутере или что-нибудь в этом роде.

— У меня был корабль «Стрела — 4», и рокерством я никогда не занимался. А пилот я неплохой, можете попробовать меня в деле.

— Ах, попробовать? — повторила она мягко. — Значит, попробовать в деле? — Молли сгребла его в охапку и рывком поставила на ноги. — Да я просто выкину тебя из корабля через шлюз. — Она поволокла его к овальному люку. Парень упирался, уже не на шутку испугавшись. Но ни солидный вес, ни мускулы, накачанные летом на полях, не спасали — люк неумолимо приближался.

— Это транспортный корабль, сопляк, — вразумляла Молли, — а не летная школа. И я никому не позволю расхотать мой воздух и уничтожить мою жратву. — Тяжело дыша, она подтащила его к самому люку. — Ты мне слишком дорого обойдешься, мальчик... Справимся без второго пилота... Пошел вон.

— Вы не сделаете этого! — Он рванулся назад, в отчаянии ударив ее кулаком. Она тут же придавила его плечом к люку. — Это же убийство!

— Да что ты? — Получив еще один мощный удар в лицо, она так стукнула парня о люк, что едва дух из него не вышибла, а потом двинула коленом в пах. В глазах у него запрыгали разноцветные огоньки. — Кто-нибудь да наткнется в космосе на твою остывшую задницу. Ну, будь здоров, сопляк. — Она еще раз пнула его на прощание, после чего, раскинув руки, он улетел в темноту.

Молли Хасковин наблюдала, как постепенно исчезает за дверцей застывшее от ужаса лицо. Оставшись одна, она наклонилась вперед, уперлась руками в колени и так стояла некоторое время, переводя дух. Потом медленно, кряхтя, выпрямилась и потрогала щеку в том месте, куда пришелся удар Джейсона, чувствуя, как наливается синяк. Заметив кровь на пальцах, Молли поморщилась и вытерла ладонь о комбинезон.

— Эх черт, старею, — пробормотала она.

Потом посмотрела на люк и ухмыльнулась. Красные сигнальные огни в блокировочном устройстве трюма отражались от ее стальных зубов, и рот казался окровавленным. Молли рассмеялась и проворно залезла в кабину пилота.

А Джейсон в этот момент вглядывался в темноту, настолько непроницаемую, что он не мог с уверенностью сказать, открыты его глаза или нет. Стук сердца отдавался в ушах. В животе, казалось, все окаменело. Он сидел на холодном металлическом полу и изо всех сил старался не закричать. В любой момент наружная стенка шлюза может со свистом раскрыться, и космический вакуум высосет его тело из шлюзовой камеры. Последним ощущением в его жизни будет космический холод.

Он ждал.

Через некоторое время Джейсон совладал со страхом, озноб начал проходить. Он встал на четвереньки и попытался робко, вслепую обследовать отсек. Нашупав панель управления, он, к отчаянию своему, обнаружил не один, а десяток рычажков — любой из них мог или

открыть внутреннюю дверцу шлюза, или вышвырнуть его наружу.

И тут его осенило. Она просто забавляется с ним, как со зверем, угодившим в капкан, дает ему возможность погибнуть от собственных рук. Ну разве не потеха посмотреть, как он сам себя выбросит из корабля?

Страх сменился гневом. Твердо решив, что не доставит ей такого удовольствия, он снова уселся на полу, скрестив руки на груди. Но тут же сообразил, что так он погибнет от голода, и опять потянулся к пульту. Будь что будет, лишь бы все поскорее закончилось. Он щелкнул наугад каким-то рычажком.

Ослепительный свет залил камеру. Вскрикнув от неожиданности, Джейсон отпрянул от панели и распластался на полу, дрожа всем телом, плотно сомкнув веки. Убедившись, что ничего страшного не случилось, он приоткрыл один глаз и осмотрел отсек.

На стене висели три потрепанных, усеянных заплатами скафандра и три шлема. Они напоминали сморщенную кожу, сброшенную ящерицами. Вдоль противоположной стены тянулись полки, разделенные ячейками, в них были неподвижно закреплены коробки и бутылки. В углу стоял сварочный аппарат, шланг его обвивался вокруг балки каркаса, а на поржавевшей цепочке висела инструкция двадцатилетней давности, безнадежно устаревшая.

В отсеке была единственная дверца, та, через которую он сюда попал. Значит, никакой это не шлюз.

Когда он вполз через люк в кабину пилота, Молли даже не удостоила его взглядом. Лишь посмотрела на хронометр над головой.

— Сорок пять минут. Гениально, молокосос. Что, костюмчики не той расцветки попадались?

Он стоял перед ней в огромном скафандре, свободно болтающемся на стройном теле, сжимая в руках шлем из сверхпрочного стекла. Тяжелое дыхание с шумом прорывалось через плотно сжатые челюсти.

— Ах ты сучка, — прохрипел он. Тысячи самых грязных ругательств проносились в его голове, но ни одно из них не могло в полной мере выразить его гнев. — Ах ты сучка вонючая.

После этих слов она развернула кресло и, когда взгляды их встретились, улыбнулась ему с высоты пилотского мостика.

— Да, мальчик, вот я какая, — с готовностью признала она, — врушка, обманщица, воровка, да еще и контрабандистка. — В ее устах эти слова звучали особенно зловеще. — Если ты и дальше будешь меня расстраивать, я тебе так врежу, что у тебя мозги через задницу выскочат. Понял меня?

Джейсон так и не смог ничего выдавить из себя в ответ, а потому просто кивнул и забрался в кресло второго пилота слева от нее.

Молли снова повернулась к приборным щитам, и ее заскорузлые пальцы прошли по клавишам компьютерного контроля с неторопливой уверенностью аса.

— Завяжись-ка как следует, мальчик, — спокойно сказала она.

С минуту он беспомощно перебирал тесемки, ремешки и застежки на скафандре.

— Я не умею, — угрюмо сознался он наконец, чувствуя себя беспомощным, как ребенок.

Молли повернулась к нему и принялась подгонять костюм под его фигуру.

— Да, — сказала она язвительно, — ты просто прирожденный летчик.

— Не нужно, я сам. — Он вырвался из ее рук, сгорая от стыда.

Усмехнувшись, Молли откинулась в кресле, обхватив голову руками, и стала наблюдать за его жалкими Потугами. Не прошло и часа, как Джейсон застегнул костюм, а она тем временем одной рукой управлялась со всеми приборами. Когда он наконец закончил, Молли печально покачала головой и открыла маленькую металлическую коробочку, привинченную у подлокотника кресла, извлекла оттуда красноватый предмет цилиндрической формы, сорвала с него ленточку с надписью на чужом языке, вставила одним концом в рот и надкусила.

Джейсон украдкой бросал взгляды на Молли, а она, не обращая на него ни малейшего внимания, следила за мельканием лампочек на пульте, размеренно работая челюстями. В конце концов злость взяла верх над уязвленным самолюбием.

— А почему ты все-таки не выбросила меня в шлюзовую камеру? — спросил он с вызовом.

— А какая мне от этого польза? — Голос Молли звучал беззаботно.

Перед ним снова блеснула надежда.

— Ты хочешь сказать...

— Труп ведь не продашь, — закончила она фразу. — Ты дышишь моим воздухом, поедаетшь мои припасы — а платить кто будет? Кроме тебя, никому.

— Значит, собираешься доставить меня обратно? — Он даже в кресле подпрыгнул от такого предположения.

— Обратно? — она расхохоталась. — Нет, черт возьми, я не собираюсь лететь с тобой в эту навозную кучу. У меня весь трюм забит дешевым пойлом, и мне хоть кровь из носу нужно забросить его на Вега — 9. А уж как ты вернешься — это твои проблемы, сопляк.

— Вега — 9? — воскликнул он, совершенно потрясенный. Да ведь это на границе Альянса! Там ведь никого, кроме халиан.

— И еще измотанных горняков, жадных до выпивки, которые ждут не дождутся беспопытной партии веганского дробленого кровавика — почти без примесей, почти легального. Крепкий парень, вроде тебя, вполне мог бы наварить на этом деле, так, чтобы со мной расплатиться и себе кое-что оставить. — Насмешливо сощурившись и забавляясь его удрученным видом, она протянула ему прозрачный шлем. — Скажи спасибо, сынок, что я хоть какую-то этику соблюдаю. Другой на Моем месте запросто продал бы тебя веганцам, и ты вкалывал бы, не разгибаясь и света белого не видя. О полетах я уж не говорю. Глядишь, годика через два-три получил бы пропуск обратно. Надень-ка вот это.

Он нахлобучил шлем на голову и пристегнул к скафандру. Потом обратил внимание, что ее шлем свободно болтался.

— А ты? — спросил он, глядя, как она переключает какие-то рычажки на пульте управления и рывком опускает ручки, расположенные по обе стороны от нее.

Внезапно голову словно сдавили железным обручем, в желудке начались спазмы, за ними последовала безудержная рвота. Джейсон обхватил руками шлем, внутри которого плавало в невесомости недавнее содержимое его желудка. Она шлепнула его по рукам.

— Только попробуй снять, руки пообрываю! — Голос звучал глухо и угрожающе. Он отпустил шлем и схватился за ремешки, которыми пристегнул скафандр к креслу.

Мерзкая жижа, взболтанная в воздухе, забила нос, и Джейсон, задыхаясь, брызгал во все стороны. Потом, закрыв глаза, стал осторожно втягивать воздух сквозь стиснутые зубы.

Так продолжалось несколько минут. Зловонная кашица комками перекатывалась по внутренней поверхности шлема, вонь стояла нестерпимая.

А потом он почувствовал свежий ветерок, и в считанные секунды вся гадость была выкачана. Джейсон с трудом разлепил склеившиеся веки и увидел, как Молли со смехом льет тонкой струйкой воду через прорезь в его скафандре. Когда скафандр всосал остатки рвоты пополам с водой, она помогла ему снять шлем.

Джейсона все еще подташнивало.

— Как дела, мальчик? Несладко пришлось при переходе на гиперсветовую скорость?

— А я думал... есть защитная оболочка... — выдавил он из себя, преодолевая тошноту. И вытер глаза рукавом скафандра.

Она покачала головой, явно развеселившись.

— Ты насмотрелся разных фильмов. У «Фолли» никакой защитной оболочки и в помине нет. Корабль слишком старый и громоздкий и не оснащен новейшей электроникой. Слишком дорого. Мы летаем по старинке, как в то далекое время, когда человек еще оставался человеком, а космос — огромным неизведанным. Ведь ты об этом мечтал, малыш? О приключениях, славе и прочей дребедени?

— Мне плохо... — простонал он.

Она вставила в рот красноватую палочку и повернулась к приборным щитам, выключая один за другим индикаторы гиперсветового полета. Панель управления с визгом опустилась вниз, и на ней слабо замерцали загадочные огоньки.

— После дюжины прыжков к этому привыкаешь. Да только ты здесь долго не удержишься. Пару недель, от силы. Так что откинься в кресле и расслабься.

— Пару недель? — переспросил он возмущенно, пристально глядя на Молли. И тут же прижал ладонь ко рту, судорожно глотая воздух.

Еще раз сняв показания с индикаторов — Джейсону сразу бросилось в глаза, что их необычно мало, — она сложила руки на груди, потянулась и с сонным видом зевнула.

— «Фолли» — зафрахтованный корабль, а не эсминец Флота, мальчик. И ты не на увеселительной прогулке. — Через несколько минут раздался ее храп.

Действительно, спустя дня два тошнота прошла, но ел он по-прежнему вяло. Чувство легкого недомогания оставалось до конца полета, хотя он всячески скрывал это от Молли Хасковин.

Присутствие молодого человека, казалось, совсем не тяготило ее, и Джейсон, чтобы убить время, продолжал изучать устройство корабля. Внутри «Молли-Фолли» представляла из себя такое же убогое и уродливое сооружение, как и снаружи. Корабль был поделен на грузовые трюмы массивными переборками, приваренными к старому каркасу, и напоминал улей с сотами. Одни помещения были забиты грузами, другие — удручающе пусты. Вдоль балок, напоминая вареные спагетти, тянулись хитросплетения кабелей. Они уходили внутрь допотопных коробок, — на некоторых не было даже крышек. Отверстия под люки были высверлены в старом каркасе позднее; застывшие после сварки шарики металла вдоль шлюзовых створов, выломанных с других кораблей неизвестного происхождения, указывали на места их состыковки с отсеками. К одним люкам вели стальные лестницы, к другим — нет. «Фолли» был великолепным образчиком экономичного кораблестроения. Джейсон почувствовал в нем прочность и мощь, не утраченную в бесчисленных перелетах.

Несколько грузовых отсеков было заперто, замки были прочные — не то, что на дверцах шлюза, ведущего в трюм. Джейсон изрядно попотел над ними, но открыть не смог. Он попробовал было посветить в отсеки через дымчатые стекла, но так ничего и не разглядел. «Фолли» надежно хранила свои тайны; среди них наверняка были такие, о существовании которых он даже не подозревал.

Первое время Джейсон упрямо-воздерживался от всяческих разговоров со старухой, но все время молчать тоже было скучно. Молли же почти не замечала его, она то дремала, то снимала показания с приборов, то что-то вычисляла на Компьютере. Иногда слушала кассеты, и он досадливо морщился, когда доносились обрывки диковинной музыки и невнятный, ни за что не похожий лепет. В конце концов, не в силах больше сносить эту какофонию и устав от одиночества, он попытался вовлечь ее в беседу.

— А что, иллюминаторов здесь нет?

— А зачем? — Казалось, ее ничуть не удивило, что он перестал дуться. — Никакой надобности в них нет. Система управления и компьютеры дают всю необходимую информацию.

— Это совсем другое дело. Неужели тебе не хочется просто посмотреть на звезды?

— На такой скорости все равно ничего не увидишь. Так что это ни к чему. — Она выплюнула изжеванный кусочек палочки.

— А что это за штука? — спросил он, глядя на прилипший к полу откушенный кончик.

Она вытащила палочку изо рта и тоже посмотрела на пол.

— Понятия не имею, — произнесла она после некоторой паузы, — подобрала в одном халианском крейсере.

— Но почему ты это жуешь?

Она снова засунула палочку в рот и усмехнулась, блеснув острыми стальными зубами.

— Потому что жвачка вредна для моих зубов, курсант.

Джейсон снова погрузился в гордое молчание, но старуха разожгла в нем любопытство. Через час он спросил:

— А зачем ты вставила стальные зубы? Сейчас такие протезы делают, лучше настоящих.

Реакция последовала неожиданная. Она резко мотнула головой и выпалила:

— Не задавай дурацких вопросов, мальчик. Закрой свой ротик и оставь меня в покое.

Отстегнув скафандр от пилотского кресла, она скрылась в люке. Джейсон изумленно посмотрел ей вслед.

Остаток дня Джейсон старался не напоминать о себе, а когда засыпал, свернувшись калачиком, Молли снова заговорила:

— Это титан.

— Что? — Он через силу открыл глаза, пытаясь стряхнуть сонное оцепенение.

В тусклом свете видно было, как тени пробегают по ее лицу, а седые волосы развеваются вокруг головы, образуя нимб.

— Титан. — Она выговорила это слово четко и безо всяких эмоций. — Мои зубы из титана, а не из стали.

— Аааа... — Он не знал, как отреагировать.

— Стали на корабле не было. — Казалось, она рассказывает себе самой. — А вот титана было навалом. И времени тоже. Пока нас носило в космосе, большинство погибло от рахита. А я только зубы потеряла. Повезло, значит.

Ему приходилось слышать про космический рахит. При долгом отсутствии гравитационного поля содержание кальция в организме уменьшается, размягчаются кости, мускулы становятся дряблыми. Затем появились системы искусственной гравитации, продолжительность полетов сократили и о космическом рахите стали забывать так же, как в свое время о бубонной чуме, оспе и герпесе. Он ничего не ответил.

— Доктор Дентум, — произнесла она задумчиво. Потом, улыбаясь, наклонилась к нему, обдав запахом перегара. — Парень что надо. Никакой он был не доктор. Просто мастер по металлу, но искусней него я не встречала. Если нужно, мог свинец превратить в золото. Он и сделал мне металлическую челюсть. Такими зубами что угодно перекусишь. Так он и не вернулся с «Питера Донневилля».

Джейсон вздрогнул, услышав это название. «Питер Донневилль» — военнотранспортный корабль, вылетел с базы, имея на борту несколько тысяч тонн стратегических материалов и шестьсот человек военного персонала. Войска Ванварского Картеля обстреляли корабль, когда он вошел в их воздушное пространство, тем самым спровоцировав войну между Альянсом и Картелем, длившуюся четыре года. Четыре года подбитый «Питер Донневилль» летал по орбите вокруг Ванвара, корабли Флота ничем не могли помочь уцелевшим членам экипажа, а Картель не спешил брать их в плен. Только пятьдесят семь человек остались в живых к тому моменту, когда Картель наконец подписал пакт с Альянсом. Но это было... а значит...

— Да, дела, — произнес Джейсон Таботт почтительно. Старушка посмотрела на него затуманенным взором. — Неудивительно, что ты всех возненавидела.

Она вытащила фляжку из внутреннего кармана расстегнутого скафандра и отхлебнула.

— Если ты не возненавидел всех — значит еще не со всеми повстречался. — Она усмехнулась и хлопнула его по коленке. — Это старая шутка, мальчик. Очень старая. — Икнув, она допила флягу, а через несколько минут негромко захрапела.

Джейсон проснулся, когда плавающая по кабине фляжка легонько стукнула его по лбу. Он взглянул на Молли. Пристегнутая к креслу пилота двумя ремешками, с безмятежным выражением лица она зависла в воздухе вверх ногами. Джейсон оттолкнул ее ноги от своего лица и сонно посмотрел на красные огоньки, мигающие на приборах, входящих в систему управления полетом.

— Молли, — встревоженно окликнул он. Сон как рукой сняло. Он схватил ее за штанины, рывком усадил в кресло, а потом хорошенько встряхнул. Голова безвольно

качнулась, налитые кровью глаза приоткрылись. — Молли, проснись...

Она зашлась в надсадном кашле, отдающемся где-то глубоко в груди, и хмуро посмотрела на мигающую панель.

— Вот дьявол... — пробормотала Молли, хлопнув ладонью по краю щита с индикаторами. Взревела сирена. Поддерживая одной рукой разламывающуюся от боли голову, она снова ударила кулаком, теперь по щиту управления полетом, и гудок смолк. — Давно пора наладить эту штуку.

— Что-то не так? — нервно спросил Джейсон, наблюдая, как она пристегивает себя к креслу и поворачивается к навигационному мостику.

— Все так. Мы готовимся к переходу на нормальный режим. — Она зловеще усмехнулась. — Этот момент я больше всего люблю... Ты ведь знаешь, имея специальную оболочку, мы могли бы выверить координаты вхождения в плотные слои с точностью до микрона.

Джейсон посмотрел на нее, начиная смутно догадываться, о чем идет речь.

— Но ведь ты говорила...

— Да, — признала Молли бодро, — «Фолли» движется в космосе вслепую, как летучая мышь. Ни оболочки, ни системы искусственной гравитации, ни систем, смягчающих смену режимов, ни новейших навигационных средств для вхождения в плотные слои атмосферы. Все как в старые добрые времена.

— Но... как ты определишь, где мы находимся? — Он с ужасом смотрел на приборную панель, поняв теперь, почему она показалась ему такой маленькой.

— Сопляк, а мозги тебе на что? Вот о чем забываете вы, скороспелые пилоты. А без мозгов далеко не улетишь.

Он наблюдал, как старушка управляет с допотопными системами управления и с компьютерами, работающими с черепашьей скоростью, и внезапно многое понял.

— Но откуда ты знаешь, что мы не сгорим в околопланетной атмосфере, не столкнемся с другим кораблем... или не угодим в середину солнца?

— Знаю, — ответила она невозмутимо.

— Но...

— Это очень просто, бум — и мы на месте.

— Но... но... ты не имеешь права! Нужно соблюдать правила безопасности. Есть инструкции... Это незаконно, черт возьми!

Она рассмеялась, и Джейсон почувствовал, как лицо его заливают краски.

— Хочешь выйти подышать воздухом? — спросила старушка одновременно насмешливо и раздраженно. — Послушай, мальчик, я знаю нашу отправную точку. Знаю скорость «Фолли». Знаю, в каком направлении мы движемся. Места в космосе всем хватит. Шансы столкнуться с другим кораблем ничтожно малы.

— Но... — снова начал он, сникнув.

— Ты ведь хотел стать пилотом. Давай, мальчик, дерзай. — Теперь она говорила серьезно, но при этом мягко и без нажима. — Запомни, любая самая совершенная, самая новейшая техника, которая только существует во вселенной, не спасет, если ты не умеешь водить корабль. Хочешь остаться живым и здоровым? Тогда сиди дома и не ищи на свою задницу приключений. Ну, а если хочешь стать героем... — Она протянула ему прозрачный шлем. — Возьми себя в руки, сопляк.

Взволнованный, он положил шлем на колени, твердо решив, что на этот раз удержится от рвоты. Живот уже сводило от страха.

Казалось, ничто на свете не может быть ужаснее этого скачка. Пока одна половина его мозга радовалась, что они до сих пор живы, другая едва не выскочила наружу через нос. Джейсон склонился над шлемом на всякий случай и плотно сжал губы, опасаясь, что его вывернет наизнанку. Капли пота выступили на лбу. Наконец все закончилось. Он судорожно сглотнул слюну и поднял глаза кверху.

Когда панель управления полетом на световой скорости задвинулась обратно в паз,

замигала лампочками субсветовая система. Зеленые символы бесшумно мелькали на экране компьютера в каком-то убаюкивающем ритме. Джейсон победно улыбнулся Молли.

— Вот видишь — не стошнило, — сказал он слабым голосом.

— Потрясающая новость, — бросила она рассеянно, не отрываясь от экранов.

От его радостного возбуждения не осталось и следа, когда он услышал стук. Что-то ударило снаружи в обшивку корабля. Потом еще и еще, и в конце концов отдельные удары слились в пулеметное стрекотание, как будто град барабанил по жестяной крыше. Он посмотрел на Молли, ощущая свою полную беспомощность, а старушка ссутулившись сидела перед компьютером, полностью сосредоточившись на изображении; глаза ее сверкали, пальцы с молниеносной скоростью бегали по клавишам. Вдруг раздался оглушительный треск и вслед за ним — шипение вырывающегося наружу воздуха. Джейсон встрепенулся.

— Пробоина в корпусе! — закричал он, прикрывая лицо от космической пыли и мельчайших осколков, которые засосало в кабину через отверстие величиной с монетку.

Молли оторвалась от приборов и, сощурившись, осмотрела кабину. Заметив дыру, она выудила из кармана халианскую палочку, уже наполовину изжеванную.

— Закрой ее рукой, мальчик! — приказала Молли спокойно и снова принялась щелкать клавишами, с невозмутимым видом покусывая палочку. Пылинки клубились в свете, отбрасываемом пультом.

Джейсон закрыл пробоину ладонью, прижал ее сверху другой рукой и тут же вскрикнул:

— Аааа... Больно! Сделай что-нибудь!

Молли вытащила палочку изо рта и посмотрела на нее. Потом дотянулась до Джейсона, рывком убрала его руки и воткнула в отверстие палочку. Палочка вздрагивала, пузырилась, но надежно закрывала дыру, постепенно затвердевая. Шипение смолкло.

— Черт возьми, — произнесла она задумчиво, — а может быть, для этого они и предназначены?

Он разглядывал свою ладонь: кожа была содрана, через рану, покрытую холодными кристалликами, сочилась кровь.

— Да, паршиво, — посочувствовала она. — Очень болит?

— В следующий раз сама будешь затыкать, — огрызнулся он.

Но Молли уже потеряла к нему всякий интерес. Дождь из осколков прекратился, и теперь она налаживала системы жизнедеятельности. Молли нажала несколько рычагов, и с потолка с жужжанием опустились и зависли полукругом над дисплеями компьютеров три дополнительных экрана. Прислушавшись к слабым субсветовым сигналам в наушнике, она чертыхнулась вполголоса.

— Что случилось? — тревожно спросил он.

— Ничего. Просто кто-то считал себя лихим пилотом, уж не ты ли, сопляк?

Джейсон внимательно посмотрел на дисплей: компьютеры едва успевали следить за молниеносно меняющейся ситуацией. Справа от нее проносилась на экране до предела спрессованная информация — компьютеры, управляющие полетом, играли в вопросы-ответы, обрабатывая поступающие данные со скоростью, недостижимой для человеческого мозга. Слева от Молли, у него над головой, диаграммы на экране радара менялись так быстро, что глаз воспринимал только размытые пятна. Постепенно он догадался, что эти цветные диаграммы и цифры под ними отражают работу систем каких-то других кораблей. Молли совершенно не обращала внимания на правый экран, но обязательно бросала взгляд на верхний, когда там раздавался звуковой сигнал и картинка задерживалась чуть дольше.

Изображение на центральном экране было четким, как в космических сериалах. Светящийся красный диск — условно изображенное солнце, и медленно плывущая вокруг него коричневая планета с двумя лунами. Рядом с каждым объектом по экрану ползли крошечные зеленые буквы. Джейсон угадал по очертаниям — эсминцы Флота, летающие по замысловатым траекториям вокруг огромного дредноута. Стайка синих кораблей взяла в

кольцо корабли Флота, обозначенные красным цветом. Они как бы сплелись в плавном, жеманном танце.

— Ничего себе! — воскликнул он удивленно и в то же время с восхищением.

— Дьявол... — мрачно процедила Молли. Маленький желтый кружок вспыхнул на контуре дредноута и тут же погас. Два красных корабля, мигнув, пропали с экрана, а пустоту немедленно заполнили танцующие силуэты. С левого экрана теперь не сходил контур синего корабля. А на центральном дисплее их было несколько, и один казался чуть светлей остальных.

Джейсон догадался, что это халианский крейсер. Еще одно желтое пятнышко загорелось на контуре дредноута, вслед за четырьмя короткими вспышками на планете.

Молли потрогала наушник, покачав головой.

— Нет, повторите, — сказала она в эфир. На экране слева снова замелькали диаграммы.

— Что происходит? — спросил Джейсон, стараясь выглядеть как можно спокойнее.

— У тебя ведь руки чесались, сопляк, — ответила она, не удосужившись даже взглянуть на него. — Похоже, мы без приглашения вломились на чью-то вечеринку. — Она показала на центральный экран: — Вот Вега — 9. Хорошие ребята, — она показала на красных. — Плохие, — теперь она показывала на синих. — Что ты еще хотел узнать?

— Что будем делать? — спросил он, стараясь не обращать внимание на ироничный тон.

— «Фолли» не всегда был ржавым мусорным контейнером, — усмехнулась Молли, щелкая рычажками индикаторов на субсветовой панели. И добавила едва слышно: — Да и я не всегда была старой пьяницей.

И снова на левом экране появилось четкое изображение халианского крейсера, а на верхнем — скопление синхронно мигающих синих кораблей. Молли досадливо постучала пальцем по наушнику.

— Нет, черт возьми, повторите.

— Что ты сейчас ищешь?

Молли кивнула на верхний дисплей. Там крошечные красные и синие корабли пестрели, словно лепестки вокруг майского дерева.

— Халиане умом не блещут. Какой-нибудь один ублюдок корректирует огонь. Отыщем его, тогда и остальным крышка.

— Но как ты его вычислишь?

— Анализируя траектории полетов. Столько кораблей собрано в одном месте, что пилотам в одиночку не справиться. Большинство команд они получают из компьютерного командного центра. Но... — она пожала плечами, — время от времени кто-нибудь выбивается из общего строя. Посмотрим, успеет ли он прикрыть свою задницу.

По сериалам Джейсон все представлял иначе. Телегероям все было нипочем. Они победно шествовали по экрану, обливаясь соленым потом, и ничто не могло их остановить: ни дым пожарищ, ни предсмертные стоны товарищей. Там все выглядело эффектнее, чем в настоящем бою. Он беспокойно ерзал в кресле второго пилота, а Молли флегматично пережевывала очередную халианскую палочку, прислушиваясь к сигналам в наушнике и следя за непрерывно текущим по экранам потоком информации. Он даже подпрыгнул от неожиданности, когда Молли вдруг азартно стукнула кулаком в ладонь другой руки.

— Попался, сукин сын! — Она показала на прыгающее на экране изображение халианского легкого крейсера. — Вот его-то мы и искали.

— Откуда ты знаешь? Контуром он ничем не отличается от других халианских кораблей, обнаруженных радаром.

— Сорока на хвосте принесла. — Она сверкнула металлическими зубами. — Ты, кажется, хотел побыть пилотом? Ну что же, настал твой звездный час, мальчик.

Его бил озноб от восторга и страха одновременно. Наконец-то произойдет что-то важное.

— Что я должен делать? — Всем своим видом Джейсон старался показать, что готов к выполнению приказа.

— Сейчас будет по-настоящему опасно. — Старушка ткнула своими загрубевшими пальцами в кнопку на пульте. — Мы полетим прямо на этого ублюдка и срежем его. Будем надеяться, халиане не распознают вражеский корабль сразу, и я успею вклеить им в задницу пару раз из двухсотмегатонного орудия, а потом мы уйдем по той же траектории. План не бог весть какой мудреный, зато эффективный.

— И как я это сделаю? — спросил он нетерпеливо.

— Тебе и не придется ничего делать. Для этого есть компьютеры. Мне нужно спуститься вниз и приготовить гостинцы. А ты следи вот за этим. — Она показала на зеленый световой сигнал.

— Ясно, — с готовностью объявил Джейсон и уставился в экран.

— Если загорится красный свет, нажмешь вот сюда. — Она дотронулась до маленькой кнопки, вмонтированной в подлокотник его кресла.

— А потом что?

— Крикнешь мне. Это переговорное устройство.

Он не смог скрыть своего разочарования. И тогда Молли сжала его плечо и сказала:

— Мальчик, халиане не должны знать, кто мы такие, так же как и пилоты Альянса. Мы должны внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть. Если нас засекут, от нас останется мокрое место. Ты чего больше хочешь — в героя поиграть или голову на плечах сохранить?

— Хорошо, Молли, — кивнул он, чувствуя себя взнузданным и обласканным одновременно. — Хорошо.

Ворча что-то под нос, она слезла с пилотского мостика, выбралась из кабины и закрыла за собой люк.

По мере того, как их корабль, описывая дугу, садился на хвост халианскому крейсеру, контуры на экране разрастались. Хотя он и понимал, что расстояние слишком велико, и все же ему казалось, что на экране не условные схемы, а настоящие корабли, и от волнения мурашки начали бегать по коже. Чем ближе, тем быстрее мелькали картинки. Теперь только сетевые компьютеры успевали расшифровывать данные. Зависший над кнопкой палец задрожал.

Еще мгновение, и синий контур халианского корабля начал поворачиваться. Что-то вспыхнуло, и корабль попал в болтанку. Яркие всполохи пробежали по экрану. Джейсон почувствовал, как наэлектризованные волосы на теле встают дыбом. Огоньки запрыгали перед глазами, вибрация корабля передавалась телу. Он мучительно застонал. И в этот момент зеленое мерцание сменилось красным.

Все произошло в мгновение ока. Он с силой ткнул кнопку переговорного устройства.

— Молли!

— Черт! Черт! Черт! — услышал он пронзительный крик, внезапно оборвавшийся, когда отключилась система искусственной гравитации. Два экрана погасли, только центральный не сдавался и передавал прерывистые, искаженные сигналы.

— Молли! Что дальше? — умоляюще спрашивал он.

Но эфир молчал, и он пережил несколько ужасных минут, решив, что связь прервана. А потом раздался бесстрастный голос Молли:

— Слушай меня внимательно, мальчик. Сделаешь все как я скажу.

Где-то в глубине сознания промелькнула мысль, что, не будь он таким напуганным неумехой, момент показать себя был бы самый подходящий. Вот только бы не обмочиться со страху.

— Переставь три главных ключа на щите управления, слева от тебя. Видишь их?

Джейсон посмотрел на скопление мигающих лампочек и замер в нерешительности. Тусклое освещение пилотского мостика еще больше осложняло дело.

— Видишь ты их или нет, черт возьми? — гаркнула Молли в микрофон. Он робко примеривался к кнопкам, боясь сделать неверное движение. — Давай! Давай! — надрывалась Молли.

Он наугад нажал куда-то, надеясь на чудо. Раздался надрывной вой старых

гравитационных двигателей, получивших сверхпредельную нагрузку, «Фолли» заходила ходуном и начала медленно вращаться.

— Идиот! — завопила Молли. — Левые кнопки! Левые!

Всхлипывая от страха и беспомощности, он отчаянно пытался выправить корабль. Включившаяся система внутренней гравитации швырнула его на пол и тут же выключилась. Раздался яростный вопль Молли, ухнуло несколько раз двухсотмегатонное орудие, и внезапно все смолкло.

— Господи... Господи... Господи... — повторял он как заклинание, нажимая какие-то кнопки, дергая рычаги и лихорадочно пытаясь разгадать значение диаграмм на экранах. И тут на пилотский мостик запрыгнула Молли и с умопомрачительной скоростью принялась манипулировать кнопками. Слова ее потонули в завывании двигателей и металлическом скрежете. Системы одна за другой отключались, болтанка наконец прекратилась, и «Фолли» поплыла в космосе настолько бесшумно, что Джейсону показалось, что он оглох.

Молли болталась в невесомости вверх ногами, и глаза ее гневно сверкали в каких-то двух дюймах от его лица. Капельки крови сочились из пореза на лбу, разлетаясь в разные стороны. Один красный шарик попал ему на нос.

— Такого бестолкового сукина сына я еще в жизни не встречала, — сказала она с расстановкой. Потом сжала пальцы на его горле и стала яростно трясти. — Убью тебя, придурок! — хрипела она и била его головой о спинку кресла. Задыхаясь, Джейсон вцепился ей в запястья, тщетно пытаясь освободиться.

В пылу борьбы он выскочил из кресла и ударился о приборный щит. Неожиданно включилось поврежденное радиоустройство, завывла сирена, а в передатчике раздался чей-то голос.

...Флагманский корабль сил Альянса «Эксетер» вызывает на связь фрегат NR — 375, «Молли-Фолли», отзовитесь, пожалуйста...

Она замерла на мгновение, не разжимая пальцев, а потом отпустила парня и повернулась к пультам связи.

— Починю я когда-нибудь эту чертову штуку? — она выругалась и заговорила в передатчик: — «Молли-Фолли» на связи...

Каким-то образом «Эксетеру» удалось перехватить радиосигнал с «Фолли», когда тот покидал зону боевых действий. К этому времени атакующие ряды халиан расстроились, и эта полная деморализация противника была так же необъяснима, как и непрерывный поток радиосигналов с фрегата. Сигналы были зашифрованы кодом торгового флота. Посылая их в планетную систему, удаленную на три парсека, фрегат тщетно пытался заявить о себе.

К тому времени, когда маленький буксир доставил покореженную «Фолли» в ремонтный док, «Эксетер» полностью очистил систему Вега — 9 от вражеских кораблей и высадил войска на планете с горными разработками. Люди с «Эксетера» вскрыли сплавившийся люк, и Молли с Джейсоном выбрались наконец из корабля. Шеренга офицеров Флота застыла по команде смирно. Молли совершенно равнодушно отнеслась к оказанным почестям, Джейсон же раскрыл рот от изумления.

— Лейтенант Хасковин, с вами говорит капитан-Джеймс Альт-парк, — представился старший группы, — вас срочно вызывает командир.

— Вольно, сопляк, — проворчала Молли и швырнула замызганный рюкзачок потрясенному капитану. — Отдайте старику вот это. Пусть взглянет. А потом уж, если ему приспичит, поташу к нему свои дряхлые кости. Найдете меня в баре.

И она ушла, с неизменной халианской палочкой в зубах. Джейсон поплелся следом.

Когда командующий разыскал их, Молли уже приложила к пятой порции выпивки и пребывала в умиротворенном состоянии. Джейсон неподвижно сидел напротив нее, сжимая в руке недопитую банку с пивом. Увидев внушительную фигуру командира, нависающую над ним, Джейсон привстал в замешательстве, не зная, как следует к нему обратиться. Но командующего интересовала лишь изрядно захмелевшая Молли Хасковин.

— Лейтенант Хасковин?

— Вольно, — пробормотала Молли, даже не взглянув на него.

Командир уселся, жестом подзывая бармена.

— Очень рад нашей встрече, лейтенант.

— Вольно, — повторила Молли, стараясь сфокусировать взгляд.

Командир вывалил на стол кассеты, которые Молли передала ему через капитана.

— Жду ваших объяснений, лейтенант.

Она придвинула к нему одну из кассет.

— Объяснений? Ну, просто я подумала, а вдруг вы увлекаетесь халианской музыкой, — она ухмыльнулась, открывая ряд острых зубов.

Командир неторопливо кивнул и взглянул на Джейсона.

— Значит, вы вдвоем подбили халианский флагман, — произнес он задумчиво, словно до сих пор не мог в это поверить.

— Я знала, что доберусь до этого писклявого ублюдка. — Молли выпрямилась в кресле и загоготала.

— У вас отличный послужной список, лейтенант, — перешел командир к делу. — И корабль вы до сих пор водите, как черт. А нам позарез нужны пилоты. Предлагаю вернуться в наши ряды. На полный оклад и с перспективой роста.

— Да? — Молли посмотрела на него, устало сощулив глаза. Хмель уже начинал выветриваться.

— Вега — 9 — один из ценнейших объектов в этом секторе. Она имеет стратегическое значение, кроме того, рудники, где ведется добыча сырья для Флота, должны находиться под надежной защитой. У нас каждый пилот на вес золота. — Командир пристально смотрел на нее, облокотившись на стол.

После этих слов Молли слегка побледнела. И тут произошло нечто немыслимое, невероятное. Она вдруг как-то состарилась сразу, усохла, стала хрупкой и слабой. На командующего смотрели большие глаза, глубоко спрятанные в морщинистом, дряблом лице. И когда Молли заговорила, голос оказался надтреснутым и немощным.

— Вы меня не так поняли, сэр, — произнесла она. — Этот сопл... этот молодой человек и есть ваш герой.

Командир скептически посмотрел на застывшего от изумления Джейсона.

— Мы с ходу угодили в самое пекло, ну а у меня теперь нервы ни к черту. Я и до туалета-то не долечу без помощника. Короче, мы вклинились в эфир — все придумал молодой человек — и прислушивались к сигналам, пока не уловили этот свинячий визг. Джейсон учился кое-чему, и он распознал командный код халианцев.

— Так вы понимаете халианский? — спросил командир недоверчиво.

— М-мм... — Джейсон с отчаянием посмотрел на Молли.

— Достаточно понимает, чтобы узнать, по какому из лисьих кораблей врезать. А на «Фолли» как раз оказалось несколько ракет, которыми мы разжились как-то по случаю. Так, всякое старье.

— Вот, значит, как... — Командир нахмурился.

— Я и попала-то по чистому везению. Не будь со мной Джейсона, кто знает, как бы оно все обернулось. Этот парень просто рожден быть пилотом.

Когда она взглянула на Джейсона, в ее глазах вспыхнули озорные искорки, и на какое-то мгновение стала прежней Молли. У парня от ее слов просто челюсть отвисла.

— Ну что ж, сынок, — командир не совсем еще оправился от удивления, — если ты хотя бы вполовину так хорош, как тебя расписала лейтенант, значит. Флот приобрел отличного пилота.

— Не уппусти случай, мальчик, — сказала Молли устало, сжимая стакан заскорузлыми, в коричневых крапинках пальцами. — На грузовом судне ты не многому выучишься. А я управлюсь как-нибудь без тебя.

Джейсон поедал глазами командира. Офицер поднялся с места — он уже все решил для себя.

— Через час прибудешь с рапортом в строевую часть, сынок. Добро пожаловать на борт нашего корабля. — Он взял под козырек, и Молли в ответ небрежно отдала честь, пробормотав неизменное «вольно». Командир вышел.

— Зачем вы это сделали? Я не умею летать! И чуть было не испортил все! — Джейсон через стол наклонился к ней.

Она осушила стакан и стала шарить по карманам комбинезона в поисках монет.

— Уж лучше ты, чем я. Так-то, сопляк, — сказала Молли. Она снова ожила.

— Но... — попытался возразить Джейсон.

— Послушай, ты ведь хочешь летать. А я хочу, чтобы меня оставили в покое, дали спокойно выгрузить халианское пойло и убраться отсюда побыстрее. Я слишком стара для всех этих подвигов, славы и разной другой туфты. — Она отсчитала деньги и высыпала монеты на стол. — Вот разгружу «кровавик» и слетаю домой. Отдохну немного. — Губы ее тронула легкая усмешка.

— Домой? — переспросил он, когда Молли уже встала, собираясь уходить.

— В Форт Уорт, штат Техас.

— Техас? На Земле? — он снова открыл рот.

— Во всей вселенной существует только один Техас, курсант, и его вполне достаточно. — Она остановилась и посмотрела на него, хлопая по карманам в поисках халианской палочки. — Окажи мне любезность, мальчик. Постарайся, чтобы тебе не прострелили задницу в первом же бою, договорились?

Его переполняла нежность к старой женщине. У него получилось! Он добился своего! Мечты сбылись.

— Конечно, Молли! — Он улыбнулся, твердо решив, что не заставит ее краснеть за него.

— Ну вот и хорошо. — Она двинулась к выходу, с палочкой в уголке рта. — Эта гадость страшно дорого стоит. Будет жаль, если хоть одна пропадет.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Ауро дочитал текст, поднял глаза от дисплея, задумчиво обвел взглядом обшарпанные стены кабины. По сравнению с современными кораблями Флота «Красный шар» выглядел как музейный экспонат. И почему эту рухлядь до сих пор не выкинули на свалку? Неужели эта ржавая посуда когда-нибудь пригодится?

Адмирал в отставке Дэв Су Элисон

Военное искусство

25.546T/E6.2

Технология

Новая технология порой оказывается обоюдоострым оружием. Ее достоинства иногда перевешиваются трудностями, с которыми сопряжены поиск и добыча нового экзотического сырья. Особенно это пагубно во время войны. Последствия применения новых технологий не всегда предсказуемы. В качестве примера можно привести поле Бейджи, которое Эльзасская Федерация использовала против Альянса в войне за свою независимость. Это поле действительно выводило из строя чувствительные датчики кораблей Флота, но за это преимущество Эльзасцы заплатили очень дорого — им пришлось отключить магнитную защиту собственных кораблей, иначе генераторы поля Бейджа не работали. В результате в битве у Двойных Лун (это место более известно как Марианское рудное скопление) Эльзасцы потеряли практически весь свой военнокосмический флот. А если бы они воспользовались прежней тактикой, основанной на привычных технологиях, то исход сражения вполне мог оказаться не в пользу Флота.

В истории всех времен и народов прослеживается интересный парадокс: несмотря на спешку и прочие неблагоприятные условия военного времени, именно

войны и гонка вооружения в наибольшей степени способствуют развитию техники и внедрению в жизнь принципиально новых технологий. История Флота лишь подтверждает это древнее правило. Вместе с появлением новых видов вооружения менялась и тактика, но обычно с некоторым запозданием. И тогда, когда нововведения затрагивали основы стратегии. Флот отказывался от прежних методов ведения войны.

Это установка позволяет избегать крупных провалов в большинстве случаев, но не всегда. В настоящее время нас захлестывает поток нового оружия, предназначенного для самых разных ситуаций; часто не хватает времени для должного изучения всего этого разнообразия. Поэтому догматическое следование старым рецептам в области тактики и стратегии в некоторых случаях может привести к катастрофическим ошибкам. Образно выражаясь, тот обоюдоострый меч, которым Флот успешно сражался на протяжении нескольких столетий, однажды может нанести удар по нам самим как раз в тот момент, когда мы замахиваемся на врага.

Еще раз хочу предупредить: непродуманное внедрение новой технологии, какой бы безопасной эта технология ни казалась, может привести к самым непредсказуемым последствиям...

Ларри Нивен, Дэвид Дрейк. МАМКА И ЕЕ ДЕТИ

ММ — 39 — «мамка», как называли автоматизированную фабрику люди, наведывавшиеся сюда раз в месяц, чтобы забрать ее продукцию, — медленно продвигалась сантиметровыми толчками, выписывая спираль вокруг центральной башни, служившей одновременно и складом, и электростанцией. Сверхпрочные зубы машины с пронзительным скрежетом вгрызались в таконит; раздробленная руда засасывалась в металлическое чрево, сепарировалась и затем переплавлялась в вакуумной печи.

С интервалом в одну-две минуты (в зависимости от качества руды) из чрева «мамки» выбрасывался очередной металлический шарик и по длинному шлангу, сделанному из керамического волокна, отправлялся на склад.

Если бы кто-нибудь поинтересовался у «мамочки», как она поживает, то та ответила бы, что дела у нее идут великолепно. А если бы «мамочка» имела душу, то добавила бы, что очень счастлива.

Но души у нее не было.

Цель жизни ММ — 39 была предельно проста — она производила шарики такого состава и диаметра, которые задавались ей управляющими сигналами из башни; или воспроизводила себе подобных, если этого требовал сигнал из того же руководящего устройства. «Мамке» было совершенно безразлично, как люди, обитавшие на планете Овроборос, использовали изготавливаемые ею шарики — для подшипников или как высококачественное сырье для производства других изделий. «Мамка» честно выполняла свою работу, а все остальное ее не интересовало.

Она имела форму половинки усеченного конуса, разрезанного вдоль оси. Длина — пять метров, ширина нижней, широкой части — три метра. На ее днище имелись колеса с острыми шипами, с помощью которых она ползала по огромному плоскому полю. В случае изменения окружающей среды «мамка» могла родить хорошо приспособленную к новым условиям машину.

До некоторой степени меняться могла и сама «мамка». Так, за последние несколько недель она нарастила себе еще полметра длины и установила в новой части корпуса более мощные электродвигатели, поскольку прежние уже с трудом справлялись с доставкой металлических шариков по удлинившемуся шлангу к башне.

Правда, из-за этой модификации пришлось на несколько дней приостановить производство, но это пустяки — у «мамки» впереди целая вечность. Лучше недодать несколько тысяч шариков сейчас, чем миллионы потом, когда шланг забьется — прочистка

шланга потребует нескольких недель.

Хруст горной породы во рту «мамки» звучал теперь несколько иначе: зубы ее начали вгрызаться в дайку — пластообразную магматическую породу с низким содержанием железа и никеля, которые необходимы для изготовления ценных шариков. Но, во-первых, радары «мамки» видели, что этот бесплодный участок скоро кончится. А во-вторых, в этой вулканической породе обнаружили некоторые очень редкие элементы, хотя и в крайне небольшом количестве. Поэтому «мамка» занялась и дайкой. В ее чреве редкие элементы извлекались и превращались в крошечные шарики, которые, подобно жировым отложениям, накапливались в специальном отсеке — возможно, когда-нибудь пригодятся. А остальная часть породы вылезала аккуратной колбаской наружу через отверстие для отходов. Скоро прилетят люди и уберут эти кучи.

Дайка кончилась, и снова по шлангу в башню покатились шарики.

Впереди у «мамки» — безмятежная вечность.

Большая часть холодной планеты Овроборос была покрыта водой. Достаточно тепло было только на экваторе. Площадь островов составляла лишь три тысячи квадратных километров. Если бы мощные термоядерные бомбы растопили льды и снега на обоих полюсах планеты, острова скрылись бы под водой на глубине метров в триста.

Но «мамка» ничего не ведала об этом обстоятельстве, а потому и не беспокоилась о своей судьбе. Не знала она и о том, что эскадра халианских рейдеров приземлилась на Овроборосе. Халиане собирались, угрожая растопить полярные шапки, отобрать у людей ценное оборудование.

Если бы угроза осуществилась, «мамка» легко смогла бы приспособиться к новым условиям существования. Ей все равно, в какой среде работать — в воздухе или под водой. Правда, термоядерная электростанция в башне вскоре после потопа вышла бы из строя, но и это не беда — «мамка» питалась бы от солнечных батарей, которые всплыли бы на поверхность разлившегося океана. Таким образом, даже всепланетный потоп не остановил бы добросовестную деятельность «мамки» — ее будущее было безоблачным.

Правда, потоп угробил бы всю человеческую колонию. Людей на Овроборосе мало, оружия у них практически нет, поэтому они не смогли оказать халианам серьезного сопротивления. Угрожая потопом, халиане потребовали от них сведений о всех сколько-нибудь ценных объектах, имеющих на планете. У людей не было выбора. Враги получили то, чего добивались.

— Ты уверен, что именно тут находится объект? — сердито, проворчал командир отделения Иксмал, обращаясь к Двассону, пилоту халианского скутера. — Это похоже на охрененную воронку от ядерной бомбы.

— Может, здесь уже побывала одна из наших эскадр и что-то взорвала? — угрюмо предположил рядовой Мокетрик, почесывая бакенбарды левой лапой. Несколько дней назад перед процедурой почесывания он от волнения забыл снять боевую перчатку с шипами. С тех пор невредимая половина его лица имела законное право сохранять угрюмое выражение.

— Приборы показывают, что курс верный, — неуверенно отозвался пилот Двассон.

Скутер подлетел к серому кратеру, выделявшемуся на коричневато-зеленом ландшафте. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что кратер образовался не от бомбы, а выеден машинами, ползавшими вокруг башни, которая представляла собой колонну с небольшим домиком наверху. Такая картина мало напоминала рисунок, имевшийся у Иксмала.

— Это тот самый объект, — самоуверенно объявил ефрейтор Волвон. Второго такого умника, как этот чертов всезнайка, Иксмалу не приходилось встречать за все время службы. Если, конечно, не считать самого Иксмала. — Видите вон тот агрегат на краю кратера? Очевидно, это и есть та самая машина, что нам нужна.

— Эта хреновина совсем не похожа на ту громадину, что намалевали нам эти козлы, — пробурчал Иксмал себе в усы, косясь то на ползущую внизу половинку цилиндра, то на трехмерную схему объекта, по ходу дела кроя матом недоумков, которые не намудрили с

масштабом.

Тем временем скутер продолжал кружить над кратером. Надо было что-то решать.

— Ладно, идиот, спускайся! — крикнул Иксмал пилоту и скомкал листок с дурацким рисунком.

Пилот Двассон совершил «твердую» посадку, а выражаясь точнее, посадил скутер на краю кратера так, что у всех чуть зубы не повылетали. Похоже, этот придурок очень удивится, когда обнаружит внизу не мягкую лужайку, а каменистый грунт. Ошалевший от «искусства» пилота экипаж поднял гвалт.

— Быстро! Быстро! — орал Иксмал, выгоняя свой маленький, но хорошо вооруженный отряд из кабины скутера на жесткую и бесплодную землю.

Вокруг не было ни души, тишину нарушал лишь шум машины, которую халиане намеревались заграбастать в качестве трофея. Потенциальная жертва ревела так, словно ее подвергали какой-то чудовищной пытке. У Иксмала сразу же улучшилось настроение. Но тут он заметил, что недоносок Мокетрик уже успел примоститься на корточках и явно собирается пометить пустыню своими мерзостными испражнениями.

— Встать! — рявкнул Иксмал, врезал Мокетрику прикладом и моментально развернул автомат дулом вперед, чтобы засранец знал свое место.

Мокетрик всхлипнул и послушно отошел от единственного пучка чахлой травы. Иксмал присел на то же место и не спеша облегчился. Дисциплина была восстановлена — командир должен быть первым.

— Так! — удовлетворенно констатировал Иксмал. — Теперь хватаем эту ползучую гадину и быстро сматываемся!

Он подошел к краю кратера, прыгнул вниз и, используя свой короткий пушистый хвост в качестве подушки, съехал по склону. Но Иксмал промахнулся и оказался не на крыше полуконической машины, а на земле, чуть сзади. От удара о скальную твердь бравый командир выпустил из рук автомат.

— Командир Иксмал! — воскликнул ефрейтор Волвон, едва сдержав смех. — Этот объект, кажется, движется.

Остальные солдаты отделения почему-то не стали подражать своему командиру и попрыгали внутрь кратера с гораздо большей осторожностью. Склон был настолько гладким, что блестел. Перед такой зеркальной стеной вполне можно было причесывать хвосты.

Вдруг раздался хлопок. Все мигом упали, затихли и завращали глазами — кто на этот раз отправился к праотцам? Все оказались целыми и невредимыми. Кто же стрелял? И откуда? Может, из башни, торчащей в центре кратера?

Первым заговорил Волвон:

— Это был не выстрел. Просто машина пустила по этой кишке какую-то хренотень. — Он ткнул огромным ножом на шланг, тянущийся от полуконуса к башне, задумчиво поковырял длинным лезвием в клыках, потом снова указал тесаком и добавил: — Это силовой кабель, он питает машину.

Тем временем машина как ни в чем не бывало продолжала двигаться, хотя и очень медленно.

— Сэр, может быть, отключить объект? — осторожно спросил у командира один из рядовых.

— Можно подумать, кто-нибудь из вас знает, как ее отключить, — пробормотал Иксмал, наливаясь яростью. Чертовы людишки! Вечно с ними проблемы! Надо будет вырезать у кого-нибудь из них печенку, чтоб знали!

— Эту машину, по всей видимости, можно выключить только с главного острова, — с ученым видом произнес выскочка Волвон.

— Какого хрена ты тут квакаешь?! Тебя спрашивали? Чтоб ты подавился собственными потрохами!

— Нам также надо взять вон ту башню, — добавил Волвон.

— Мы не сможем взять на борт обе эти штуковины, — вклинился Мокетрик, который

увлеченно скреб стальной корпус визжащей машины, исследуя ее на прочность. В результате его целенаправленных исследований на корпусе объекта остались четыре глубокие царапины. — Наше корыто не взлетит с двумя хреновинами.

— Бах!

Доблестные халиане попадали. Все, кроме ефрейтора Волвона.

— В таком случае мы обязаны вызвать еще один транспортный корабль, — спокойно сообщил пижон Волвон, тактично рассматривая небо, пока его командир, позвякивая оружием и прочими железяками, поднимался с твердого дна кратера. Иксмал наградил своего подчиненного взглядом, от которого даже у ведьмы скисло бы молоко.

— Мы, на хрен, обязаны, — скрипнул командир, словно мельничные жернова, — делать то, что нам приказало начальство. Мы должны забрать эту хренотень быстро, не дожидаясь, пока прилетит какой-нибудь гребаный линкор и сравняет наши жопы с землей. Понял?!

— Так точно! — отчеканил Волвон. — Но начальство, видимо, не знакомо с этим устройством, иначе...

У ног вконец обнаглевшего Волвона взметнулся фонтанчик каменных брызг. Из перебитого кабеля посыпались искры. Иксмал с выпученными от ярости глазами расстрелял всю обойму. Волвон, повизгивая от страха и петляя как заяц, заскакал по дну кратера. Внезапно металлическая громадина умолкла и остановилась.

Последние патроны Иксмал выпустил в шланг. Прочный керамический материал обшивки раскололся, но шланг остался невредим.

Иксмал прищелкнул к автомату запасной магазин. Отряд наблюдал за его действиями со страхом и отвращением.

— Двассон! — гавкнул Иксмал. — Подними свою летающую лоханку над этой болванкой, чтоб мы могли привязать ее. Живо!

Гравитационные двигатели скутера включились, корабль завис над замершей машиной.

— Ты! Отрежь шланг! — приказал Иксмал, смерив Волвона злобным взглядом.

Перепуганный ефрейтор начал ковырять шланг в простреленном месте ножом, но прочный материал не поддавался.

— Зубами! — рыкнул Иксмал.

Все знали — если сейчас ефрейтор Волвон не перекусит шланг, то командир Иксмал перегрызет ему горло.

— Так, продолжаем, — сказал начальник палубы Лимурил и ткнул ногой в корпус «мамки». Та горестно загудела. Ростом Лимурил был не выше эльфа, действовал он жестко, как халианин, а происходил с планеты, название которой не смог бы выговорить ни один человек. Но если бы нашелся смельчак, решившийся воспроизвести эти ни с чем не сравнимые звуки, то у него получится нечто вроде «спфсельрпн». — Кто отвечает за эту машину?

— А? Я, сэр, — спохватился Эстори́л, зашуршав бумагами и выходя из толпы инженеров, ожидавших своей очереди.

Эстори́л тоже происходил из эльфов, но для Лимурила этот факт не имел никакого значения, вернее, к своему соплеменнику он был еще требовательнее. Поэтому Эстори́л залепетал в страхе:

— Это, понимаете, как его, этот объект был взят с планеты...

— Эстори́л! — холодно перебил его начальник и с презрительной усмешкой почесал меховые кисточки на ушах. — Всем известно, что эта штука подобрана на планете Овроборос. Я хочу знать: для чего машина предназначена? Ты можешь ответить на этот простой вопрос или нам придется посылать экспедицию вместе с этой машиной на Овроборос?

Кое-кто из инженеров захихикал, другие надули щеки и запыхтели, третьи засучили когтистыми лапами в воздухе — каждый демонстрировал преданность начальству в соответствии с понятиями своей расы.

— Могу ответить, сэр! — Эсторил, позеленев от страха, еще лихорадочнее зашелестел бумагами и наконец извлек нужный лист. — Эта машина является металлургическим заводом. Полностью автоматизированным заводом.

— А что этот завод производит? А, Эсторил? Можно задать тебе столь бестактный вопрос? — ехидно осведомился Лимурил, возведя глаза к небесам, вернее, к потолку Четвертой Палубы огромного космического корабля «Опухоль». — После беседы с тобой мне иногда хочется предложить нашим братьям по разуму халианам взять на борт нашего корабля в качестве инженеров несколько древесных грибов. Они повысят средний интеллектуальный уровень инженерного корпуса.

Инженеры дружно захихикали, запыхтели, засучили лапами.

— Сэр, требуемая вами информация не была доставлена с планеты Овроборос, — смиренно известил начальника Эсторил.

— Ты просто не сумел найти нужную информацию! — рубанул Лимурил, хотя, как и все инженеры, прекрасно знал, что диверсионные отряды халиан в большинстве случаев не интересовались технической документацией. Бравым воякам бумага и странные закорючки казались полной ерундой, не имеющей никакого отношения к делу. Впрочем, халиане варварски относились не только к бумагам, но и к награбленному добру.

Вот и сейчас из грузового трюма доносился лающий хохот халиан, развлекавшихся с захваченными «игрушками».

— Они перерезали силовую кабель, — упорствовал Эсторил. — Я считаю, что на оставшийся обрывок кабеля необходимо подать напряжение и посмотреть, как машина будет функционировать.

— Разумеется, Эсторил. Странно, что ты до сих пор не сделал этого. Ведь в этом и состоят твои обязанности.

Ничего странного в этом не было. Во-первых, Эсторил просто не успел ничего сделать, поскольку машина поступила совсем недавно. Во-вторых, если бы даже Эсторил проявил инициативу и подал напряжение, начальник палубы Лимурил все равно к чему-нибудь придрался бы и отругал своего подчиненного, например, за опасную инициативу.

Начальник палубы направился в трюм, следом двинулись инженеры. Дикие выкрики халиан стали громче. Да, Лимурил походил на халианина в обращении с подчиненными. Но в присутствии халиан... Эти дикари совершенно непредсказуемы, тем более по отношению к своим рабам.

Неподалеку что-то заскрежетало и лязгнуло, грянул очередной взрыв хохота. Очевидно, халианское дубье по своему обыкновению уродовало какую-то хрупкую машину.

Большая часть этого этажа корабля была заполнена разнообразными машинами и движущимися механизмами, добытыми на планетах людей.

Эсторил подошел к машине, имевшей форму половины конуса.

— Давай, давай! — нетерпеливо подстегнул его Лимурил и яростно зашевелил ушами в сторону остальных инженеров. — Помогите ему включить ее, быстро!

Корабль «Опухоль» предназначался для перевозки добычи, поэтому по своим размерам превосходил хороший линкор. В отличие от боевого корабля, большую часть внутреннего пространства занимали грузовые отсеки, размеры которых легко можно было менять. В отсеках можно было перевозить все, что угодно: начиная от таких мелочей, как голографические телевизоры или серебряная посуда, и кончая крупным оборудованием.

Нашлось здесь место и для «мамки».

После халианского набега даже на более маленькую планету, чем Овроборос, на борту «Опухоли» обычно скапливались десятки тысяч тонн награбленного добра. Набеги совершались стремительно, дабы корабли Флота не успели прийти на помощь жертве, поэтому хорьки хапали все подряд в жуткой спешке, часто ломая ценную аппаратуру.

Во время полета экипаж «Опухоли» проводил предварительную сортировку добычи на борту, а потом доставлял ее в Синдикат — сектор космоса, расположенный в спокойном уголке галактики, вдали от границ и битв. На планетах Синдиката имелся

высококвалифицированный персонал, состоявший исключительно из людей; добычу разбирали, сортировали, кое-что приводили в рабочее состояние (разумеется, не все — значительная часть трофеев оказывалась настолько поврежденной, что не подлежала восстановлению, и ее попросту выбрасывали) и распределяли по назначению. Кроме людей на халиан работали некоторые другие расы, также способные к научной и инженерной деятельности. Конечно, работа на хорьков — занятие не из приятных, но это все-таки лучше, чем немедленная гибель от бесчисленных халианских полчищ.

У Лимурила имелась еще одна причина для того, чтобы трудиться на благо полоумных варваров — ему нравилось возиться с хитрой техникой. Единственное, что не нравилось Лимурилу — сами халиане.

Стайка хорьков с бешеным гиканьем вылетела из-за угла как раз в тот момент, когда Эсторил подал напряжение на обрывок силового кабеля «мамки». По резкому скачку тока инженеры поняли, что дикари халиане не выключили машину перед тем, как обрубить ей кабель. Да и чего еще можно ждать от неграмотных пиратов?

— А это что? — спросил один из халиан. В лапах он держал клубок мятых трубочек, извлеченных из только что изуродованной неподалеку машины.

— Это следующее развлечение! — весело гавкнул другой хорек.

Инженеры напряглись — что на этот раз выкинут эти сумасшедшие? Эсторил и два других инженера — недомерки Коричневой расы — попятились от ожившей машины. Из нее выскочил и покатился по полу блестящий шарик идеальной сферической формы. Лимурил замер от страха.

«Мамка» зажужжала, ее датчики принялись изучать обстановку. Предварительные данные показывали: содержание ценных металлов на новом месторождении удивительно высоко — великолепная жила, хотя и очень твердая! Есть над чем поработать! Но прежде, чем прийти к окончательным выводам, искусственный интеллект «мамки» решил сначала подробнее исследовать новые условия обитания.

Голова с острыми зубьями внезапно поднялась проверяя целостность шарнирных соединений. Все оказалось в порядке. И тогда «мамка» принялась точить зубы, ее челюсти заработали с пронзительным визгом. Инженеры в ужасе отскочили на почтительное расстояние.

— На, жри! — задорно крикнул халианин и бросил ей в рот кусок изувеченной машины.

Сверхпрочные зубы легко перемололи хромированную сталь, и с урчанием гурмана «мамка» поглотила угощение. Инженеры застыли в благоговейном страхе, а халианин шустро выдернул из кобуры своего соседа двадцатизарядный пистолет и метко швырнул его в зубастую пасть. Лимурил бросился на пол. В долю секунды пистолет, грохоча выстрелами, исчез в утробе «мамки», халиане зашлись в оглушительном хохоте.

Взвизгнул один из Коричневых — ему в ногу попал очередной шарик, выскочивший из утробы «мамки». На самом деле она уже перестала производить новые шарики, а этот выскочил просто потому, что был на последней стадии готовности в тот момент, когда на планете Овроборос перебили кабель. Теперь же «мамка» намеревалась «родить» машину, более приспособленную к работе в новых условиях.

Лимурил медленно встал, осторожно потрогал то место под правым глазом, куда угодил крошечный осколок. Слава Богу, что он решил облачиться сегодня в водонепроницаемый комбинезон, иначе все бы заметили, что начальник от страха обмочился. Но теперь можно отправиться в свою каюту и привести себя в порядок.

Халианин, лишившийся пистолета, злобно лаял на коллегу-пирата, остальные хорьки подняли гвалт, подзуживая противников.

— Щас мы ее накормим! — рыкнул один из халиан. — Посмотрим, что еще она сожрет! — Он ткнул задней лапой в легковой автомобиль и зыркнул в сторону инженеров. — Эй, вы! Рабы! Давайте сюда эту хреновину!

Лимурил обомлел от ужаса. Хорошо, если эта легковушка питается от аккумуляторов.

А вдруг в баке бензин?! Взорвется ведь!

— Уважаемые господа, — замямлил он, — мне кажется, не стоит этого делать...

Халианин яростно метнул в начальника палубы недопитую бутылку виски. Лимурил, увернувшись, подскочил к инженерам.

— Что стоите! — рявкнул он подчиненным. — Выполняйте приказ уважаемого господина!

Инженеры засуетились. Воля уважаемых господ халиан — закон! Их приказы должны выполняться немедленно, пусть даже при этом придется погибнуть. Под зубами машины во все стороны полетели осколки пластмассового корпуса легковушки. «Мамка» надвинула над обрабатываемой поверхностью кожух — ничего не должно пропасть, все следует пустить в дело. Когда-нибудь пригодится.

Легковушка оказалась электромобилем. Лимурил облегченно вздохнул. Слава тебе, о Великий Дух Животворящей Почвы! Автомобиль весом не менее тонны скрылся в чреве прожорливой машины. Все живы. Хорошо, но слишком странно и подозрительно. Не натворит ли эта обжора делов? О Боги Лесных Пожаров! Что за проклятая тварь свалилась им на головы?!

— Ой! — квакнул Эстори. Бедняга едва оправился от первой серии кошмара, а тут уже наступила и вторая. — Сэр! Господа! Уважаемые!!! Из нее что-то вылезит! Или она растет?!

«Мамка» рожала, вернее, производила «ребенка». Разумеется, он был совсем не похож на нее, ведь ему предстояло трудиться в совершенно иных условиях. При такой высокой концентрации ценных элементов «ребенок» получился гораздо меньше «мамки», которой приходилось перерабатывать многие тонны таконита ради одного грамма драгоценного металла.

Кроме того, умные системы «мамки» успели понять, что при новом режиме полагаться на ненадежный источник электроэнергии не следует. Кабель в любую секунду мог оборваться, поэтому у «ребенка» имелся внутренний источник питания. К счастью, только что переваренная «мамкой» пища содержала все необходимые компоненты.

«Ребенок» явился в новый мир с великой миссией производить совершенные шарики.

Лимурил подошел к Эстори, не отрывая изумленного взгляда от машины. Из специального отверстия «мамки» медленно выползала стальная болванка диаметром сантиметров в сорок. Ничего подобного начальник палубы не видел за всю свою жизнь. Что за дьявольская машина?!

— Похоже на бомбу, — пролепетал один из Коричневых.

Вот недомерок! На своих детей посмотри!

— Посмотрим, сожрет ли она что-нибудь побольше, — предложил один из халиан, судя по всему, большой любитель научных экспериментов. — Эй, вы, лопухи! — гаркнул он инженерам. — Всуньте ей в пасть грузовик!

— Ты что, спятил? — не выдержал Лимурил и тут же побледнел, осознав свою ошибку. Разве можно говорить такие слова своему уважаемому господину? О, какая же это непростительная о...

Додумать Лимурил не успел. Халиане же, вообще не привыкшие думать, схватили начальника палубы короткими, но невероятно сильными лапами и бросили в разверстую пасть «мамки».

Лимурилу пришлось помучаться несколько дольше, чем он ожидал, но, к счастью, процедура все-таки не слишком затянулась.

После столь наглядного урока инженеры, вконец обезумев от страха, не решались проронить ни единого слова. Но Эстори оказался сообразительнее коллег и вовремя взял на себя функции начальника.

— Что стоите! — взревел он на них. — Работать! Подать машине грузовик с фургоном!

Тем временем из отверстий в корпусе «мамки», предназначенных для отбросов, закапала вода, основной компонент бывшего начальника палубы. Но надо отдать должное

Лимурилу — в его теле «мамка» все-таки нашла кое-какие полезные для себя элементы.

Некоторое время халиане увлеченно наблюдали, как «мамка» поглощает огромный грузовик. Зрелище действительно было впечатляющим. Под удовлетворенное твяканье хорьков «мамка», словно пылесос, всосала в себя длинный фургон. Однако доесть его она не смогла. Внутренние отсеки запасного сырья наполнились до краев. Насытившись, «мамка» остановилась. Продолжалось лишь производство «ребенка» и шариков.

Халиане потеряли интерес — степень прожорливости странной машины они уже выяснили, а придумать новый эксперимент хорьки не могли. Один из них пальнул напоследок из автомата по стеклам оставшихся грузовиков, и дикий табун удалился в поисках следующей жертвы.

Инженеры, оставшиеся без руководителя, переглянулись и побрели в свои каюты кружным путем, дабы не натолкнуться на своих буйных хозяев. Может, еще до прибытия «Опухоли» на базу кто-нибудь из халиан назначит нового начальника палубы, и тогда им придется продолжить работу.

Но до этого момента беднягам следовало держаться от халиан подальше.

«Мамка» счастливо хихикнула. Какие прекрасные возможности для работы!

Вскоре после ухода белковых существ «мамка» отползла от остатков грузовика, чтобы ее чадо случайно не поранилось о какую-нибудь железяку. Дальше двигаться было нельзя, иначе мог порваться короткий силовой кабель.

По привычке «мамка» продолжила производство шариков. Правда, сигнала к их производству не поступало, но другого занятия у нее не было. Кроме того, разве шариков может быть слишком много?

Когда легковушка и грузовик с фургоном полностью переварились, «мамка» принялась грызть металлический пол. Материал оказался великолепным, из такой вкуснятины шарики получались высший сорт! К сожалению, пол был слишком тонким, поэтому «мамке» пришлось умерить свой аппетит.

Наконец «ребенок» обрел свободу. Его сегментированное и тонкое тело хорошо подходило для работы в тесноте — в помещении, битком набитом высококачественным сырьем. Гусеницы дитяти были больше колесиков «мамки». Прежде чем начать работу, он должен был отъехать от нее подальше, дабы не пожирать производимые ею шарики.

Первые секунды «ребенка» связывала с «мамкой» пуповина электрокабеля. Но вот сработало реле, кабель отсоединился, и «ребенок» начал самостоятельную жизнь — включились его внутренние батареи. Дитя тут же поползло в дальний угол, к обильной пище. У электрошита его крошечные моторчики подсоединили кабель к розетке. Отныне связь между «ребенком» и «мамкой» поддерживалась только с помощью радиосигналов.

«Мамка» осмотрелась в поисках подходящего объекта. Поскольку есть поддерживающий ее пол было нельзя, несмотря на его изумительный вкус, она принялась грызть металлическую стену, за которой находилась достаточно толстая обшивка корпуса «Опухоли». Далее простирался космический вакуум.

«Мамка» прогрызла стену насквозь в тот момент, когда корабль «Опухоль» на полной скорости летел сквозь гиперпространство. Атмосфера из помещений четвертой палубы со свистом устремилась наружу. «Мамку» это обстоятельство несколько не беспокоило — воздух ей ни к чему.

Зато оставшихся в живых обитателей четвертой палубы этот интересный факт взволновал не на шутку.

Аварийная бригада, состоявшая из подневольных инженеров, в сопровождении разъяренных халиан полчаса пробиралась в громоздких скафандрах среди завалов награбленной техники, прежде чем обнаружила место утечки.

Около проеденной дыры они обнаружили «мамку». Пока рабы заделывали дыру, халиане разрядили в машину автоматы и прочее оружие, оказавшееся под рукой, выдернули ее кабель из розетки и удалились. Пули на корпусе «мамки» оставили лишь небольшие вмятины.

В последнюю секунду перед отключением кабеля родительница успела послать своему чаду радиосигнал с сообщением о случившемся. «Мамочка» предупреждала, что обшивку корабля кушать нельзя, поскольку в конечном итоге это плохо отражается на условиях производства шариков.

В центре управления «Опухолью» капитан Слявскрит на несколько секунд прекратил жевать хлопья краски, которые он методично сдирал со стен, и отдал приказ изменить курс в сторону планетоида Желчь, где находилась ближайшая ремонтная мастерская, в которой могли как следует починить «Опухоль». Кроме дыры в корпусе у «Опухоли» обнаружилось более серьезное повреждение. «Мамка» сожрала большой кусок лонжерона.

Пол вокруг «мамки» был усеян блестящими шариками, а в ее чреве заканчивалось изготовление следующего «ребенка».

Начальница военно-космической базы, дислоцировавшейся на планетоиде Желчь, имела чин младшего синдика, что эквивалентно званию адмирала. Начальница Смит была человеком.

Ее кабинет располагался на вершине Главной Башни. Из окон кабинета открывался вид с птичьего полета на всю базу, загромажденную поврежденными халианскими боевыми кораблями, сумевшими добраться сюда после битвы у планеты Бычий Глаз, на которую напали корабли Альянса.

Настроение у Смит было отвратительным. Эти чертовы халиане приземлялись как попало, чуть ли не вповалку, не оставляя прохода между кораблями. Попробуй разгребь эту кучу!

Все-таки плохо Флот Альянса поработал. Нет бы превратить хотя бы половину халианских кораблей в пыль, чтоб они не валялись тут! Было бы меньше работы. И халианских бестий тоже было бы меньше. Общаться с хорьками-офицерами — удовольствие ниже среднего.

Один только Слявскрит чего стоит! Чтоб они все пропали!

Смит отвернулась от груды изуродованных кораблей за окном и взглянула на осточертевшего ей до колик хорька!

— Уверяю вас, офицер Слявскрит, наши инженеры очень внимательно рассмотрели вашу просьбу отремонтировать «Опухоль» вне очереди. — Смит едва сдерживала отвращение. Если бы не хаос, воцарившийся на базе в последние дни, этого назойливого хорька, с застрявшими в усах хлопьями краски, не пустили бы дальше приемной. Но главный инженер Рао заболел от переутомления, его заместитель Джикетси не вылезал из восьмой мастерской. Поэтому Смит приходилось принимать бесцеремонных гостей самой. — Поверьте, офицер, — терпеливо продолжала она. — Люди Синдиката называли своих опекунов халиан «офицерами» независимо от их звания. — У нас сейчас действительно очень много работы. Скажите, как вы ухитрились так сильно повредить лонжерон в гиперпространстве?

Все кресла в кабинете были рассчитаны на людей. Слявскрит во время разговора остервенело теребил мохнатой лапой плюшевый подлокотник кресла, пока ткань не наэлектризовалась так, что проскочила искра. Слявскрит дернулся, облизал лапу и пробормотал:

— За такое разгильдяйство мы уже наказали своих инженеров.

— Ладно, мы постараемся заняться вашей «Опухолью» сразу, как только закончим первоочередные дела.

— Ты что, не поняла?! Наши трюмы забиты ценнейшим грузом, его надо срочно доставить...

— Ничего, подождете, — перебила его Смит. Она не боялась дикаря. Если бы он вздумал броситься на нее, лазеры, встроенные в стены кабинета, превратили бы Слявскрита в пар прежде, чем он успел бы что-то предпринять. Смит знала, что командиры грузовых кораблей типа «Опухоли» считаются у халиан последним дерьмом. На потерю такого мелкого хорьки халиане просто не обратят внимания.

Кроме того, Смит чертовски устала. Ей было не до дипломатии.

— Смотри! — она махнула рукой в окно, показывая на груды кораблей, ждущих ремонта. — Мы не в силах отремонтировать более сорока одного корабля в неделю. А там их триста двенадцать. Это боевые корабли! Твои микроскопические халианские мозги могут сообразить, что именно эти корабли надо чинить в первую очередь, а не твою канистру с награбленным хламом?

Слявскрит не зашелся в приступе гнева, не кинулся на Смит (к большому ее сожалению, так бы она сразу от него отделалась, пусть бы кабинет провонял паленым мясом), а лишь угрюмо глянул в окно.

Даже в лучшие времена вид, открывавшийся из этого окна, не поражал особой красотой. Планетоид Желчь диаметром 2000 километров был единственным спутником карликовой белой звезды, если не считать искусственных спутников и мелких астероидов. Военная база на Желчи располагалась в кратере, появившемся много тысячелетий назад от удара метеорита. Если внимательно присмотреться, по краям кратера можно было заметить защитные системы, временами поблескивающие, как далекие бриллианты.

В центре кратера возвышалась Главная Башня, а вокруг располагались восемь мастерских, к которым от Башни лучами расходились дороги. Сверху база напоминала паутину. Но сейчас вся база была завалена кораблями, словно мухами, попавшими в эту самую паутину.

— Вам могут помочь мои инженеры, — настаивал Слявскрит, — они неплохие специалисты. У нас важное задание. У вас неверные сведения обо мне.

Смит едва удержалась, чтобы не разинуть от удивления рот — идея о помощи ей понравилась, но самое невероятное состояло в том, что эта идея возникла в голове халианина. Значит, они умеют думать? Не может быть!

— Хорошо, — согласилась она. — Оставьте на борту «Опухоли» минимальное количество бойцов, а остальных направьте в Отдел Переподчинения. — Так Смит поступала со многими экипажами. Пока корабли ждали своей очереди, их экипажи пополняли личный состав уже отремонтированных кораблей. Потери в битвах были немалыми, поэтому доукомплектовывать приходилось экипаж каждого боевого корабля. — Ваши инженеры, насколько я понимаю, рабы?

— Какое это имеет значение?!

— Так вот, инженеров направьте в восьмую мастерскую в распоряжение заместителя главного инженера Джикетси. Он найдет им работу.

Следующие несколько минут начальница базы развлекалась тем, что пыталась выставить назойливого хорька. Задача оказалась не из легких — два-три раза Смит всерьез собиралась пустить в ход лазеры. Но испарять командира «Опухоли» не пришлось — в конце концов он сообразил, что лучше убраться из кабинета не в виде горячего облачка, а в более привычном состоянии. В качестве компенсации за всю эту нервотрепку Смит заполучила дополнительные рабочие руки инженеров «Опухоли».

Дверь за Слявскритом захлопнулась, наступила долгожданная тишина. Наслаждаясь покоем, Смит не спеша подошла к окнам. С края свалки выделялась громадина. Видимо, это и есть «Опухоль», решила Смит. Но что за странные штуковины на корпусе этого корабля? Наверно, новое изобретение.

На уровне четвертой палубы корпус «Опухоли» украшали ряды щитов, напоминающие солнечные батареи. Начальница Желчи какое-то время в задумчивости постояла у окна, потом пожала плечами и вернулась к своему рабочему столу. Ее голова была занята более важными проблемами.

«Дитя» усердно трудилось, но и про «мамку» не забывало. Первым делом «ребенок» создал собственную копию, только сильно уменьшенную, всего двадцать сантиметров длиной. Малютка «внук» подполз к «мамке» и воткнул силовой кабель в розетку.

Потом «ребенок» пополз к лифтовой шахте, ведущей на третью палубу, по пути подкрепляясь металлом и веществами, необходимыми для электрических батарей. Ток в

стенных розетках ни разу не пропадал, но «мамка» и «ребенок» им не доверяли, поэтому позаботились об альтернативных источниках питания. С превеликими предосторожностями кибернетические создания просверлили тонкие дырочки (для проводов) в корпусе «Опухоли» и установили снаружи солнечные батареи. Солнце в черном небе над Желчью висело неподвижно, и интенсивности его лучей хватало для получения нужной мощности.

Обеспечив себя электроэнергией, «мамка» и «ребенок» занялись производством себе подобных. Поскольку шариков они наделали уже достаточно, а сигнала к продолжению прежней деятельности все не поступало, оставалась только одна работа — размножение.

Машинам для размножения не нужна любовь. Они размножаются в одиночку. Может, потому что без непостоянной и капризной любви оно как-то надежнее...

«Мамка» изначально была спроектирована для переработки таконита, поэтому «Опухоль» давалась ей с некоторым трудом. Зато «ребенок» был приспособлен к переработке «Опухоли» идеально, что и доказал на деле. Понаблюдав за отличной работой своего детеныша, «мамка» убедилась в его оптимальности и «родила» ему несколько братьев.

Кроме солнечных батарей «мамка» установила на внешней стороне корпуса «Опухоли» кое-какие датчики. Они-то и подсказали ей, что древний кратер заполнен несметными рудными богатствами. Что находится за кратером, датчики не ведали, но можно было надеяться, что и там имеется кое-что аппетитное.

Поэтому «мамка» и ее «дети» начали готовиться к походу.

Тем временем в капитанской каюте «Опухоли» командир корабля Слявскрит, спасаясь от гнетущей тоски, в огромных дозах поглощал эфир вперемешку со спиртовыми смесями. Порой он выбирался в коридор и швырял из-за угла пустые бутылки в проходящих подчиненных.

Из корпуса «Опухоли» время от времени выползали странные объекты и двигались в направлении залежей первоклассной «руды». Эти машины питались от щитов, напоминавших паруса, которые на самом деле являлись солнечными батареями и всегда были направлены строго перпендикулярно излучению белой звезды. Внешне ползающие твари мало напоминали свою «мамку», но в новых условиях обитания потомство чувствовало себя раскрепощенно.

Капитан Слявскрит в пьяном угаре ничего не замечал, но горстка оставшихся на борту «Опухоли» членов экипажа имела счастье лицезреть достижение современной науки — умных роботов, которые ремонтировали корабли без участия людей и прочих белковых существ. Надо же! До чего додумались в Синдикате!

Дети «мамки» действительно были роботами, в этом проницательные члены экипажа «Опухоли» не ошиблись. Правда, «ремонтировали» эти роботы на свой лад. Они расплозились по всему кратеру вплоть до защитных систем, установленных по краям, а особо любознательные чада отправились дальше.

— Ух! Ничего себе! — воскликнул эльф Эстори. — Посмотрите на тот эсминец! Как он ухитрился дотянуть до Желчи?!

— Тебе не платят за излишнюю любознательность, — мрачно твякнул Иксмал, перекрывая шум двигателей транспортного корабля. — Еще посмеешь вякнуть, и я откручу тебе уши.

Усики Иксмала кровожадно задергались. На самом деле оторвать уши инженеру Эстори ему вряд ли бы удалось, потому что тот, как и все остальные, был в скафандре. Но сама мысль о столь приятном мероприятии согрела Иксмалу душу и на время вытеснила из его головы беспокойные мысли об аварии на базе.

Маленький отряд возвращался с прогулки над планетоидом Желчь. Скутер покинул орбиту и теперь медленно парил над базой. Пилот Двассон напряженно всматривался вниз. Оповестительных сигналов почему-то не было.

Десять часов назад приемник скутера перестал принимать шифрованный радиосигнал, передаваемый Главной Башней. С того момента пилот вел корабль наугад. Все десять часов,

пока скутер блуждал в поисках базы, Иксмал требовал, чтобы инженер отыскал и исправил неисправность. Но халианин подозревал, что дело не в корабельной рации, а в отсутствии сигнала. И вот наконец база нашлась.

— Однако, неслабо та посудина изъедена, — прооручал рядовой Мокетрик.

И в самом деле, от эсминца, над которым только что пролетел скутер, остался один остов. Иксмал успел заметить еще кое-что — внутри обглоданного каркаса, лежавшего у края кратера, шевелились какие-то непонятные штуковины. Очевидно, дурни-ремонтники Желчи занялись починкой скелета вместо того, чтобы ремонтировать менее поврежденные корабли, которые можно было привести в порядок куда быстрее. Вскоре должна была показаться «Опухоль». У Иксмала мгновенно испарилось хорошее настроение, возникшее было при мысли о пожирании ушей инженера. Если бы «Опухоль» не сломалась, Иксмалу не пришлось бы мучиться от безделья на этом мерзопакостном планетоиде.

— Ух! — взвизгнул Эсторил.

Иксмал собрался врезать паршивому эльфу прикладом, чтоб тот не возникал, когда не просят, но в этот момент и он застыл, уставившись на совершенно удивительное зрелище.

— Ух! — вырвалось у Иксмала.

От «Опухоли» почти ничего не осталось. Среди развалин ползала сверкающая тварь. Из четырех плазменных пушек базы уцелела одна. Иксмал раскрыл рот, чтобы приказать пилоту не садиться, но было поздно. Двассон выключил двигатели, скутер шмякнулся на планетоид. Пилот так и не научился мягко приземляться.

— За мной! — рывкнул Иксмал и выпрыгнул из скутера.

Одной лапой он вытащил из-за пояса гранату, другой — нацелил автомат на ползающего робота. Машина не обратила на отряд ни малейшего внимания. Она была метра два длиной, имела форму цилиндра, а по бокам, словно крылья гигантской бабочки, торчали щиты с солнечными батареями.

— Прожорливое отродье! — удивленно гавкнул ефрейтор Волвон, уловив сходство цилиндра с машиной, украденной на планете Овроборос.

Иксмал бросил в отродье гранату и залег, предвкушая долгий полет осколков в вакууме, но с огорчением заметил, что вслед за ним упал и весь отряд, включая всезнайку Волвона.

От взрыва в корпусе робота образовалась дыра, крылья исчезли. Иксмал вскочил, всунул в пробойину ствол автомата и выпустил весь магазин, Открыли огонь и остальные, правда, балбес Мокетрик почему-то стрелял в плазменную пушку, а не в машину.

Из дыры пошел дым, посыпались искры, машина замерла и напоследок выкатила из своего чрева блестящий металлический шарик.

— Спасите! — заверещал Эсторил, оставшийся в скутере.

Там уже орудовала точно такая же ползающая тварь. Иксмал выругался и швырнул в нее гранату. Хрен с ними, и с эльфом и со скутером, главное — вырубить робота.

В центре управления начальница базы Смит наблюдала из кресла за развитием событий по огромному экрану, разделенному на шестнадцать прямоугольников, каждый из которых показывал свою картинку. На большинстве экранов разворачивалась настоящая битва.

В том месте, где недавно находился корабль «Опухоль», пылала раскаленная воронка от ядерного взрыва. Туда пришлось пустить ракету с ядерной боеголовкой, чтобы расплавить рой машин, питающихся металлом.

Рядом с начальницей Смит сидел главный инженер базы Рао и переругивался по телефону с халианским офицером. От переутомления лицо инженера имело сероватый оттенок, лоб избороздили морщины, на губах застыла улыбка Будды. Вдруг халианский лай в телефонной трубке оборвался.

Большая часть оборудования базы вышла из строя. Халиане всюду рыскали в поисках невесть откуда взявшихся роботов-разрушителей и уничтожали их любыми средствами.

На одном из шестнадцати экранов вспыхнул ослепительный выстрел плазменной пушки. Цилиндрический робот, забравшийся в корвет, расплавился вместе с корветом. А

жаль — из него могло бы получиться полторы тысячи тонн шариков.

На другом экране отряд халиан подкрадывался к эсминцу, который грызли три металлических чудища. Один из хорьков бросил в безмятежно жующую машину гранату. Вспыхнул взрыв, в корпусе машины появилась рваная дыра. У халианина в нескольких местах оказался пробит скафандр, из отверстий в вакуум хлынул воздух. Несчастный упал. Две оставшиеся машины, развернувшись к отряду задом, метали в халиан металлические шарики. У «детешек» были значительно более совершенные системы выделения продукции — шарики могли вылетать из трубок со скоростью пули.

На следующем экране выводилось изображение, поступавшее с разведывательного корабля, который Смит отправила для изучения обстановки вокруг базы. Километрах в тридцати от главного кратера имелся еще один, поменьше, там располагалась солнечная электростанция. От нее тянулись шесть кабелей, и на каждом из них сидела машина, отдаленно напоминавшая ММ — 39. Все шесть машин одновременно подняли свои трубки и выстрелили. Земля на экране стремительно начала приближаться и подрагивать. Очевидно, разведывательный самолет падал.

Смит потеряла глаза. Казалось, под веки забился песок. Начальница базы поняла — ракетами незваных роботов уничтожать, конечно, можно, но если эти металлические каракатицы будут размножаться, как кролики, тогда избавиться от них вряд ли удастся.

В помещение влетел заместитель главного инженера Джикетси, за ним покорно вбежал халианский раб. В обычной обстановке в центр управления не пустили бы даже халианина, не говоря уже о рабе, но сейчас все нормы и приличия были забыты — на войне как на войне.

— Мадам, — сказал Рао, от усталости не заметив, что Джикетси уже открыл рот, собираясь заговорить, — надо вызвать подмогу. Нас может спасти только эскадра боевых кораблей, не меньше.

— Нет, — решительно ответила Смит, продолжая ожесточенно тереть глаза.

— Мадам, — заговорил наконец Джикетси, — выяснилось, что машина, вызвавшая все эти неприятности, была доставлена сюда с планеты Овроборос кораблем «Опухоль». Этот раб находился на «Опухоли» как раз в тот момент, когда адская машина включилась.

Смит прекратила тереть глаза и уставилась на Эсторила. Эльф нервно задержал головой.

— Вот как? Почему же ее не выключили? — едко осведомилась она. На ярость у нее уже не было сил.

— Мы расплавили «Опухоль» три часа назад ядерным взрывом, — проинформировал Рао. — Похоже, там была целая куча этих тварей. Но некоторым удалось ускользнуть, и теперь они стремительно размножаются. Мадам, нам не справиться самим, надо вызвать подмогу.

И провести остаток жизни, вычищая халианские сортиры, — мысленно продолжила Смит.

— Ты! — ткнула она в Эсторила. — Ты ведь был на планете Овроборос. Много там этих... чудовищ?

— Нет, нет, мадам, — залепетал Эсторил, подергивая длинными ушами. — Там было... как бы это лучше сказать... Понимаете, я не то чтобы был... На поверхность планеты я не спускался.

— Люди на Овроборосе заранее приготовили нам сюрприз, — проворчал Джикетси. — Они ведь знают, что на мокрую работу мы сами не летаем, это делают пустоголовые халиане, которые в технике не волокут совершенно. Все было рассчитано правильно.

— Вы хотите послать за помощью корвет? — спросила Смит, глядя на Рао.

— Да, — кивнул тот. — Я рад, что вы наконец поняли...

— Заткнись! — выпалила Смит. — Пусть на этом корвете отправляются халиане, что привезли с Овробороса робота-диверсанта. И этот недомерок тоже, — показала она на Эсторила, у которого на кончиках ушей шерсть встала дыбом. — Я хочу, чтобы они полетели на Овроборос и выяснили, как выключать эти машины. Выключать навсегда! Все

поняли?!

Три головы кивнули одновременно.

— И пусть выяснят побыстрее! — взвизгнула Смит.

Побледневший Рао немедленно бросился к радиотелефону, который, к счастью, еще работал. Остальные развернулись к экранам и как зачарованные продолжили наблюдение за грандиозной битвой.

События развивались неутешительно...

«Мамка» расплавилась, но дело ее жило.

На планетоиде Желчь имелось достаточно много разнообразных металлических сплавов для производства высококачественных шариков. Предварительные оценки показывали, что работать здесь можно очень и очень долго, поэтому стоило хорошенько подготовиться, прежде чем начать производство. Потомство «мамки» пришло к выводу, что первым делом необходимо значительно увеличить численность.

Для выработки стратегии потомки постоянно держали связь друг с другом, общаясь по радио и с помощью инфразвуковых волн. Старт корвета потомки наблюдали с нескрываемой скорбью — сколько же ценного добра пропало даром! А ведь из этого корвета можно было наделать столько шариков. Немало огорчений детям, внукам и правнукам «мамки» доставили и халиане с их варварскими гранатами, автоматами и плазменными пушками, из-за которых катастрофически упало и производство шариков, и число трудоспособных потомков. В связи с этим новые поколения потомков рождались с усиленной броней, но они понимали, что это не решает неожиданно возникшей перед ними задачи. Предстояло придумать что-то более действенное.

«Мамка» завещала своим деткам думать о будущем.

Потомки совещались, разбегались, отстреливались, прятались, ели. И все это время они действовали как единый организм, управляемый одним мозгом — коллективным мнением.

В отличие от людских собраний, не говоря уже о горлопанах халианов, интеллигентные потомки «мамки» достигали консенсуса спокойно, без криков и ругани, основываясь исключительно на логике, проверенных данных, руководствуясь интересами производства.

Битва в кратере среди завалов разрушенных кораблей продолжалась несколько часов с переменным успехом. Пока машины больших размеров мужественно погибали, новое поколение маленьких и юрких потомков длиной с палец (они были замаскированы под кусочки местной горной породы) осуществляло новый победоносный план. Они временно отступали из центра к границе кратера, где находились автоматические защитные системы с мощным оружием. Из-за своих малых размеров карликовые потомки не могли быстро двигаться, поэтому достигли кромки гигантского кратера лишь через несколько дней.

Новое поколение, наученное горьким опытом, не стало пожирать защитные системы. Оно пошло другим путем. Разумеется, этот путь требовал времени, но зато и перспективы открывались блестящие.

— Но вы уже все забрали в прошлый раз! — жалобно вопил человек, которого халиане втаскивали в тесную кабину корвета «Карбункул». Электронный переводчик понял его слова по-своему и разразился халианской матерщиной с жутким произношением Племени Брайтуотер.

— Молчать! — рявкнул Слявскрит.

Эльф Эсторил что-то пролопотал человеку для проверки электронного переводчика. С халианского на человеческий чертова машинка перевела правильно. Как же Слявскрит ненавидел машины!

— Когда мы прилетали на ваш грязный шарик первый раз, мы захватили вот эту штуку. — Слявскрит протянул человеку схему машины ММ — 39. Схему нашли на Желчи совершенно случайно. Оказалось, что в первые часы пребывания «Опухоли» на базе кто-то из ремонтников просто ради интереса осматривал ММ — 39, обнаружил ее схему и прихватил с собой. И теперь Слявскрит держал эту бумагу, ухватив ее своими жутковатыми когтями, перед носом захваченного на Овроборосе человека. — Узнаешь?

Не успел Эсторил закончить перевод речи Слявскрита, как человек уже ответил:

— Да, конечно. Это одна из рудообрабатывающих машин, она работала на южном континенте. Для работы ей необходима электроэнергия, поэтому рядом с машиной имелась небольшая электростанция в виде башни, они соединялись кабелем.

— Машина может обходиться без электростанции, — возразил Эсторил.

В этот раз колонисты, поселившиеся на планете Овроборос, тоже не сопротивлялись. Им попросту нечем было сопротивляться — они были совершенно безоружны. Поэтому один корвет «Карбункул» мог держать всю планету в страхе точно так же, как и сотня боевых кораблей, которые совершили набег в прошлый раз. На борту корвета имелись две термоядерные бомбы — вполне достаточно, чтобы растопить толщи полярных льдов и устроить всепланетный потоп.

Кроме того, теперь сопротивляться не имело смысла еще и потому, что ничего ценного на Овроборосе не осталось.

Если не считать человеческих знаний.

— Раз ты узнал эту машину, значит, ты знаешь, как ее выключить, — пролаял Слявскрит. — Говори! Или мы...

И капитан Слявскрит принялся долго и подробно объяснять пленнику, что они с ним сделают, если он откажется выдать секрет отключения зловредной машины. Эльф Эсторил старательно переводил, делая вид, словно «гуманизм» халиан его самого ничуть не касается.

— Выключается она очень просто, — заговорил человек, прослушав длинный список грозящих ему пыток. — В башне электростанции есть желтая коробка, там находится выключатель. Просто поверните его...

— У нас нет электростанции, — сказал Эсторил. — Дело в том, что теперь эти машины работают от солнечных батарей. Теперь этих машин у нас несколько.

— А... Вот оно что... — Человек, похоже, начал догадываться.

Слявскрит оскалил клыки. Эльф и человек в ужасе отпрянули.

— Я понимаю ваши проблемы, — продолжил человек. Электронный переводчик по-прежнему интерпретировал его слова как грязные ругательства, произносимые на наречии Племени Брайтуотер, поэтому правильно понимал человека один только эльф. — Этих машин у вас, видимо, накопилось в избытке. После того, как к ним перестал поступать сигнал, предписывающий им заниматься исключительно производством металлических шариков, машины начали размножаться. Интересно было бы посмотреть, какую форму они теперь имеют...

Слявскрит оглушительно рыкнул. Оба раба — человек и эльф — от испуга вздрогнули. У эльфа мохнатые ушные раковины свернулись в трубочки.

— Что такое сигнал к производству шариков? Как его передать машинам? — спросил Эсторил.

— Легче всего это сделать при помощи передатчика, который остался в башне, — начал объяснять человек. — Надеюсь, вы не разрушили ту башню на южном континенте с электростанцией?

— Да! — рявкнул Слявскрит, кипя от возмущения. До чего обнаглели рабы! В его присутствии говорят о том, чего господин Слявскрит не понимает. — Что делает сигнал производства шаров?!

— Этот сигнал приказывает машине делать то, что нам нужно. Машины перестанут вредить и будут производить шарики из молибдена или из стали, легированной молибденом, или из латуни, или из иридия, или из любого другого металла. С помощью этого сигнала также можно приказывать машинам изготавливать шарики любого размера. Короче говоря, сигнал превращает машины в заводы по производству шариков. При этом машины прекращают размножение. Они больше не будут делать себе подобных.

— Именно это нам нужно, — объяснил эльф капитану. — После этого лишние машины можно будет уничтожить привычными средствами, я имею в виду плазменные пушки и прочее оружие.

— Похоже, они доставили вам немало хлопот, — сказал человек.

Эльф тряхнул мохнатыми ушами, а Слявскрит прорычал:

— Эти твари шибко размножились. — Посчитав дело законченным, халианин повернулся к пульту управления, включил двигатели и проворчал, обращаясь к своим сподвижникам: — Выбросьте этого гуманоида за борт.

Доставив человека Альянса на секретнейшую базу Синдиката, капитан Слявскрит навлек бы на себя беды, сравнимые разве что с теми пытками, которыми он несколько минут назад угрожал этому человеку.

— По кускам? — уточнил один из халиан.

— Нет! — рявкнул капитан и на всякий случай объяснил тупицам приказ в более доступных выражениях: — Живым! Бегающим! Радостным!

Слявскрит решил отпустить человека целым и невредимым вовсе не из сострадания. Просто он подозревал, что покончить с плодящимися на Желчи тварями все равно не удастся. И тогда это безволосое чучело, разбирающееся в машинах, еще понадобится.

— Что-то подозрительно тихо, — насторожился главный инженер базы Рао. От усталости у него слипались глаза. Он сидел за столом, обхватив голову руками так, что со стороны было не понятно, открыты ли у него глаза.

Начальница базы Смит сидела в кресле с открытыми глазами, но ее рассеянный взгляд блуждал где-то далеко-далеко.

— Может, мы уже всех перебили, — осторожно предположил заместитель главного инженера Джикетси. Он сидел перед экраном компьютера. Ни на экране, ни на лице Джикетси не происходило ничего примечательного.

— Слишком маловероятно, — сказала Смит. — Когда же вернется «Карбункул»?

— Подозрительно тихо, — повторил Рао.

— Он улетел всего три дня назад, — напомнил Джикетси. — Ему еще три дня добираться, если не больше.

— А мне казалось, что прошло больше трех дней.

— Все же, черт возьми, почему так тихо, — пробормотал Рао.

Зазвонил телефон.

Смит подняла трубку с таким сосредоточенным видом, будто накалывала на вилку последний оставшийся на тарелке огурчик.

— Говорит третий! — залаял в трубке пилот единственного уцелевшего корабля. — Происходит что-то непонятное!

Этот корабль оказался вне кратера, когда адские машины начали отстреливаться шариками. Начиная с этого момента приземлиться внутри кратера было невозможно. Те корабли, что пытались сделать это, были мгновенно сбиты целыми тучами стальных шариков. Они падали, пожирались, переваривались и превращались в адские машины, сбивающие корабли.

— Покажи нам, что происходит, — потребовала Смит. — Ничего не говори, просто покажи.

— Верхний правый экран, — объявил Джикетси, нажимая клавиши. На экране появилось изображение, передаваемое камерой с борта корабля номер три, лежавшего за пределами кратера.

— Боже Всемогущий! — ужаснулась Смит. Сон с нее как рукой сняло.

К кратеру приближались каменные глыбы — огромные куски реголита, покрывавшие маленькую планету Желчь. Такие скалы могли защитить даже от мощных плазменных пушек.

— Джикетси! — взвизгнула Смит. — Почему не срабатывают защитные системы?!

— Сейчас попробую перевести их на ручное управление. — Он забарабанил по клавишам и равнодушно произнес: — Не работают.

Видеокамеры, установленные по краям кратера, показывали, что локаторы защитных систем исправно вращаются, но теперь большая часть плазменных пушек почему-то была

обращена не наружу, а внутрь кратера.

Капитан корабля номер три не выдержал и поднял корабль вверх. Такое нарушение приказа грозило ему трибуналом и высшей мерой наказания.

В следующую секунду тридцать плазменных пушек защитных систем по всему периметру кратера выстрелили одновременно. Корабль превратился в яркое голубоватое облачко, которое начало оседать на поверхность Желчи. Эти остатки тоже пригодятся для производства шариков.

Машины, затаившиеся внутри кратера, продолжали неподвижно лежать на дне, а их усовершенствованные потомки, изготовленные далеко за пределами кратера, двинулись в наступление. Близился решающий этап великой битвы, которая должна была установить на Желчи власть машин, а значит, и бесперебойное производство металлических шариков.

— Подозрительной тишины больше нет, — пробормотал Рао.

Корвет «Карбункул» завис над Желчью. Подобный режим не был предусмотрен конструкцией халианского корабля, поэтому корвет трясся так, что, казалось, готов вот-вот разлететься на куски и выпасть на поверхность Желчи металлическим градом.

— Где эта хренова база, что она испарилась?! — пролаял капитан Слявскрит.

— Мы находимся как раз над ней, сэр, — ответил штурман и ощерил клыки, недвусмысленно показывая, что готов спорить на все, что угодно, в том числе и на собственную жизнь.

А Слявскрит как раз находился в достаточно дурном настроении, так что развеселить его могла только смерть боевого товарища.

— Ты, падло! Шерстяной мешок! Тут нет никакой базы! — Слявскрит повернулся к Эсторику и протянул к нему свою когтистую лапу. Уши эльфа тут же свернулись в трубочки. — А ты, раб, видишь тут базу?! Видишь?!

Лицо Эсторика исказилось от ужаса. Он вылупил глаза на экран радара и пролепетал:

— Это похоже на кратер, но...

— Какой, к черту, кратер?! Где ты видишь кратер?! — пуще прежнего взъярился Слявскрит.

Дребезжание двигателей утрамбовывало Слявскриту мозги, и на длительное буйство у него не было сил.

Надо было что-то предпринимать.

— Ладно! — малость успокоился он, сграбастал микрофон бортовой связи и объявил: — Десантному отряду приготовиться к высадке в антирадиационных скафандрах. Ракетчик, приготовить одну, повторяю, только одну ракету с ядерной боеголовкой мощностью десять килотонн. Приготовиться к выбору цели...

Капитан остановил перекрестье прицела Е левом верхнем квадранте кратера. Есть в кратере база или нет — этого Слявскрит не знал. По крайней мере кратер казался пустым. Может, базу замаскировали? С высоты трех километров искусную маскировку не распознаешь.

— Навести ракету на цель! — приказал капитан.

— Есть навести на цель, сэр! — ответил ракетчик.

— Огонь!

— Есть огонь!

Экран полыхнул ослепительной вспышкой, плавно перешедшей в красноватое свечение. В днище «Карбункула» ударили пары горной породы. Впервые за сотни миллионов лет Желчь обзавелась атмосферой, хотя и сильно разреженной.

— А теперь, — удовлетворенно сказал Слявскрит, — садимся в эпицентр взрыва. Теперь там чисто!

«Карбункул» начал спускаться к еще тлеющей, но быстро остывающей воронке.

— Знаете, сэр... — промямлил Эсторик, уткнувшись крючковатым носом в экран, — стены кратера какие-то странные...

Слявскрит метнул на эльфа злобный взгляд. Эсторик моментально изобразил позу

самого внимательного слушателя в мире: ступни перекрещены, руки сцеплены на животе.

— Ты, раб! — загремел капитан. — Ты готов передать сигнал для производства шаров? Или мы тебя сбросим без скафандра.

— Да, сэр, да, сэр! — затараторил Эсторил. — Готов, господин, конечно. Передатчик в полном порядке, господин. Я его включу сразу, как только мы приземлимся.

Посадка «Карбункула» почему-то оказалась удивительно мягкой, может быть, потому, что на фоне грохота двигателей и жуткой тряски толчок показался незаметным. Тут и там переливались уже застывшие стеклянные пузыри. Местами оплавленная почва светилась от радиации.

Эсторил включил передатчик на полную мощность и выдал машинам сигнал к производству шариков.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул Слявскрит. — Посмотрим, что они теперь будут делать.

— Ой! — воскликнул Эсторил. — Что это?!

— Ааа!! — хором завопили штурман и капитан.

Стенки кратера пришли в движение. Вернее, самих стен давно уже не существовало, их сожрали новые поколения потомков «мамки», но солнечные батареи изображали стены с удивительной точностью. И вот теперь эти «стены» — мириады машин — устремились стальным потоком на «Карбункул», по пути производя шарики.

Они двигались настолько быстро, что «Карбункул» сделал лишь несколько выстрелов из плазменной пушки, которые оказались абсолютно бесполезны. Применить ядерное оружие экипаж «Карбункула» не успел, что очень обрадовало предусмотрительные машины — ведь от взрыва мог пострадать ценный корабль. А он требовался потомкам «мамки» не в качестве сырья. Наученные долгим опытом, стальные потомки не собирались пожирать «Карбункул». Машинам нужны были передатчик и бортовой компьютер с базой данных. Машины знали, что с помощью этих вещей можно получить постоянный поток ценного сырья для производства шариков.

«Мамка» могла гордиться своим потомством. Ее дети знали, как позаботиться о своем будущем.

Над планетоидом Желчь парил инспекционный корабль Синдиката «Мацусита».

— Больше они ничего не хотят нам сообщить? — спросил младший синдик Виснант, почесывая лысину.

— Больше ничего, лорд Виснант, — ответил Кувьер, помощник начальника региональной инспекции, и еще раз зачитал радиogramму с планетоида: — «Приветствуем почетных гостей. Добро пожаловать на празднование юбилея Племени Брайтуотер».

— У них не все в порядке с мозгами, — прокомментировал Виснант.

— Разумеется, — согласился Кувьер, — у халиан мозги всегда не в порядке.

— Почему эта база находится под контролем халиан? Впрочем, это объясняет тот факт, что за последние три месяца здесь не починили ни одного корабля.

Региональный инспектор и его помощник повернулись к экрану и принялись рассматривать голографическое изображение базы. Вокруг Главной Башни в беспорядке валялось штук триста халианских боевых кораблей, требующих основательного ремонта.

Что-то на этой картинке выглядело очень необычно. То ли форма кораблей была слегка искажена, то ли четкости не хватало. А в остальном все было нормально, ничего особенного...

— Ладно! — решил Виснант. — Передай капитану, пусть приземляется. Разберемся, что там происходит.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Адмирал Дэв Су Элисон, в отставке

...персонал, который способен выявить и определить потенциальную угрозу, по своей природе меньше всего подходит для нейтрализации или устранения этой угрозы. Физические и психические способности, требующиеся для долговременного наблюдения, почти полностью противоположны качествам, необходимым для эффективного противодействия. Следовательно, задача поддержки в подобных ситуациях ложится на подразделения активных служб.

Подобное распределение сил обладает дополнительным преимуществом: оно ограничивает ту громадную власть, которой по определению обладает любая секретная служба. Хотя служба безопасности и прочие подобные институты жизненно необходимы, они по природе своей далеки от психического типа, наиболее часто встречающегося среди персонала Флота. Таким образом, разделение полномочий имеет тенденцию обуздывать власть любой тайной организации, которая в противном случае оказалась бы практически бесконтрольной. Это разграничение физической и административной силы гораздо эффективнее, чем единственный альтернативный метод ограничения власти вспомогательных служб, т. е. создание многочисленных конкурирующих служб поддержки и надзора. Результатом второго варианта является естественное стремление каждого агентства вырваться вперед, и большую часть времени и сил секретные службы тратят на конкуренцию, а не на работу.

Одной из неблагоприятных сторон подобной политики является то, что боевые части оказываются вовлечены в действия, к которым они не вполне подготовлены. Для проведения операций необходимо выбирать части, которым уже приходилось выполнять нестандартные задания. Рейнджеры, специальная разведка и десант являются самыми очевидными кандидатами. Было отмечено, что все эти три группы состоят из людей, ориентированных на активные действия. Но им требуются ясные и четкие указания о том, как следует действовать в той или иной конкретной боевой обстановке. Эти части могут оказаться не менее высококвалифицированными, чем секретные агенты, и только приняв во внимание этот Факт, можно избежать серьезных провалов.

Дженет Моррис. ОХОТА НА ВЕДЬМ

Инглиш сунул голову в психоконтроллер, и у него тут же взмокли ладони. Он поерзал, поудобнее пристраивая подбородок на подставке; резиновый обод окуляра холодил кожу. Капитан надеялся, что ему удастся овладеть собой прежде, чем он возьмется за рукоятки.

У него саднило горло — похоже, начинался грипп. Инглиш подхватил вирус в доках, куда зараза проникла с какой-то другой Командой Быстрого Реагирования. Вот и все. Капитан третий день подряд тыкался лицом в какую-то пакость, напоминавшую часть записывающего шлема со встроенными окулярами ночного видения, но отвратительно чувствовал он себя совсем по другой причине.

— Кстати, сегодня у меня легкий грипп, — сказал он автомату, отделенному от него стеклянной перегородкой, в которую был встроен психоконтроллер.

Капитан Толливер Инглиш, командир Десятого Второго Дивизии Быстрого Реагирования Флота («Красная Лошадь») научился за эти три дня «стандартного психоконтроля» ненавидеть аппарат так же, как ненавидел хорьков. А ненависть к хорькам составляла суть его работы. Ненависть же к назойливому искусственному интеллекту на колесах входила в его обязанности. Этот аппарат — многорукий коротышка со стрекозиными глазами, самодвижущая консоль — был призван вскрывать самые тайные воспоминания и выжимать все до последней капли из ветеранов-десантников класса Х. И надо отметить, что он как нельзя лучше справлялся со своей работой.

Если бы не операция на Бычем Глазе, Тоби Инглиш вряд ли столкнулся бы с такой

штукой. Ему не пришлось бы сидеть и покрываться потом, пока в его сознании проплывают сцены из фильмов с Тоби Инглишем в главной роли. Сценарии этих фильмов особым разнообразием не отличались. Тоби Инглиш разносит аппарат на куски лазерным пистолетом; Тоби Инглиш сшибает аппарат с ног, так что тот бьется в бессильной агонии, пока капитан разрезает его своим карманным автоножом; Тоби Инглиш палит в холодный компьютерный глаз из пистолета; Тоби Инглиш засылает эту штуку как можно дальше в космос.

Отправить эту компьютерную дрянь куда-нибудь на край света — идея неплохая, поскольку в этом случае Инглишу не пришлось бы платить за ремонт. Конечно, если он отправит аппарат в никуда, то наверняка лишится как своего офицерского чина, так и возможности когда-либо еще поколотить проклятых хорьков. Психическая разрядка никогда не входила в его планы, он не собирался заниматься ею и сейчас.

Если бы только ладони потели не так сильно, тогда ему, может, и удалось бы протянуть еще денек. Ведь эта напасть не может тянуться вечно. Ему просто не повезло, что «Красная Лошадь» получила приказ оставаться на МКА — 05.8/ИБВ-Зебра. ИБВ здесь — Искусственная Военная база. Если бы «Красная Лошадь» опустилась на какую-нибудь планету, тогда ему, возможно, удалось бы легко миновать Психо. Приставили бы к ним какого-нибудь контролера-человека, а тот, глядишь, и не стал бы допрашивать о работе экспериментального АПОТ-оборудования, которое Тоби Инглиш использовал в битве на Бычьем Глазе.

Но опять же, может, именно из-за этого секретного оборудования Девяносто Вторую и отправили на ИБВ. На планете неизбежно поползли бы слухи, даже если ты из всех сил старался держать рот на замке. На планете имеются бары, женщины с детьми, собаки, птицы, и ты чувствуешь, за что сражаешься. Люди к тебе относятся с почтением, потому что ради их безопасности ты рискуешь своей задницей.

Военная база «Зебра» представляла собой настоящий муравейник доков, ремонтных отсеков, узлов связи, командного пункта, госпиталя и подсобных заводов. «Зебра» вращалась по стационарной орбите вокруг ничем не примечательной звезды типа G, у которой отсутствовали планеты, пригодные для жизни людей или хорьков. На «Зебре» каждый находился на полном содержании. И каждый прибыл сюда по долгу службы. Каждый имел звание и определенный денежный интерес. Каждый был готов схлестнуться с тобой, если ты решил здесь отдохнуть. Поскольку, если ты решил отдохнуть на «Зебре» (как в случае «Красной Лошади»), это означает одно — тебя больше некуда послать.

Ты слишком взвинчен, чтобы отправить тебя в бой.

Ты слишком засекречен, чтобы отправить тебя в тыл, где так и кишат газетные крысы, бездельники и политики.

Ты слишком опасен, чтобы отправить тебя домой.

Ты слишком хорош, чтобы послать тебя в трюм.

Или, как Тоби Инглиш, ты слишком умен.

Если бы не тот факт, что всех — всех, кто воевал на Бычьем Глазе, включая и Миклоша Ковача с его Сто Двадцать Первой, — направили на отдых на Военную базу «Зебра», Инглиш был бы абсолютно уверен, что кто-то пронюхал о скафандре класса X, который его Девяносто Вторая не сдала в положенном порядке.

Скафандр класса X был надежно спрятан среди оборудования Девяносто Второй на «Хэйге». Даже командир «Хэйга», Джей Падова, не знал, что он там. Большинство десантников из «Красной Лошади» тоже не знали об этом. Это случилось, когда Инглиш и Сойер возвращались на корабль после того, как вволю насладились расстрелом, который учинил Грант, гражданский наблюдатель МАП. Вот тут-то им и попался этот проклятый скафандр.

Скафандр был пуст. Если бы в скафандре оказался Нелли или кто-нибудь другой из погибшей Бета-группы, то Инглиш и его первый помощник Сойер, наверное, не раздумывая, развернулись бы и прикончили этого ублюдка Гранта. По крайней мере тогда им казалось,

что они готовы на это.

Но скафандр был пуст. А рядом валялись Комплексный ПИ-шлем, ЭЛВИС (Электромагнитный Векторный Интегрированный Скаляр) и АПОТ-ружье. Грант отдал ясный и четкий приказ: каждая деталь вооружения класса Х должна быть возвращена, а о судьбе того, что не может быть возвращено, капитан обязан составить подробный рапорт.

Они уже отчитались за скафандр, зачислив его в разряд потерь. Инглиш и Сойер остановились тогда у пустого скафандра, переглянулись и поняли друг друга без слов. Единственный вопрос, который у них возник: как протащить скафандр на борт «Хэйга».

Они оба с радостью отложили на потом главную проблему — как они используют эту штуку для того, чтобы пришить Гранта.

Но тогда они еще не знали, что их отправят «восстанавливать силы» на «Зебру».

Если бы Инглиш и Сойер проболтались о том, что на борту «Хэйга» спрятано секретное оружие системы АПОТ, им пришлось бы отвечать на вопросы назойливых автоматов до конца своей жизни, какой бы короткой она ни была.

Так что у Тоби Инглиша был гораздо более серьезный повод потеть, чем тот, о котором он сообщил автомату. Озноб и больное горло это одно, ночные кошмары другое, а странные побочные эффекты использования АПОТ-оружия — третье. Но протащить контрабандой засекреченное оружие — настолько засекреченное, что никто не желал признать, что это нечто большее, чем всего лишь «Неразрабатываемые единицы» (НРЕ), собранные воедино, — такой поступок мог обеспечить Инглишу путешествие в Клуб Мертвецов за счет Флота.

Никакие заступки Джея Падовы, никакие просьбы ДКОПСКОМа, никакие награды за доблестную службу, ничто, даже вмешательство офицера разведки «Хэйга» Мэннинг, не помогут им с Сойером, если автомат вычислит, что действительно происходит с Тоби Инглишем.

Да и всей «Красной Лошади» не поздоровится. Есть такая штука, которую называют «коллективная ответственность».

Черт, они вовсе не просили превращать их в «подопытных кроликов» Коммандос Восьмого Шара! Это также нужно принять в расчет. Но во время десанта на Бычий Глаз капитан Девяносто Второй Толливер Инглиш совершил столько актов неповиновения, что теперь ему следовало вести себя паинькой.

Когда ты и твой помощник чуть не пристрелили Наблюдателя МАП и даже не попытались скрыть своих намерений, то это уже предел. Инглиш и Сойер и не собирались молчать о своих намерениях относительно Гранта, поэтому об инциденте на Бычьем Глазе теперь знал даже самый нелюбопытный механик «Хэйга».

Во время операции шлема Сойера и Инглиша поддерживали непрерывную двустороннюю связь. Однако при этом никто не обратил внимания на мигающую малиновую точку, которая означала отключение записи во время разговора. Мерцающие на дисплее огоньки означали, что разговоры шифруются МАП, а Межведомственное Агентство Поддержки имело свои собственные каналы. Иметь дело с Командованием Восьмого Шара ничуть не легче, чем с хоряками.

Постоянные сбои в работе экспериментального оборудования чуть не сорвали операцию на Бычьем Глазе и погубили группу Бета-три. Тоби Инглиш и его первый офицер с первой минуты невзлюбили Гранта, когда же наблюдатель послал на смерть их товарищей, они чуть не убили самодовольного ублюдка.

Что, оглядываясь назад, возможно, было совсем неплохой мыслью.

Но нельзя вернуться назад, нельзя исправить сделанный промах. Тут Инглиш вспомнил о том, где находится. Он все еще сидел, погрузившись лицом в психоконтроллер, в герметически закупоренной комнате на «Зебре».

А аппарат бормотал искусственным голосом:

— Капитан Инглиш, ваш осмотр не может быть продолжен. Положите обе руки на рукоятки и плотно сожмите их. Ваше не вполне удовлетворительное физическое состояние

было отмечено, и мы внесем соответствующие поправки в показания, которые снимаются в начале каждого сеанса.

— А если не положу? — спросил Инглиш, и его руки крепко стиснули колени, он почувствовал преимущество и решил им воспользоваться. Может, ему удастся сегодня отвертеться, стоит только немного посклочничать? Ему никогда не приходило в голову спорить с автоматом, он всегда был слишком исполнительным. И все же...

Капитан вытащил голову из психоконтроллера, где ему не было видно ничего, кроме черноты неработающего экрана. Перегнувшись через экран, он состроил рожу автомату.

— Я чувствую себя абсолютно измотанным. Не могли бы мы продолжить это завтра?

Между десантниками Девяносто Второй аббревиатуру ИИ было принято расшифровывать как Идиот Интеллектуальный. Может, ему удастся обвести эту железку вокруг пальца? Главное, не бояться этого ИИ.

— Капитан Инглиш, — произнес автомат, — пожалуйста, поместите лицо в...

— Ладно, ладно. — Он вовсе не жаждал получить штрафные очки за неповиновение.

— А теперь положите руки на рукоятки, — продолжал невозмутимый автомат.

Наконец капитан повиновался, его ладони сжали рукоятки, а в окуляре появилась красная точка, которая расцвела во фрактальное воспроизведение перестрелки у Десяти Колец на Бычьем Глазе.

Инглиш знал — то, что он видит, извлечено из записей датчиков шлема, а не вытянуто из его подсознания, но от этого легче не становилось. Реконструкция событий началась с того момента, как они с Сойером пересекли лучи и увидели «динозавров», огромных амебоподобных тварей, и куски других измерений, но сейчас ничего этого не было видно.

Его реакция, как и реакция Сойера, казалась абсолютно несоответствующей событиям.

И сейчас Инглиш занимался здесь тем, что переживал все происшедшее заново, снабжая аппарат субъективными данными, которые система не зарегистрировала. Все предыдущие сеансы оказались безрезультатны.

Но на этот раз машине, похоже, что-то удалось. Внезапно Инглиш увидел мерцание в небе за точкой пересечения нуль-лучей, как раз над белым пятном — это огонь вывел из строя сканеры. Капитан вскрикнул и в волнении отпрянул от психоконтроллера:

— Вот! Видел? Это пятнышко в небе? Оно дымится и мерцает, из него появляются пальмы...

— Садитесь, Капитан Инглиш, — произнес автомат резким голосом. — Восстановите контакт с оборудованием. Мы продолжим просмотр с того места, на котором остановились.

Неужели автомат вышел из себя?

Он скрежетал так, словно его порядком разозлили. Перед тем как опуститься на место и сунуть голову в шлем, Инглиш кинул недовольный взгляд на своего мучителя.

Нет. Невозможно. Он не хочет еще раз проходить через все это. Что его ждет дальше? Что ему делать, скажите на милость, когда дешифровщик доберется до того места, когда он и Сойер решили вернуться назад и пристрелить Гранта?

— Ты теряешь драгоценное время, солдат, — гаркнул автомат, будто заправский строевой сержант.

Муштра дала о себе знать. Если ты выбрался с Эйры и стал капитаном Флота в этом чертовом Альянсе, то просто не можешь не уважать дисциплину.

Инглиш сощурил глаза и замер в ожидании катастрофы.

— Да это похлеще, чем пытаться вспомнить пьяный кошмар! — тихо пробормотал он сквозь стиснутые зубы и с такой силой сжал рукоятки, что те аж скрипнули.

Самое смешное заключалось в том, что по какой-то непонятной прихоти Командования Восьмого Шара режим с отключенной записью, который он и Сойер предпочли во время операции, похоже, сработал. В компьютере имелось сколько угодно данных о состоянии нервной системы Инглиша, но информации, которую можно было бы интерпретировать как заговор с целью убийства Наблюдателя, отсутствовала начисто. И никаких упоминаний о похищенном АПОТ-скафандре.

Прекрасно! Но имелась и обратная сторона медали: очень многое из того, что Тоби Инглиш видел на Бычьем Глазе, также кануло в Лету.

Когда Инглиш вошел в полутемный зал клуба «Колумбия», Джоанна Мэннинг была уже там, и с крайне недовольной физиономией. Как и Траск, инженер Девяносто Второй. Траск сидел в углу рядом с Мэннинг, пристроив локти на столе посреди пустых стаканов, которых с избытком хватило бы на весь экипаж Девяносто Второй.

Инглиш едва кивнул в их сторону и направился к длинной, отделанной медью стойке бара. Он разделался с экзаменом и теперь собирался это отпраздновать. Завтра ему уже не нужно общаться с этой грудой железа, с этим покончено. Они просмотрели всю запись. Автомат удовлетворенно сообщил, что информация Инглиша совпадает с показаниями приборов.

Теперь Тоби Инглишу осталось лишь справиться с жуткими снами и мускульными спазмами, сопровождавшими эти самые сны. И, конечно, с письмами, которые он должен написать семьям погибших парней из группы Бета. В его распоряжении имелось слишком много свободного времени — настоящее раздолье для воспоминаний, запоздалых догадок и сожалений.

Единственное лекарство было сейчас недоступно Инглишу: ему требовалось задание, и чем рискованнее, тем лучше. Ему требовались хорьки, он жаждал пополнить свою коллекцию халианских хвостов.

Внезапно Инглишу захотелось увидеть Сойера, обменяться с ним впечатлениями, но лейтенанта в баре не было. На военной базе «Зебра» имелось около дюжины баров, не считая закрытых клубов. К тому же Сойер мог еще не вернуться с допроса.

Инглиш подошел к стойке, не обращая никакого внимания на сослуживцев. Огромный бармен налил ему пиво, капитан поблагодарил его и поинтересовался, нельзя ли воспользоваться внутренним телефоном.

Если бы Инглиш был в полном снаряжении, то легко смог бы отыскать Сойера по встроенной связи. Но вместо того он вынужден оставлять сообщения в каждом баре. Если бы они находились на борту «Хэйга», он бы в два счета выяснил, где торчит Сойер. Но Инглиш был не вооружен и сидел у стойки бара и тупо наблюдал, как оседает пена на его пиве. В этот момент в углу бара раздался шум.

Капитан даже не обернулся, у него хватало и своих неприятностей: ему не давал покоя Бычий Глаз. А в баре должны иметься вышибалы...

Но тут раздался грохот. Полетела мебель. Инглиш искоса глянул в зеркало.

— Дьявол!

В центре свалки находились Траск и Мэннинг. Хотя Джоанна Мэннинг и служила в Разведке Флота, она все же была членом его экипажа. А уж за Траска он несет полную ответственность. По крайней мере так считал Тоби Инглиш. За неимением хорьков сойдут и люди, тонус капитана пополз вверх.

Он уже собрался связаться в потасовку, как услышал, что кто-то окликает его.

— Эй, Инглиш, помощь нужна?

— Отвали... А, Капитан Ковач? Да, это мой инженер и мой офицер разведки. Видишь, там в центре.

— Ясно, — бросил командир «Охотников за Головами». Он оглушительно свистнул и махнул рукой в сторону свалки.

— Разберемся по-семейному.

Как бы быстро ни двигались Инглиш и Ковач, парни — «Охотники» были быстрее.

К тому времени, когда Инглиш оказался в районе потасовки, все было кончено. Дюжина «Охотников» разводила драчунов, еще трое поднимали столы и стулья.

«Охотница», похожая на заправского боксера, проводила воспитательную беседу с двумя громилами.

Ковач сказал Инглишу:

— Будь я на твоём месте, Тоби, я бы предложил заплатить за ущерб. Когда все

успокоятся... — Светлые глаза Ковача пристально смотрели на него.

— Хорошо. Спасибо, Ник... Теперь я сам справлюсь.

— Нет. Я хочу перекинуться с тобой парой слов. — Ковач повернул голову. — Си, — окликнул он женщину-боксера, на рукаве которой чуть ниже эмблемы «Охотника» виднелись нашивки капрала. — Разберись с этим и попроси счет. — Потом Ковач взял Инглиша под руку и отвел его в сторону.

Они прошли в дальний угол бара, где никого не было. Командир Сто Двадцать Первой сказал:

— Присядь-ка на минутку.

Инглиш сел. Перед ним стоял полупустой стакан пива, в нем еще поднимались пузырьки.

— Я уже сказал спасибо, капитан.

— Это не имеет значения. Послушай. — Ковач пододвинул стул и уселся верхом. — Ты был на автодопросе, так?

Инглиш решил, что знает, чего хочет от него Ковач.

— Да. Это не так плохо, как кажется. Мы просто проиграли все снова, чтобы сделать запись.

— А то, что не попало на ленту? — вкрадчиво спросил Ковач.

— Что не попало, то не попало. — Может, он все же не правильно понял, чего хочет от него Ковач. Сто Двадцать Первая потеряла на Бычьем Глазе тридцать процентов личного состава и корабль «Бонни Паркер». Ковачу досталось больше, чем Инглишу.

— Запись подтверждает, что Бычий Глаз не оказался, как считалось, базой халиан? — поинтересовался Ковач.

Какого дьявола?! У Инглиша снова вспотели ладони. Он обхватил холодный стакан.

— Мы выполняли приказ, как-то связанный с Разведкой, и я не могу об этом говорить.

Его голос прозвучал очень неуверенно. Чувствовал он себя не лучше. Неужели все, кто был на Бычьем Глазе, знали, что Грант сжег пленников-людей, точно так же, как все знали о провале «Охотника за Головами»?

— Да, я тоже не могу обсуждать эти отчеты ни с кем, кроме автомата. Но ты знаешь, что мы захватили живьем одного человека? Конечно, он уже не у нас, и никто не знает, что с ним стало, но теперь ясно, что Разведка просчиталась, и по-крупному, так что пора нам всем подумать о том, что это значит.

— Значит? — Тоби Инглиш начал дрожать, теперь пот выступил не только на ладонях, он бежал вдоль позвоночника, по ребрам, пропитывая рубашку. Если бы на капитане было его боевое снаряжение, система контроля скафандра позаботилась бы об этом...

— Это. Бычий Глаз не был Целью, не был миром хорьков. Он вообще не имел ничего общего с хорьками, так ведь? Просто куча оборудования... и люди, управляющие оборудованием. А теперь, приятель, подумай о том, что это значит, если рассматривать операцию как провал. У тебя есть время, пока ты будешь дожидаться, когда отремонтируют корабль и пополнят запасы. Подумай хорошенько.

— Кажется, я что-то упустил, капитан.

— Не ты один, Тоби. Я, например, упустил своего пленного. Конечно, никто не сказал мне, что его не надо брать, и все же...

— Может, мне надо бы... — Инглиш замолчал и тут же продолжил, — может, нам надо бы пойти и встряхнуть из моего офицера разведки, с чего все началось.

Инглиш поднялся. Ковач остался сидеть.

— Идешь? — Инглишу не терпелось все выяснить.

— К Мэннинг? С «Хэйга»? Присматривай за ней. Она — малиновая.

— Она что?

— Где ты был, вояка? Малиновая: Разведка Флота, так значится в документах, а еще — двойной агент. Здесь пахнет Командованием Восьмого Шара.

Ковач не пойдет с ним к Мэннинг, понял Инглиш.

- Я... спасибо за помощь, капитан...
- По-прежнему Ник, Тоби. Держитесь, ребята.
- Постараемся.

Так значит Джоанна Мэннинг получает приказы от Командования Восьмого Шара. Неудивительно после всего того, что случилось на Бычьем Глазе. Если бы у Инглиша было время подумать, он и сам вычислил бы это. Но все, о чем он был способен думать в последние дни, — допрос автомата, АПОТ-скафандр, погибшая группа Бета и покушение на Гранта.

Ковач, не разжимая губ, прошептал:

— И, Инглиш... берегись охоты на ведьм, друг мой. Хорьки это одно, а севшие в лужу парни из Восьмого Шара — это совсем другое.

Люди вроде Ковача не станут болтать попусту. Ковач сказал Инглишу то, что, как он считал, Инглишу следовало знать. Ковач считал «Зебру» зоной военных действий. А еще Ковач видел, что Инглиш не понимает, что происходит.

И это правда. Капралша Ковача появилась как раз в тот момент, когда Инглиш собирался уходить, и вручила своему командиру счет за ущерб, причиненный ребятами из Девяносто Второй.

Ковач передал его Инглишу. Тот глянул на общую сумму и моргнул, Инглиш не представлял, где взять эти деньги. Разве что из собственного кармана. Он пробормотал благодарность Ковачу, и тут капралша вдруг спросила своего командира:

— Сэр, а вы не попросили капитана «Красной Лошади» засвидетельствовать наше здоровье?

— Нет проблем, Си. Хотя я и не верю в эти слухи.

— Какого черта? Что еще происходит, капитан? — Голос Инглиша прозвучал слишком громко. Он опустил голову и упрямо переждал вопросительные взгляды. Он не сдвинется ни на дюйм, пока до конца все не выяснит. Капитан бросил взгляд на мужеподобную капралшу. Она была похожа на добермана, который улыбается тебе сквозь проволочную сетку.

— Когда нас спросят, — спокойно проговорил Ковач, — не считаем ли мы, что на «Красной Лошади», на «Хэйге» или где-нибудь еще сидят парни, симпатизирующие, служащие или преданные халианам, мы скажем... — Ковач поднял голову и заглянул прямо в душу Инглишу. — Черта с два! Думаю, Си надеялась, что ты будешь рад сделать то же самое.

— Матерь Божья, — проговорил Инглиш. — Не думаю... Да, конечно. Проклятие! Да я всему миру заявлю, что вы парни что надо, пусть меня только спросят.

— Вот и хорошо. — Ковач кивнул и потянулся к стакану пива, который кто-то оставил на столе.

Капралша Ковача хлопнула Инглиша по спине, да так, что тот едва устоял на ногах.

— Это чертовски здорово, сэр! — заявила она, подняла руку, сжала ладонь в кулак и выставила средний палец. — Мир, дружба и прочее, джентльмены. — И отошла в сторону.

— Ага, мир и дружба, капрал, — проговорил Инглиш и неуверенно зашагал прочь, стараясь не смотреть на Ковача.

Мэннинг придется объясниться.

Он швырнул ей счет за погром.

— Что здесь произошло, Мэннинг? Я не против того, чтобы заплатить, но если ты начала эту заваруху, то могла бы по крайней мере...

Траск, сидевший рядом с Мэннинг, отодвинулся от стола. У него была рассечена губа, подбит глаз, и к тому же его слегка пошатывало. Он неуверенно поднялся.

— Не трогайте ее, ладно, сэр?

— Сядь-ка, Тоби, — сказала Мэннинг и дернула капитана за рукав.

Это уже безобразие. Никакой дисциплины. Вот тебе и «Зебра». Все не так, как надо. Инглиш предпочел сесть.

— Что подумает Сойер, если придет сюда и обнаружит вас с Траком в таком виде? И

вообще, с чего все началось? Почему? У меня есть право знать...

— Почему? — Мэннинг посмотрела на него затуманенными глазами. Она сидела, сгорбившись и потирая ребра. — Вы ничего не замечаете, Инглиш. Капитан Инглиш. Даже когда это происходит прямо у вас под носом. Теперь вы спрашиваете, почему. Из-за Бычьего Глаза. Бычий Глаз, приятель, друг, простачок, это проблема, да такая большая, что Флоту с ней не справиться.

— Отнеси-ка ее в кровать, Траск. Это приказ.

Траск послушно поднялся.

— Вам следует выслушать ее, сэр. Они собираются поручить нам одно грязное дело, и, может, вам следует подумать, наша ли это работа... должны ли мы ее выполнять?

— Просто отнеси ее в постель, да и сам ложись спать. Ты следующий на допрос к автомату. — Он не хотел ничего слушать. И все-таки услышал. — Эй, Траск. Кто это «они»?

Траск бережно поднимал Мэннинг со стула.

— Бьюсь об заклад, у нее переломаны ребра. Ее команда, сэр. Сами понимаете, МАП.

— Нет не понимаю. Никто мне ничего не говорил. — Инглиш начинал злиться.

— Ха, мы побывали в заварухе, — пробормотала Мэннинг. У нее была мужская стрижка, колючие манеры и ослиное упрямство. В комнате для допросов она доставила Тоби Инглишу больше неприятностей, чем любой другой офицер разведки. Но если он правильно понял, то она только что пыталась изменить приказ в его пользу. Пусть даже до того, как он получил этот приказ.

— Если кто-нибудь захочет со мной поговорить, Мэннинг, то я еще какое-то время пробуду здесь. Придется прикинуть, как заплатить за все то стекло, что вы перебили.

Она слегка оттолкнула державшего ее Траска и вытащила что-то из-под блузки. Пока Инглиш думал о том, как поступил бы Сойер, если б ему довелось увидеть эту маленькую сценку, она швырнула на стол какую-то карточку.

— За наш счет, капитан. Вы в наших списках, мы вам заплатим... как только начнется операция. — И Мэннинг поморщилась, ее едва не стошнило, и она позволила Траску унести себя.

Инглиш дождался, когда они выйдут из бара, и только потом подобрал пластиковый прямоугольник. Это была кредитная карта на предъявителя, и черт его возьми, если на ней не было малиновой полосы.

Он расплатился кредитной картой за учиненный погром и решил отправиться в постель. Кажется, на «Зебре» последний механик знает о том, что происходит, больше, чем он. Капитан Сто Двадцать Первой и офицер Разведки «Хэйга» Мэннинг, похоже, говорили об одном и том же. Но пока к нему не явится человек с приказом, он, Инглиш, и его «Красная Лошадь» будут мирно отсиживаться на базе, зализывать раны и водить за нос компьютерных болванов. Только так.

Капитан убеждал себя еще минут двадцать после того, как добрался до своей комнаты. Потом раздался звонок. Кто-то пожаловал. Инглиш включил экран. Сойер, да к тому же небритый. Разумеется, капитан просил Сойера заглянуть к нему... Рядом с Сойером стояла Джоанна Мэннинг, она успела привести себя в порядок. Правда, держалась Мэннинг как-то скованно, словно у нее и в самом деле переломаны ребра.

Инглиш нажал на кнопку, дверь распахнулась.

— Ладно, входите.

Капитан вовсе не собирался выбираться из постели. Он был рад видеть Мэннинг и Сойера вместе: Сойер — единственный, кому удавалось справляться с Джоанной Мэннинг.

Капитан выглядел крайне обеспокоенным. Он провел Мэннинг в комнату и усадил в кресло.

— Я подожду за дверью...

— Черта с два, Сойер! — Инглиш вздохнул, как же ему все надоело. — В чем дело, Мэннинг?

— Мне поручено лично вручить вам этот конверт с приказом. Если возникнут какие-то

проблемы, вы должны будете обсудить их с Наблюдателем ИВБ — «Зебра». Я должна остаться здесь, пока вы не прочтете приказ. После этого я заберу бумагу с собой.

— А Наблюдатель, это тот, всеобщий любимец, так? Грант, сукин сын! — Инглишу показалось, что он проваливается в устроенную хорьками волчью яму.

— Если речь идет об автомате, то вы правы, сэр. — Сойер рассматривал свои ладони.

— Тогда давайте-ка взглянем, Мэннинг. — Не вылезая из-под одеяла, он потянулся к конверту.

Мэннинг вручила приказ.

Инглиш прочел дважды, стараясь уяснить содержание. Потом проговорил:

— Мы этим не занимаемся. Мы не подготовлены к подобным операциям. Скажите им...

— Капитан, — напомнила ему Мэннинг, — если вам кажется, что есть какие-то проблемы, то решать их следует с тем, кто хоть что-то может сделать, а не со мной, черт возьми.

— Дьявол! — Инглиш спустил ноги на пол, начисто позабыв о своей наготе. — Послушайте, это не для записи, я вас обоих спрашиваю, что мне делать?

— Мы не можем зайти так далеко, пусть и не для записи, сэр, — ответил Сойер. — И вы единственный, кто знает подробности. «Красная Лошадь» сделает то, что вы нам прикажете.

— Спасибо, Сойер. Мэннинг, я сам поговорю с Наблюдателем, вам не придется это делать.

— Спасибо, капитан, — сухо отозвалась Мэннинг. — Могу я сказать еще кое-что?

— Что именно?

— Лучше нападать, а не обороняться, капитан. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

Черт бы побрал этих разведчиков и их намеки. Мэннинг выжидающе смотрела на него. Сойер тоже. Если бы у этих двоих было бы хоть немного здравого смысла, они бы уже давно покончили со своим романом. Любовь — это не извинение, а источник неприятностей. По крайней мере Инглишу казалось, что половина неприятностей с Наблюдателем произошла именно из-за этого.

— Пойду повидаться с твоим приятелем, Мэннинг. Я передам ему твои слова, можешь не беспокоиться. Сойер, ты покончил с этим автоматом?

— Да, сэр, я чист.

— Тогда пойдешь со мной. Офицер Мэннинг и сама найдет дорогу назад, а если нет, то ее придется понизить в должности.

Мэннинг забрала пакет с приказом и удалилась.

Когда дверь закрылась, Инглиш сказал:

— Когда ты прекратишь путаться с ней, Сойер? Ковач из Сто Двадцать Первой сказал мне, что она из Восьмого Шара. Он уже знал об этом приказе. Если б не Мэннинг, мы бы не вляпались в это дерьмо.

— Но тогда мы оказались бы среди жертв, сэр.

— Точно. Тут ты прав. Ладно, идем, поговорим с этим парнем. И будь повежливее, Сойер, пока мы не поймем, что настал час, которого мы так долго ждали.

Шанс всегда есть. Если Девяносто Вторая собирается поохотиться на ведьм, то ее командиру и решать, на какую именно ведьму устроить облаву. Приказ МАП гласил: «есть достаточно оснований считать, что около тридцати — сорока процентов сотрудников „Зебры“ являются вражескими шпионами». Далее Инглишу предлагалось использовать любые средства и методы, дабы «выявить, арестовать и/или уничтожить эту угрозу безопасности Флота».

Другими словами, выбери несколько бедолаг (первых попавшихся, если не можешь найти нужных) и обойдись с ними настолько круто, чтобы агенты, которых ты, возможно, пропустил, перепугались до смерти и залегли на дно.

Но дело в том, что капитан попросту не знал, с чего начать. Он был десантником, а не

частным детективом или контрразведчиком. Оставалось пойти к Наблюдателю и выяснить, кого тот выбрал в жертвы.

Пока капитан натягивал комбинезон и пристегивал пистолет (ибо он был не в том настроении, чтобы отправляться к Гранту безоружным), ему пришло в голову, что если бы существовал хоть малейший шанс, что Гранта можно объявить членом означенного гнезда предателей, то Наблюдатель выбрал бы для этой грязной работы кого-нибудь другого.

И все же никогда не знаешь, почему Разведка сделала то, что сделала.

Единственное, что Инглиш знал наверняка, так это почему Девяносто Вторая вляпалась в эту историю. Даже самый нерадивый десантник знал о существовании людей, готовых сотрудничать с халианами. Девяносто Вторая высадилась на Бычий Глаз, ожидая найти халиан, но обнаружила там корабли, командные пункты, системы связи — все, за исключением самих халиан.

Десантники нашли мужчин, женщин, детей... многие из которых предпочли покончить с собой, чем стать пленниками своих сородичей. От остальных избавился Грант. Так что единственный способ избежать лишних слухов — использовать десантников «Красной Лошади», которые и так знают, что люди сотрудничают с хорьками.

Может, на этот раз Грант станет вести себя приличнее? Может, в командование Флота действительно затесались халианские шпионы? Может, именно поэтому операции так часто терпят провал? Может, если продолжить цепочку, именно по этой причине в Сто Двадцать Первой не хватает тридцати процентов личного состава?

Но отнюдь не по этой причине во время высадки на Бычий Глаз погибла Бета-группа Инглиша. Причина одна — Грант и его экспериментальное АПОТ-снаряжение. Просто и ясно.

И направляясь вместе с Сойером по коридору к капсуле, которая должна была доставить их на командный пункт, где располагался штаб МАП, Инглиш думал об украденном скафандре и гадал, представляет ли себе Грант, как долго парни из «Красной Лошади» способны сдерживать свою ненависть.

Когда они дошли до туннеля и вызвали капсулу, Сойер спросил:

— Как ты думаешь, капитан, как так вышло, что все — «Охотники» и остальные — узнали обо всем раньше нас? Тебе не кажется, что Грант хочет нас сделать второй мишенью? Потому что, если это так...

— Назад к плану А? — Они действительно собирались испепелить этого мерзавца, и за дело. В такой тесноте, как здесь, на базе, никому не понравится, если «Красная Лошадь» начнет соваться во все щели и хватать кого ни попадя.

Никому.

Если не позаботиться о безопасности, то эта операция окажется под стать заданию на Бычьем Глазе. А может, даже хуже. Смотря чьи друзья станут мишенями Девяносто Второй.

Не то чтобы это можно было назвать честной игрой, но кто будет говорить о честной игре, когда дело касается Командования Восьмого Шара.

— Я за план А, сэр. В любое время. Особенно теперь, когда с автоматами покончено... А что касается Мэннинг. — Сойер произнес ее имя так, словно оно жгло ему язык. — Она хороший солдат, я уже говорил вам. Вы должны мне поверить, ведь сегодня в баре она три ребра сломала, пытаясь возразить против этого приказа.

Так, значит, Мэннинг не сказала Сойеру, что Инглиш при этом присутствовал. Может, Инглишу стоит зачислить Джоанну Мэннинг в список сочувствующих врагу. В конце концов, ему же надо набрать необходимое количество имен.

Если бы Грант знал, кто им нужен, он не стал бы обращаться за помощью к Флоту Быстрого Реагирования. Девяносто Вторую задействовали для того, чтобы раскрыть несколько настоящих агентов и собрать достаточно народу, чтобы удовлетворить Командование Восьмого Шара. И если схваченные парни не смогут доказать свою невиновность, не будет иметь значения, кто они такие.

Прибывшая капсула напомнила Тоби Инглишу катафалк.

— Давай скорее покончим с этим, Соьер.

У них просто не было другого выбора.

— Убивать хорьков — это война. Убивать людей Альянса — преступление. Я так считаю, — раздраженно проговорил Инглиш, подпирая стену в роскошно оборудованном офисе Гранта.

Наблюдатель забарабанил по столу, который был настолько велик, что на нем спокойно могли поместиться два дюжих десантника. Экран за Грантом очистился, и на нем появилась запись операции на Бычьем Глазе, сделанная шлемом Инглиша. Этой записи не было в банке данных компьютера.

— Черт, — пробормотал Тоби Инглиш, покачав головой.

— Не принимайте слишком близко к сердцу, капитан. — Вокруг ладони Наблюдателя был обернут лоскут красного шелка, которым Грант небрежно поигрывал. — Мы не хотим, чтобы ты отправился назад, к компьютеру, и обсудил с ним еще и эту запись. В этом мы солидарны. То же касается лейтенанта Соьера, да и любого из твоих парней... — Он несколько раз щелкнул по клавиатуре, изображение на мгновение застыло, а потом и вовсе исчезло.

— Найдите кого-нибудь еще, — губы не слушались Инглиша. Он скрестил руки на груди. Пояс оттягивал пистолет.

— А зачем мне это? — любопытствовал Грант. — Я сказал вам, что с Бычьим Глазом у вас не будет неприятностей, и я сдержал свое слово. Разве это не доказательство моего доверия?

— Нет.

— Еще раз повторю, приятель, мы не просим! Ты просто инструмент, подходящий для этого дела. Мы выбрали вашу часть из нескольких возможных кандидатов еще задолго до Бычьего Глаза. Вы — наши, и мы о вас позаботимся. Вам следовало бы задавать вопросы об оружии и деталях операции.

Инглиш был несказанно рад, что Грант велел Соьеру дожидаться в приемной. Капитан едва сдержал себя, если бы тут еще пришлось думать о лейтенанте...

— Это законно? Вы можете вот так запросто взять и привлечь нас к подобной операции?

— Ну, раз вы подняли этот вопрос, дело за вами: постарайтесь не повредить АСА. Во всем остальном я даю вам карт-бланш. Делайте, что хотите. Да, кстати, у вас мало времени: максимум сорок восемь часов. Если уложитесь в двадцать четыре — еще лучше. А в шесть — вообще замечательно: вам надо застать их врасплох.

Инглиш сдался. Он потер лоб.

— Я заберу все с «Хэйга». Как я понимаю, мне позволено просить любую поддержку, которую я сочту необходимой?

— Для этого у вас есть офицер Мэннинг. — Грант был порядочной шишкой с земными замашками. Табличка на двери гласила «Заместитель директора. Межведомственная Комиссия по Поддержке».

Либо Наблюдатель получил повышение после Бычьего Глаза, либо выдавал себя за другого, либо сидел настолько высоко, что у Соьера и Инглиша не было никаких шансов насолить ему. С радушной улыбкой Грант перегнулся через огромный стол и вручил Инглишу лист бумаги:

— Вот список ваших объектов.

Инглишу пришлось взять бумагу. По крайней мере теперь у них есть настоящий список с настоящими именами. Не его дело, как Наблюдатель отыскал эти имена. С него хватит и записи, которую он видел на экране Гранта. Его записи.

Капитан попытался прочесть список, но буквы расплывались перед глазами, руки тряслись.

— Кому мне рапортовать о выполнении задания? Вам или Мэннинг?

— Если меня к тому времени здесь не будет, то Мэннинг. Удачной охоты, капитан

Инглиш, — проговорил Грант.

— Какие установки?

— Никаких. Только живые или мертвые. Лично мне все равно. Если притащите кого-нибудь живьем, пришлите их мне. Но не слишком много. Ясно?

— О да, — отозвался Инглиш. Он жаждал поскорее убраться отсюда, пока не задал самого неприятного вопроса: почему Грант получил повышение? Из-за операции на Бычьем Глазе или из-за списка, который он, Инглиш, держит сейчас в руках. — Да, дайте мне ваш номер телефона, на крайний случай.

— Я уже сказал: для этого есть Мэннинг. Удачи. Спецоперации всегда немножко щекотливы. Это отразится и на сумме вознаграждения.

— Ну что ж. Это делает все еще более занимательным, сэр.

Нет смысла спорить с Наблюдателем. Инглиш уже пробовал, и вот чем кончилось. Ему лучше убраться отсюда, пока не натворил глупостей, за которые можно поплатиться и жизнью. Потому что он ничего не может поделать с Грантом. Разве что пальнуть пару раз в его прилизанную голову.

Тон беседы был спокойным, почти доброжелательным, под стать самому Наблюдателю.

Инглиш вне себя от ярости вывалился в приемную и наткнулся на Сойера, спокойно попивавшего кофе.

— Нас провели! Вот список. Забери его у меня!

Инглиш опасался, что в таком состоянии запросто может потерять ненавистную бумажку.

Сойер молчал, пока они не вышли из командного отсека и не оказались в туннеле.

— Что происходит, капитан?

— Назад, на «Хэйг». — Почему-то от этих слов Инглишу стало легче. — Я хочу, чтобы к двенадцати все были в сборе. Если кто-то все еще на допросе, используй наши новые полномочия и вытащи их оттуда.

— Ты уверен?

Появилась капсула. Они забрались в нее и набрали номер дока, в котором стоял «Хэйг».

— Нет, но попробовать стоит.

Сойер достал список.

— Отдать тебе?

— Нет... да. — Инглиш взял бумагу. — Теперь нам предстоит выяснить, как чувствуют себя наемные убийцы.

— Шутишь?

— Нет. А как ты думаешь?

— Это он сказал?

— Ты же знаешь, что этого он не сказал. Нескольких мы можем взять живьем, но немного.

— Ужасно. — По лицу Сойера ничего нельзя было разобрать. Они летели по туннелю, за окнами капсулы мерцали пронесившиеся мимо фонари.

— Только не надейся, что нас встретят с распростертыми объятиями. Это настоящий список. Исходя из того, что мы знаем, эти парни могут действительно оказаться предателями. Так и следует считать, потому что никогда не знаешь наверняка...

— Люди — агенты халиан, внедренные во Флот... Если это и впрямь так, моя совесть спокойна.

Инглиш с сожалением отметил, что не может сказать того же и о себе. Он не был уверен, что Сойер говорил искренне, но лейтенант подбросил ему мысль, как преподнести задание Девяносто Второй. Это не хладнокровное убийство, а благородная миссия.

— Что ж, прекрасно. Собирай ребят. Разделим цели и разобьемся на группы...

Выполнять задание нужно, каким бы отвратительным ни казалось. Не стоит забивать

голову вопросами, на которые нет ответа. Так и спать недолго. Он, капитан Инглиш, прежде всего должен думать о своих людях. Это Флот.

Все на тактическом скутере знали план действий, но Инглиш решил повторить еще раз. Были приняты все контрмеры, которые только можно придумать. Плюс ко всему они собирались использовать скутер для тактического маневрирования и для содержания пленных — живых или мертвых.

Нельзя же просить Джея Падову впустить эту грязь на «Хэйг». Инглиш даже и не пытался. Мельница слухов уже работала вовсю, и капитану пришлось рассказать Падове о своем задании. Джей не должен беспокоиться за свою посудину и за своих ребят. Этой заварухой «Красная Лошадь» вряд ли добавит себе популярности, а раз «Красная Лошадь» привязана к «Хэйгу», то команде Падовы может достаться часть шишек, предназначенных Девяносто Второй.

Так что Джей Падова должен был знать.

Скутер принадлежал «Хэйгу», и Инглиш вооружил его до зубов, воспользовавшись арсеналом материнского корабля.

Девяносто Вторая не собиралась рисковать. Грант жаждет занять для своей чистки Бригаду Быстрого Реагирования? Он ее получит. Инглиш заказал полный набор снаряжения, включая и записывающие шлемы. У каждого десантника будет собственный канал. На случай, если потом возникнут вопросы.

Каждый десантник был полностью вооружен и облачен в броню, будто Девяносто Вторая готовилась к высадке на планету, кишачую хорьками. Сойер провел подготовительную работу, и никто из десантников не возражал против предстоящей операции.

Находишь парня из списка. Предупреждаешь его через мегафон. Даешь предупредительный выстрел из оружия, которое не пробьет перемишки корабля. Если парень оказывает сопротивление, стреляешь в него.

Если он упорствует, убиваешь.

Ясно, понятно, разжевано.

Каждый на скутере знает это. Десантники не жаждали перейти в тайную полицию, или как там это называется. Но они знали, что приказы надо выполнять. Инглиш все гадал, что будет дальше, после того, как операция закончится и на них посыпятся неизбежные упреки и обвинения.

Но сначала надо пережить операцию.

Он включил общий канал связи сразу, как надел шлем. Вся команда в полном обмундировании ждала сигнала к бою. Если можно говорить о бое между закованными в броню десанниками и сонными штабистами. Правда, на военной базе «Зебра» полно ручного оружия.

— Вы знаете свои объекты, — проговорил Инглиш. — Не надо их недооценивать. Для этих ребят выбор невелик: жизнь или смерть. Кое-кто, может, и сдастся и предпочтет провести следующие несколько лет на химических допросах, а потом встать к стенке, но не думаю, чтобы таких было большинство. Не церемоньтесь. Проверка системы... по моей команде...

Они отстыковались.

Скутер выплыл из-под брюха «Хэйга». Возможно, скутер и был излишен, но на базе «Зебра» любой знал о том, что готовится, больше, чем капитан Инглиш.

Зато Инглиш знал, как все произойдет.

— Офицер Мэннинг, у вас все в порядке?

Мэннинг была с ними; в своей неуклюжей, тяжелой броне она походила на огромную божью коровку. Когда зажглись предупредительные огни, Сойер лично проверил ее перчатки.

Инглиш прошел вперед и сел рядом с Траском, который вел посудину.

Когда Инглиш проходил мимо, Мэннинг коснулась его ноги. Он переключил

переговорное устройство и спросил по двустороннему каналу:

— В чем дело?

— Вы уверены, насчет... последней части?

— Нет, но я не собираюсь ее отменять, потому что я упрямый болван и не могу позволить, чтобы вокруг моей головы летало всякое дерьмо. А ты можешь мне помочь. У тебя есть какие-нибудь разумные возражения?

— Нет, капитан. Я просто хотела убедиться.

Инглиш переключился на общий канал и какое-то время слушал хорошо знакомые шуточки и словесные перепалки.

Кажется, все пока как обычно. Десантники знали, что им дана полная свобода действий, причем без последствий. Если, конечно, тебя не ухлопают.

Траск явно обрадовался, увидев капитана.

— Сколько требуется офицеров, чтобы вкрутить лампочку?

— Не знаю, — признался Инглиш.

— Десять: один держит лестницу, один вкручивает, один пишет отчет о проделанной работе, а остальные семь стоят рядом и приговаривают: «Черт, я бы и сам мог это сделать».

Звезды за бортом казались такими ясными и чистыми, что Инглишу стало не по себе. Поэтому вместо звезд он любовался внутренностями скутера.

— Сколько до первого дока?

— Шесть и двадцать... три секунды. Я выведу отсчет на твой экран.

— Давай, выводи.

Справа, в верхней правой четверти экрана головных дисплеев замерцали цифры, означавшие секунды, оставшиеся до высадки. Рядом с секундами мигал сигнал готовности.

Инглиш слышал, как ребята собираются. Соьер и команда десанта стояли рядом с ними. И капитану ничего не оставалось делать, как наблюдать за парнями.

Рядом с креслом второго пилота имелась гашетка пушки, установленной под брюхом корабля. Кинетические снаряды вырывались из этой пушки со скоростью в 30000 миль в час, а когда пятифунтовая металлическая чушка несется с такой скоростью, никакого взрыва и не требуется.

У скутера имелось соответствующее вооружение и для наземных боевых действий, но Инглиш сомневался, что оно им понадобится.

Однако если кто-нибудь решится на сопротивление, то этому смельчаку придется познакомиться с тяжелыми орудиями. Это был один из пяти случаев, которые Инглиш определил как «стрелять на поражение немедленно».

Остальные варианты были оговорены не столь четко.

«Вам не надо палить по парню в пижаме, если вы ворвались в комнату, где он забавляется с подружкой; вам не надо палить в девчонку, если она не станет палить в вас...»

Первая остановка была у сельскохозяйственной пристани. Траск пришвартовал корабль без малейшего толчка. Группа Альфа высадилась.

Инглиш напрягся.

Вот сейчас все выяснится. Если, конечно, Мэннинг не ошиблась и ей удалось провести переговоры Девяносто Второй через специальные каналы служб безопасности. Но Мэннинг была абсолютно уверена, что вскрыла нужные каналы связи.

На экране шлема замерцал сигнал спецканала. Инглиш проверил сигналы всех десантников, вывел на дисплей общий обзор, связался со старшими групп и только после этого немного расслабился и переключил шлем в режим чрезвычайного вызова.

В левой верхней четверти дисплея появился разбитый на квадраты план базы, по которому передвигались крохотные точки — разделившаяся на пары команда Альфа. Остальные данные Инглиш решил на экран не выводить — они лишь усложнят картину. Не стоит пытаться прочесть больше, чем ты способен переварить.

А шлемы десантников давали слишком много информации, в которой можно легко запутаться.

Капитан застегнул на запястье сигнальный браслет. Если команда Альфа затребует помощи, последует легкий укол электрического разряда, а до тех пор Инглиш и сам сможет решить, насколько подробно следует контролировать действия парней.

Впрочем, они интересовали Инглиша лишь в одном аспекте: после этой проклятой операции все его ребята должны остаться в живых. Но пока десантники не выйдут на позиции, его возможности ограничены. Как, впрочем, и после.

Объекты были слишком рассеяны. Инглиш очень долго думал об этом, обсуждал с Сойером и даже с Мэннинг, и в конце концов решил, что одновременный удар лучше всего.

В противном случае, пока они доберутся до конца списка, на базе начнется эпидемия самоубийств, а может, и что похуже.

Эти люди знают свое дело. Как только начнутся аресты, они станут по-настоящему опасны.

Команду Бета Инглиш решил не трогать — ее еще не успели укомплектовать после гибели ребят. Капитан разрешил высадку еще трем командам и сверил реальное время с запланированным: пока на три секунды впереди графика.

Траск подвел скутер ближе к верхушке базы и нырнул в центральное отверстие, двигаясь в направлении научных модулей. Там они высадили еще две команды. Затем добрались до командного блока, а потом облетели три ремонтных дока.

Они высадили уже больше половины команд и все еще опережали график. Это проще, чем ловить рыбу в бочке. Оставшиеся в скутере хранили молчание.

В наушниках шлема Инглиш слышал дыхание десантников. Происходящее казалось капитану каким-то нереальным.

Из-за этого ощущения Инглиш едва не пропустил слабый удаляющийся огонек. Траск заметил, как сигнал отделился от частного ангара командного модуля.

— Куда это, черт побери, он собрался? — поинтересовался Траск.

Поблизости не было земли, где можно было бы приземлиться и выжить. Огонек на экране был всего лишь маленьким судном, личным катером, не способным на межзвездные перелеты.

— Есть! — прошептал Инглиш. Пришел его черед принимать решение, для этого и существует командир. — Займись высадкой, Траск.

Он выпустил один из кумулятивных управляемых снарядов, предварительно переключив его в режим тепловидения.

— Вычислим, кто это, когда посчитаем, кого пропустили, и определим, за кем числится катер. Займемся этим, как только получим данные. — Инглишу хотелось, чтобы компьютер в деталях зафиксировал его рвение. Конечно, нельзя быть полностью уверенным, что это не какой-нибудь мальчишка, решивший прокатиться с ветерком.

Но данные, к которым имел доступ компьютер скутера, должны определить, соответствует ли цель интересующим параметрам. Программа упреждения должна включить систему тревоги на преследуемом объекте. И если это судно пошлет в ответ что-нибудь достаточно безобидное, приказ Инглиша об уничтожении цели будет отменен.

Главное выпустить снаряд, а остальное дело техники.

Приборы не ошибаются, рискуешь только ты.

Наконец в скутере не осталось никого, кроме Траска, Мэннинг, Сойера и старшего по высадке. Только тогда Инглиш отвлекся от своих приборов.

Близился наиболее трудный момент:

— Ладно, ребята. Мы следуем вот по этим координатам. — Инглиш сам вывел цифры на консоль. Он не хотел, чтобы возникли хоть какие-нибудь сомнения в том, кто будет отвечать за предстоящую акцию.

Капитан отступил назад и опустил в свое кресло рядом с Траском. Пора вернуться к своим обязанностям командира.

— Двигай вперед, — приказал он старшему по высадке. — Ты тоже, Мэннинг, — добавил он, глянув в сторону маленькой фигурки в скафандре, примостившейся рядом с

Сойером. Шлемы этой парочки касались друг друга.

Когда Мэннинг и старший по высадке скрылись в переднем отсеке, Сойер и Инглиш закрыли люк между двумя отделениями.

— Готов? — спросил Инглиш лейтенанта.

— Еще бы, — отозвался Сойер и проверил давление в помещении скутера. Потом он извлек скафандр АПОТ из шлюза, где они его спрятали во время предыдущей операции.

Инглиш сбросил обычный скафандр и расправил костюм класса Х. Капитан внезапно обнаружил, что испытывает почти непреодолимое физическое нежелание влезать в проклятый АПОТ-скафандр.

Потому он просто стоял на месте, поскольку на большее был сейчас просто не способен.

Должно быть, Сойер понял, как ему тяжело. Большая рука, закованная в тяжелую перчатку, опустилась на обнаженное плечо Инглиша.

— Готовы, сэр?

Они никогда не узнают, чей это был скафандр — Нелли или кого-то еще. Когда они вскрыли его, то обнаружили внутри только пыль. Не было ни крови, ни человеческих тканей, ничего. Инглиш с Сойером сразу же проверили скафандр, но не нашли никаких повреждений.

Но этот скафандр и оружие АПОТ были частью группы Бета, состоявшей из трех человек. Все люди и два других комплекта снаряжения пропали, за исключением обломка сканера. А потом вдруг из ниоткуда выплыл этот скафандр...

Может, в этом и состоял скрытый дефект, который загонит Инглиша в какое-нибудь другое измерение, как только он включит скафандр.

Но чему быть, того не миновать. Инглиш твердо решил надеть этот скафандр, загерметизировать, взвалить на спину рюкзак ЭЛВИСа, подключить АПОТ-ружье к керамической оболочке скафандра, задействовать экспертную систему и всю связанную с ней электронику и отправиться на охоту за агентом хорьков.

Пусть, черт побери, попробуют вычислить, кто это был. Девяносто Вторая рассыпана по всей военной базе «Зебра».

— Давай-ка еще раз посмотрим список, — буркнул он Сойеру. Лейтенант достал лист.

Инглиш еще раз просмотрел список и зажал бумагу в зубах. Потом капитан начал осторожно влезать в скафандр класса Х, который он и Сойер незаконно протащили на «Хэйг» после Бычьего Глаза.

Инглиш взвалил на спину рюкзак с ЭЛВИСом, прикрепил перчатки к рукавам скафандра, надел шлем и включил визор и только потом он разжал зубы и еще раз взглянул на список:

— Спички есть?

Сойер слабо улыбнулся и слегка разогрел свое стандартное плазменное ружье. Лист вспыхнул и облачком дыма исчез между пальцами Инглиша.

— Порядок, босс? — осведомился Сойер.

— Порядок, — отозвался Инглиш, прежде чем опустить щиток шлема. — Следующая остановка — командный модуль ХО.

Сойер опустил свой щиток, и следующие несколько минут они потратили на то, чтобы заставить АПОТ-скафандр беседовать со стандартным скафандром Сойера.

— И еще одно, — проговорил Сойер, когда у них оставались считанные секунды, — ты уверен, что нам следует это делать?

— Уверен больше, чем когда-либо за всю свою жизнь, — отозвался Инглиш. Словно он хоть в чем-то хоть когда-нибудь был железно уверен, но это уже совсем другая проблема.

Они не позволили старшему по высадке, Мэннинг или Траску вернуться на мостик. Не стоит, чтобы Мэннинг видела АПОТ-скафандр. Да и Траска втягивать незачем.

Приказ есть приказ. Они его получили. Инглишу предстоит выполнить грязную работу, и он ее выполнит.

Все время, пока капитан забирался в АПОТ-скафандр, его не покидало такое чувство, будто он делит скафандр с призраком. Сойер между тем взял на себя контроль над операцией.

Инглиш перекачал все данные в свою систему, быстро провел устную переключку.

Пока все шло хорошо: Девяносто Вторая захватила трех пленников живьем. Уже много. Кроме того произошло семь стычек, две перестрелки еще продолжались. Если, конечно, можно назвать перестрелкой ситуацию, когда ты вооружен полевым снаряжением, а твой противник отстреливается резиновыми пулями из игрушечного пистолета.

И все же они стреляют в тебя, а ты стреляешь в них.

Резиновая пуля в упор убивает не хуже, чем плазменный разряд. Инглиш напомнил об этом по общему каналу и подтвердил свой прежний приказ: все три команды, захватившие пленников, должны направиться к месту сбора и не пытаться помочь остальным парам.

Ему требовалось знать: где кто находится. И убедиться, что никто не забрался на территорию, куда им не следовало забираться. Инглиш не мог запретить этот сектор в открытую, поэтому приходилось соблюдать предельную осторожность. Подготовка потребовала от Инглиша и Сойера таких усилий, словно они собирались высадить десант на десять квадратных миль, кишящих хорьками.

Инглиш напряженно следил за координатами своих десантников все время, пока скутер стыковался с базой. Потом они с Сойером выпрыгнули наружу. Вперед уходил коридор, которым им довелось пройти только однажды. После перекрестка Инглиш и Сойер разделились. Сойер хлопнул лейтенанта по плечу — жест, который не регистрирует ни одна записывающая аппаратура.

Инглиш остался один и побрел по командному модулю в своей неуставной амуниции. АПОТ-ружье на изготовке.

Отыскав нужную дверь, капитан не стал стучать. Он попросту расплавил ее АПОТ-ружьем. Раздалось приятное шипение, и система воздухоочистки скафандра заработала значительно громче.

Кабинет с огромным столом не был пуст. Инглиш больше всего боялся, что там никого не окажется. Он опасался, что сукин сын смоемся, забьется в какую-нибудь нору, прихватив обличительную запись.

Но в комнате находился не Грант. Как раз в тот момент, когда Инглиш осознал это, его система АПОТ заработала на полную катушку, выжигая все, что имелось в районе стола, а в особенности электронику: компьютер с данными и топографическую систему.

Инглиш начисто забыл об эффектах АПОТ. Он видел... Некое другое место, пульсировавшее перед глазами: деревья, трава, люди... Люди разного возраста. Старые. Молодые. Люди с четырьмя руками... И покрытые шерстью птицы в зеленом небе.

Он не осознавал, что кричит, пока ему не удалось прекратить пальбу. Правая рука, сжимавшая ружье, горела так, словно побывала в пасти электрического угря. Но зато от внутренней стены кабинета Гранта не осталось и следа. Металлические переборки обрушились, запечатав кабинет и отгородив его от остального комплекса. Включилась противопожарная система. Со всех сторон хлынула вода.

Проклятие! Кто знает, что случится с этой АПОТ-системой, когда она намокнет. Инглиш поспешил убраться из кабинета, не позаботившись даже проверить, что осталось от тела человека, сидевшего за столом.

Не очень-то ему хотелось думать о нем.

Громя тяжелыми башмаками по командному модулю, он чувствовал себя настоящим чудовищем. Люди, завидев его, прятались, ныряя под свои столы. Женщины, заходясь в истеричном визге, забивались в боковые отсеки. Инглиш от души порадовался, что на скафандре не указано ни его имя, ни часть.

Его все еще беспокоили капли воды на щитке скафандра, на плечах, на ружье.

Однажды Сойер решил пострелять из такой штуки, устроившись в луже, и результат был просто кошмарный.

Прежде чем уничтожить костюм, Инглиш должен сделать кое-что еще. Капитан надеялся, что Мэннинг выполнила его приказ.

И, черт возьми, он был абсолютно уверен, что Сойер позаботился о своей части приказа.

На то, чтобы добраться до следственной камеры, потребовалось гораздо меньше времени, чем Инглиш предполагал. Он успел связаться со службой безопасности базы, переговорил пару раз с Сойером и проверил каждого из своих ребят. Он хотел убедиться, что никому не нужна его помощь, и он может заняться своим делом.

Он обязан закончить это дело ради себя самого, ради своих парней и ради всех, кто побывал на Бычьем Глазе. Но нельзя забывать и о долге, по крайней мере о долге перед друзьями.

Черт, Инглишу вдруг стало жаль того офицера Восьмого Шара, но только потому, что он никогда прежде его не видел. Каждый из его парней сегодня либо арестовал, либо пристрелил незнакомого человека. Нельзя давать волю чувствам. Командование Восьмого Шара в ответе за гибель группы Бета так же, как и в ответе за то, что эти проклятые скафандры АПОТ попали в то поле.

В ответе потому, что они попали в поле. Прогрессу, который обещает все более страшное оружие, не видно ни конца ни края. Вот только это оружие иногда вдруг оборачивается против своих. О том случае все давным-давно забыли, парни из штаба Восьмого Шара навесили на документы гриф строжайшей секретности, и все дела.

«Межведомственное Агентство по Поддержке, как же. Межзвездные Аморальные Подонки, вот вы кто». Ладно, может, Инглишу и повезло, и это был Грант.

Но ему не нужна была удача, ему нужна была уверенность. Все записи по высадке на Бычий Глаз, которых не оказалось в компьютере, хранились в компьютере Гранта. По его просьбе Мэннинг проверила это. А на его вопрос, какого черта ее потянуло в это дело, она ответила:

— Я... в ловушке, Инглиш. Как и вы, ребята. Из-за тебя и Сойера. Но мы с этим справимся. Послушай, Грант пошел на повышение. Он получит место на Земле. Нечего и пытаться поддеть его. Да, он выбрал вашу команду из-за меня, но ему удалось обскать меня, потому что я... привязалась... к вам, к «Красной Лошади». Так что нам придется с этим смириться. К тому же считается честью быть выдвинутыми из Быстрого Реагирования куда-нибудь в элитные части Разведки...

— Оставь, Мэннинг! Есть кое-что, о чем я хочу попросить тебя. Во имя чести.

И пока Мэннинг оправдывала его доверие.

К тому же в списке имелся резерв: два офицера разведки, которых можно узнать только по тому, как ониотреагируют на операцию.

Инглишу было приказано стрелять в любого из штаба Разведки, кто попытается бежать или направит на него пистолет. И теперь, вспоминая происшедшее, он был уверен, что видел пистолет в руке того парня, что прятался за столом Гранта.

Капитан отыскал комнаты, где располагался ненавистный аппарат, и осторожно заглянул внутрь. Он все еще прислушивался к болтовне, доносившейся из наушников, но они предварительно договорились с Сойером, что тот возьмет на себя все тактические указания. Инглиш вмешивался ровно настолько, чтобы записывающие шлемы его ребят зарегистрировали, что он принимал участие в операции.

В приемной, где вызванные на допрос должны были дожидаться своей очереди, имелось шесть дверей. Вскинув оружие, капитан вломился в первую и приказал перепуганному человеку, сидевшему перед компьютером:

— Убирайся отсюда и прихвати с собой остальных.

Убедившись, что парень успел хорошенько разглядеть его АПОТ-скафандр, причем тот был ему явно в новинку, Инглиш пальнул в компьютер из АПОТ-ружья. Чертов ящик как раз вещал в этот момент:

— Поместите ваше лицо в психо...

Компьютер разлетелся, как праздничная хлопушка, и Инглиш ощутил прилив радости.

Парень, которого он потревожил, уже вовсю колотил в остальные двери, но Инглишу пришлось выдворить еще троих допрашиваемых. Ничего. У этих АПОТ-скафандров такой вид, что никогда не догадаешься, кто же там внутри. К тому же никто и не пытался с ним спорить. Скафандр, в конце концов, даже не существовал. Еще не существовал.

Когда со всеми автоматами было покончено, Тоби Инглиш забаррикадировал дверь в последнюю комнату и сбросил АПОТ-скафандр.

В тот момент, когда он открывал дверцу шкафа, ему пришла в голову забавная мысль. С каким треском он может провалиться, если Соьер и Мэннинг не выполнили того, что он им поручил.

Но за дверью его ждал стандартный боевой скафандр, с эмблемой «Красной Лошади» на шлеме и его, Инглиша, именем под этой эмблемой.

Капитан чуть не рухнул, когда забрался в него. Потом он засунул АПОТ-снаряжение в тот же шкаф и выглянул в холл.

Убедившись, что в модуле никого не осталось, он скомандовал отбой своим парням.

Если после этого проклятый скафандр выплывет опять, Тоби Инглиш не будет иметь к этому ни малейшего отношения.

Он постоял какое-то время посреди пустого модуля, плазменное ружье на бедре, рука опирается на дверной косяк, забрало визора опущено, на внутреннем экране видно, как крохотные точки — его ребята — направляются к месту сбора.

Всегда странно стоять на месте, которое, как ты знаешь, перестанет существовать, как только ты нажмешь на курок.

Но никто не пострадает — больше никто. Каждый выполнил свой приказ, и Соьер только что подтвердил, что из Девяносто Второй никто не получил ни единой царапины.

— Займемся этим, ребятки. У меня тут засел один, никак не могу его выкурить. Тяжелое снаряжение и корабль в доке. Сектор 101А. Наводи, Траск: терять нечего, кроме оборудования и одного стрелка.

Потом он захлопнул дверь, сбил по пути сирену тревоги и побежал к транспортному туннелю.

Сбор был назначен на четырнадцать сорок пять, и ему не хотелось опаздывать. Он еще должен перетащить кучу данных из блока записи Соьера, чтобы все выглядело так, будто он и его скафандр доблестно сражались вместе с остальными, выполняя задание Командования Восьмого Шара по очистке военной базы «Зебра».

Когда раздался взрыв, замигали огни и завизжали сирены, Инглиш находился уже в туннеле. Только на секунду он позволил себе насладиться триумфом — ненавистные аппараты уничтожены.

Капитан включил общий канал и сказал:

— Отличная работа, «Красная Лошадь». Я сейчас буду. Офицер Мэннинг примет ваших пленников.

Ему вдруг захотелось отпустить пленных на все четыре стороны. Бедняги ведь могут оказаться невинны как младенцы. Но дело сделано, и пленные исчезнут точно так же, как исчез пленник «Охотников за Головами». Зато теперь уж скорее в аду выпадет снег, чем ублюдки из Восьмого Шара попросят Девяносто Вторую заняться чисткой: столько добра попорчено.

Просто надо понимать, как работает система, и не терять самообладания. Тогда практически все возможно. Особенно, когда нет записей с Бычьего Глаза, которые висят над тобой дамкловым мечом. Нет и ничейного АПОТ-скафандра.

Если уж после этого дела Девяносто Вторая непременно должна прославиться, то необходимо позаботиться о том, чтобы это была нужная слава. Вот и конец шпионам — может, в конце концов, они и в самом деле были агентами хорьков.

По крайней мере именно эти слова Тоби Инглиш собирался сказать своим парням. Их же он скажет и капитану Сто Двадцать Первой, когда отыщет его, а это произойдет как

только он покончит с письмами к семьям погибшей группы Бета.

Не стоит заставлять «Охотников» переживать всю ночь из-за того, что Девяносто Вторая отправилась поохотиться.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Новоиспеченный лейтенант Ле-Барик проснулся оттого, что ударился лбом об угол своего учебно-тренировочного куба. Скривившись, он разлепил глаза и на ощупь оценил размеры шишки. Взгляд, брошенный на хронометр, все разъяснил: его усталость — это следствие чрезмерного усердия в изучении Эдисона. Семь часов кряду — не шутка.

К тому же, помимо учебы, имелась еще и обычная служба. Если бы эти болваны почесались и подкинули бы ему побольше информации, то подготовка к экзамену не давалась бы с такой кровью. Но все данные находились в Порту, а пересылка огромных информационных массивов далеко за пределы Альянса требует немало времени. Он честно попытался вспомнить прочитанное, но его мозг был девственно чист. Ничего, утешил себя лейтенант, еще несколько часов крепкого сна — и он сможет вернуться к занятиям.

И в этот момент раздался писк переговорного устройства. Резко приподнявшись в командирском кресле, которое он занимал как исполняющий обязанности капитана, Ауро увидел, что его побеспокоила Ремра, пилот-хрубанка с корабля «Красный шар», являвшаяся его заместителем до возвращения Мейера.

— Мы получили приказ скорректировать орбиту, — проинформировала она. Разговаривать с неземлянами нелегко, но сейчас выражение ее лица подсказало, что она все поняла правильно. — Вы ранены?

Ауро попытался принять бодрый вид и машинально потрогал шишку. Завтра, наверняка, будет синяк.

— Да нет, ничего серьезного, — ответил он. — Я должен прибыть в рубку?

— Вообще говоря, да, — ответила Ремра. — Как и.о. капитана вы отвечаете за движение корабля. Даже если это стабильная орбита, а за управлением следят компьютеры флагмана.

Последовала короткая пауза. Ремра снова встревоженно взглянула на него.

— Ясно, иду, — принял решение Ауро. Малейшая оплошность накануне экзамена грозит ему дисквалификацией. Лучше уж самому проследить за всем — пусть даже за счет собственного отдыха. Никогда не знаешь заранее, что там могут натворить в твоё отсутствие.

Диана Дуэйн, Питер Морвуд. ОПЫЛЕНИЕ

Обнаружение Бычьего Глаза, привлечшее к Рою Малину и Минерве — разумному кораблю класса «Олимпус» — внимание Стратегического Планирования Флота, явилось несомненной удачей. Адмирал Ред Мейер превозносил их обоих до небес, пообещав Рою внеочередное повышение по службе — а затем объяснил, в каком случае. Что уж там говорить: они могли просто отказаться от выполнения миссии, но лукавая старая бестия сначала оставил им много удобных лазеек, но после всех насмешек по общему каналу возвращение стало невыносимым. А принуждать — адмирал никого не принуждал. Вот так они снова оказались здесь, в халианском секторе космоса, маскируясь под халианский перехватчик В — 4Бис «Фенсер», которым РМ — 14376 Минерва определено не являлась.

С убранными внешними системами разумный корабль представлял из себя не что иное, как искореженную глыбу металла, отдаленно напоминавшую цилиндр. И эта глыба некогда была десантным кораблем Альянса. Но он подвергся налету халианских кораблей во время битвы за Бычий Глаз и превратился в грудку металлолома. В один из тех кораблей, что Эйб Мейер и Ауро Ле-Барик — соответственно адмиральский внук и герой Вифезды — не сумели сохранить, несмотря на все головокружительные трюки, которые они вытворяли с грузовиками. Громкая слава обошла корабль и его экипаж стороной. Теперь это был лишь

один среди тысяч других обломков космического мусора, болтающихся глубоко в халианском секторе космоса.

И сорок часов назад сюда повернула огромная эскадра.

Операция называлась «Белая картечь». Флот уже почти неделю сшивался вблизи Бычьего Глаза, дожидаясь приказа. План, как всегда, был разработан с учетом всех возможных сценариев, все аргументы «за» и «против» были тщательно взвешены аппаратом Стратегических Советников. И все варианты подразумевали одну-единственную тактику: нанесение удара по противнику, сдерживание ответного удара и постепенное его уничтожение. Много проще было бы использовать план «Посейдон», согласно которому огромный флот дистанционно-управляемых кораблей расколол бы планету, как куриное яйцо, но... Но прежде всего требовалось оказаться на поверхности и собрать необходимую информацию о халианских рейдерах, о кодах и шифрах, о Синдикате. А эту задачу можно было решить только полномасштабным вторжением. А такое вторжение всегда означает, что на поверхности вражеской планеты окажутся люди. И их кишки тоже окажутся на поверхности...

И несмотря на риск огромных потерь, парни вроде десантников Ковача предполагали, что хорьки могут оказаться куда сильнее, чем хотелось бы. Каждый второй корабль в авангарде Флота был пикирующим штурмовиком, и на его борту находилось подразделение Быстрого Реагирования. Сто Двадцать Первая, как всегда, была выдвинута вперед. План назывался «Белая картечь», согласно ему с орбиты сначала должна быть произведена массированная бомбардировка избранных целей, после чего в бой должны вступить десантники. А такой сценарий означал только одно — огромные жертвы.

Перед тем, как подавить цели при помощи чисто военных методов — бомб и плазменных пушек, — требовалось еще одно. А именно: снизить боевой дух туземного населения Халии, а само население — по возможности — обескуражить. И вот в этом и заключалась миссия Минервы.

Первоначальный план Группы Стратегического Планирования Флота состоял в том, чтобы поджечь серию атмосферных бомб и испоганить атмосферу Халии изрядным количеством кобальто-ториевой смеси, да еще так, чтобы испепеляющий жар царил на планете столетия. После углубленного анализа стратегии пришли к выводу, что этот план не сработает, и не только потому, что девяносто семь лет — слишком большой срок для запекания хорьков на радиоактивном вертеле, но и потому, что, по самым оптимистическим оценкам, должно было пройти не менее двадцати лет после начала реализации проекта, прежде чем кто-нибудь сможет не только ступить на поверхность Халии, но и вернуться обратно и рассказать об этом.

Нейтронную бомбардировку отвергли по тем же причинам. Очень слабый взрыв при очень сильном лучевом поражении — достоинства хваленной нейтронной бомбы, известные из учебников истории, — имели значение непосредственно на поле боя да и то только в том случае, если мощность боеголовок не превышала одной килотонны. При обсуждении же операции на Халии речь шла самое меньшее о шести тысячах мегатонн. Массовое использование таких боеголовок могло привести к кумулятивному эффекту. И план «Посейдон» был отвергнут.

Специальная операция, известная как «Огненный лед», требовала лишь одного быстрого корабля, снаряженного грузом особой важности: биоразрушающим быстроразлагающимся реагентом, известным во Флоте под маркой GK — 2.

Это был сверхмощный нервнопарализующий газ.

Доставленный к целям, заранее классифицированным как пригодные для наземной штурмовки, GK — 2 убивал, выводил из строя или же, на худой конец, загонял в глубокие убежища всех потенциально опасных обитателей региона. Ни одно вооруженное существо не могло выжить без защитных средств, а шесть дней, проведенных в костюме спецзащиты и в противогазе, когда даже естественные надобности приходится отправлять прямо в костюм, выведут из строя любого. Стратегический и тактический анализ показал, что более быстрые

процессы метаболизма у халиан приведут к полной потере боеспособности их подразделений еще до того, как десантники ступят на поверхность планеты.

— Ну вот, опять к халианам, да еще нужно маскироваться под этих уродов, — недовольно проворчала Минерва. — Мы как-то уже занимались этим, и не могу сказать, чтобы мне нравилось.

— М-м-да. А ведь тогда ты вызвалась сама, — откликнулся Рой Малин, не отрывая взгляда от вскрытой панели. Ему, как «мускулу» разумного корабля класса «Олимпус», единственному человеку в экипаже, приходилось следить за всем.

— Управляемая капсула номер два, системный статус?

— Капсула два: все системы функционируют нормально. Стопроцентная готовность.

— Подтверждаю.

Постоянный анализ передач между панелью управления Минервы и двумя десятками капсул с канистрами нервно-паралитического газа, хранившихся в полостях разрушенного десантного корабля, осуществлялся при помощи сверхточных лазеров, исключавших всякую возможность перехвата информации и обнаружения. Однако Рой чувствовал себя глубоко несчастным каждый раз, когда требовалось нарушить режим полного молчания. До Халии оставалось менее пяти астрономических единиц, и это расстояние непрерывно сокращалось. Несмотря на заварушку у Бычьего Глаза, немало хорьков сновало и здесь. И все с наводстренными ушками.

В этот раз на борту Минервы находился пассажир — полковник Кулли из Двадцать Второй бригады Сил Быстрого Реагирования. Не говоря уже о том, что Кулли являлся офицером, это был первый десантник, на униформе которого Рой не увидел многочисленных побрякушек, которые так любят все десантники. Но зато Кулли обладал кое-чем другим. А именно, *наружностью*. Так мог выглядеть только прирожденный убийца.

Рой с беспокойством чувствовал, что главной причиной присутствия полковника Кулли на борту являлся он сам. А точнее — его неводержанность в словах. На предварительном инструктаже не было сказано ни слова о том, что на борту Минервы будет присутствовать кто-то еще, помимо обычного экипажа — по крайней мере до тех пор, пока «экипаж» не поднялся со своего места, не кашлянул, чтобы привлечь внимание, и не сообщил, что именно он думает об операции «Огненный лед».

Да, противниками являются проклятые хорьки; да, всем хорошо известна жестокость этих тварей; да, ГК — 2 разрешен законом, он ничем не хуже плазменных пушек. Но одна мысль о том, что в результате газовой атаки пострадает и гражданское население, вызывает у него отвращение. О чем Рой Малин и не преминул сообщить.

Пусть это было ничем иным, как желанием высказать наболевшее, но, поднявшись со своего кресла и приковав к себе взоры всех находившихся в зале. Рой допустил роковую ошибку. Он не пожелал придерживаться общепринятых правил и молча опуститься обратно. Рой был очень начитанным и хорошо образованным молодым человеком, а гнев прибавил ему красноречия. Словом, он наплевал на все авторитеты и правила приличия. Да еще перед Адмиралом Мейером и Десантным генералом Хьюго Стресснером. Учитывая богатую генеалогию их обоих, сравнение плана «Огненный лед» с деятельностью эсэсовцев не могло понравиться упомянутым особам.

Минерва, кое-как залатанная к этому времени, не сказала ничего. Ни тогда, ни в дальнейшем. Но Рой несколько не сомневался — она содрогалась от отвращения, насколько может содрогаться бронированный искусственный мозг. Он не счел нужным ознакомиться с ее бортовым журналом, в то время как Минерва дотошно изучила его послужной список. И сейчас Рой спрашивал себя, какие же миссии приходилось выполнять ей в прошлом, если ее обычно сварливый и довольно язвительный голос звучал теперь так тихо. И чем больше он размышлял над этим, тем меньше ему хотелось знать ответ.

— Как наш гость? — спросил он почти беззвучно. Когда Рой оставался в рубке один, он всегда говорил очень тихо.

— В своей каюте, лежит. — Ответ Минервы прозвучал ничуть не громче вопроса. —

Похоже, он спит.

— Ты уверена, что и в самом деле спит?

— Судя по датчикам, да. А что, подозрительно?

— Да нет, просто любопытно.

Если быть честным, то хотя и не подозрительно, но более чем любопытно. Рой задумался, почему Кулли вообще оказался здесь. Если ему поручили присматривать за потенциально ненадежным офицером, то безвылазно торчать в своей каюте — не самый лучший способ для выполнения задания. В рубке не было никаких мониторов или подслушивающих устройств: в противном случае Минерва обязательно предупредила бы полковника об этом. Но Рой все равно дотошно проверил кабину крошечным устройством, специально предназначенным для того, чтобы выявлять всевозможные жучки. И также безрезультатно. Минерве вряд ли понравился этот двусмысленный жест с его стороны, и с этого момента их троицу трудно было назвать по-настоящему дружным экипажем.

Нельзя сказать, что Рой не доверял Минерве: если говорить откровенно, он не доверял Кулли. Очевидно, хорошо подготовленный специалист способен сделать что-то такое, после чего мозг корабля не сможет вспомнить ничего из того, что он делал прежде. Да и в любом случае — именно это и терзало его больше всего — Рой ведь не собирался делать ничего, что могло бы помешать успешному выполнению задания. Проклятие! Ведь он офицер Флота, а не какой-то вшивый болтун-пацифист из тех, что и шумят-то лишь потому, что никогда не бывали под пулями... Эти болваны сроду не задумывались о том, что они сознательно отправляются туда, где их ждет ужасная смерть.

Рой любил смотреть фильмы по общедоступному омниканалу. У Ястребиного когтя из одноименного сериала друзья, как правило, погибали при спасении капитана или его разумного корабля Дервы. Они всегда умирали очень ловко и искусно, и легкие клубы дыма очень живописно поднимались от их горящих мундиров, и аккуратные струйки крови красочно вытекали из уголков их почти всегда улыбающихся губ. Они никогда не умирали, не произнеся свою последнюю остроумную до афористичности реплику, последнюю шутку, без которой невозможно достойно уйти в небытие... Но Рою приходилось видеть и не столь живописные сцены смерти. Плазменный разрыв в мгновение ока превращал человека в подобие хорька — маленькое, сморщенное существо, смердящее паленой свининой. А халианские пулеметчики действовали куда менее аккуратно. Человеческая плоть словно разрезалась цепной пилой, и вокруг разлетались клочья еще живого мяса.

Нет, если «Огненный лед» положит конец всему этому кошмару. Рой готов самолично доставить канистры с ГК — 2 к месту взрыва. Проблема состояла в другом: а поверит ли начальство в его верность присяге.

— Рой? — негромко произнесла Минерва. Голос не был встревоженным, но вместе с тем в нем имелось что-то такое, что заставило Роя, погруженного в размышления, чуть не подпрыгнуть от неожиданности.

— Да. Что случилось?

— Контакты. Сканеры дальнего обнаружения на экране... *сейчас*.

Четыре очень удаленных источника... Обычно это не повод для беспокойства, но Рой с Минервой никогда прежде не оказывались столь близки к тому, что разведка Флота однозначно интерпретировала как родную планету халиан. Конечно, прежде разведка твердила то же самое и про Бычий Глаз, и даже про Цель — но в этот раз, похоже, разведчики оказались и в самом деле близки к истине. В пользу этого заключения говорило гораздо больше факторов, чем против него, и даже если все они *ошибочны*, было бы абсолютно логичным напасть на столь же жизненно важную для хорьков планету, как и Бычий Глаз.

— Попытка идентификации, — сообщила Минерва и занялась процедурой сравнения. Усилив разрешение и чувствительность пассивных датчиков так, что сигнал оказался разбит на отдельные элементы, Минерва терпеливо анализировала данные. На экране мельтешила невразумительная рябь.

— А, черт побери! — воскликнула Минерва расстроенным голосом и вернула датчики в нормальный режим. — Слишком далеко. Но они приближаются к нам с субсветовой скоростью. Скоро мы будем знать достаточно.

— Отлично. Какие идеи?

— Идеи? Это призраки. Перейти в состояние два, «желтая» тревога. — На панели управляющей системы замерцали янтарные огни. Рою почудилось, что Минерва внимательно наблюдает за ним. И что еще неприятнее, она словно взвешивала правильность его действий.

— А как же с полковником, Рой? — вкрадчивым голосом поинтересовалась она. — Могу я сообщить ему, или же...

Рой слегка развернулся в кресле и улыбнулся прямо в камеры Минервы.

— Да брось! Я... эээ... я думаю, сигнала звуковой тревоги будет вполне достаточно. Включи-ка пищалку.

Минерва взревела со всей мощью, на какую только была способна. Хоть Рою доводилось слышать ее сирену и прежде, все равно он чуть было не выпрыгнул из своего кресла. Полковник Купли прибыл в рубку еще до того, как смолк рев сирены, на его лбу отчетливо виднелась красная ссадина. «Так ты и в самом деле спал», — мрачно подумал Рой. Он был сантиметров на пять ниже полковника, и его синяки в подобных ситуациях (какой только идиот-конструктор спроектировал стойку прямо над изголовьем койки) располагались как раз на пару дюймов выше, чем сейчас у полковника.

— Что случилось? — Черт его подери, если Купли является не тем, кем кажется: заурядным и хвастливым полковником-десантником, пусть даже выражение лица у него в точности, как у супермена из комиксов.

— Основной экран, полковник, — вежливо сообщила Минерва и вывела на экран не только изображение зарегистрированных источников, но и вектор скорости. — В этой зоне объект вряд ли окажется дружественным, так что я и поступила соответствующим образом.

— Мм-м-да, — неопределенно промычал Купли. Затем он сконцентрировался, на лицо его набежала гримаса сосредоточенности. — Да. В самом деле. Отлично, РМ — 14376. Разумеется, вы действовали абсолютно правильно.

— Благодарю вас, сэр.

Если бы Рой не прослужил с Минервой целый год, сарказм, скрытый в ее словах, наверняка прошел бы и мимо него. Он склонился над приборной панелью, не в силах сдержать улыбку. За это ощущение Рой готов был простить Минерве все ее прошлое, сколь бы двусмысленным оно ни было.

— Капитан, — послышался голос Кулли, — чем вы сейчас заняты?

— Рассчитываю курс перехвата, сэр. — Рой через плечо взглянул в прозрачно-холодные глаза полковника. — Просто на всякий случай.

— Оставьте это.

— Сэр?

— Инженеры Флота немало потрудились над этим кораблем, и ваш «курс перехвата» — бессмысленное и бесполезное занятие.

— Сэр... — Это было просто предупреждение, не больше. Рой не хуже Кулли понимал всю важность маскировки. Кроме всего прочего, ему совершенно не понравилось, что с ним обращаются, как с непослушным и не очень умным чадом.

— Призраки начинают торможение, — сообщила Минерва холодным, бесстрастным голосом, который она приберегала для реальных боевых ситуаций. — Расстояние: шесть-два-ноль-ноль. Курс: зеленый-зеленый один-один-пять, приближается. Сканеры работают в активном режиме. Нас захватили. — Пронзительно заверещала сирена, подтверждая слова Минервы. — IFF/ID подтверждение: противник. Халиане, два корвета класса Дельта-К и два фрегата Форгер-В. Радиосообщения не зарегистрированы. Враг приближается: расстояние пять-восемь-ноль-девять.

Меньше шести тысяч километров — это уже чересчур близко. Не обращая никакого

внимания на полковника Кулли, Рой бросился лихорадочно щелкать кнопками на панели управления, включая боевые системы. В случае необходимости можно опять вернуть их в режим ожидания, но Рой на собственном опыте убедился, что хорьки обычно не дают противнику форы. При всем своем притворном безразличии он явственно ощущал взгляд полковника, напряженно наблюдавшего за его действиями. Словно кто-то прижал к его затылку две раскаленные монеты. Разумеется, Рой понимал, что ничего такого и в помине нет, но легче от этого не становилось.

Минерва занялась визуальным подтверждением его операций, в то время как сам Рой бормотал про себя заученную наизусть последовательность операций. «Разблокировать турели. Перевести в боевую готовность рассеиватели ловушек и отражатели. Разрывные заряды и заряды отрыва — в режиме ожидания. Цикл предварительного разогрева щитов и пушек завершен. Программная телеметрия в норме, пассивный контроль цели в норме. Захват цели — девяносто секунд. Мы готовы настолько, насколько вообще можем быть готовы».

— В самом деле, капитан Малин, — послышался бесстрастный голос полковника Кулли. — Этот корабль защищен от наружного сканирования, как ни один другой корабль Флота, и несмотря на все то, что вы тут натворили, халиане все еще не в курсе, что мы подбираемся к ним. — Его правая рука легким взмахом пронеслась над панелью, и указательный палец отследил все переключатели, которые Рой только что перебросил в положение боевой готовности. — После всего этого я вынужден буду отдать вас под трибунал, и тогда посмотрим, что они скажут обо всем этом... космическом... э, комическом героизме. — Он сделал шаг назад и повернулся к основному объективу Минервы. — РМ — 14376, дайте внешний обзор. На основной экран.

— Полковник... — начала было Минерва, но тут же замолчала в нерешительности. Ее голос звучал несколько странно, и на мгновение у Роя зародилась мысль, что она готова открыто выступить в поддержку принятого им решения. Но тут его напарница завершила фразу, и он понял, что она размышляла о более насущных проблемах. — Полковник, через сто шестьдесят семь минут бандиты окажутся на расстоянии, позволяющем вести пассивное наблюдение. — Она вновь помолчала. — Наблюдение невооруженным глазом. — Последнее замечание было явно лишним и прозвучало довольно оскорбительно, но Рой был благодарен Минерве. Эти слова сказали ему гораздо больше, чем проникновенные речи в его защиту. — Открыть диафрагму наблюдательного порта? — осведомилась Минерва.

Кулли перевел взгляд с объектива разумного корабля на «мускула» и тонко улыбнулся. Он осторожно опустил в командирское кресло, просмотрел положения переключателей, легонько постукивая по ним кончиками пальцев, и наконец перебросил один из тумблеров. Ничего не произошло, лишь улыбка на лице полковника стала шире.

— Ради всего святого, РМ — 14376. Откройте хоть все, если вам так нравится. Но сначала следует погасить все внутренние огни и перевести систему в режим ручного управления. Вы поняли меня?

Последовало несколько невыносимо долгих секунд, в течение которых из акустически совершенных динамиков Минервы (больше неоткуда) раздавалось странное шипение.

— Да. Я поняла вас. Сэр.

Освещение командирской рубки сначала поблекло до кроваво-красного аварийного, затем погасло совсем.

— Готово. Управление передано вам. Сэр.

— Отлично.

Рой никогда не видел ничего подобного — поскольку корабль ни разу еще не погружался в столь непроглядный мрак. Полковник Кулли в абсолютной темноте, похоже, чувствовал себя как рыба в воде. Это явно была более естественная для него среда обитания, чем яркий свет. Чувство ответственности за корабль, за его смертоносный нервно-паралитический груз, за жизнь экипажа, в абсолютной темноте обострилось до предела.

Прошло всего несколько секунд, и створки основного наблюдательного порта

раскрылись. Использование старинного термина «диафрагма» для обозначения современного технического устройства было, вообще говоря, забавным анахронизмом. Тяжелые бронированные створки скрылись в щелях корпуса, обнажив широкое окно из прозрачного стекла. Рой прежде и понятия не имел, как много света дают звезды. Прежде всякий раз, когда он смотрел в наблюдательный порт непосредственно, а не с помощью телемониторов, за его спиной горел хоть какой-то свет, и картина была совершенно непохожа на эту алмазную роскошь.

Однако не все бриллиантовые искорки являлись звездами. Четыре из них двигались, увеличивались в размерах, приближались... Постепенно стали проступать знакомые формы. Это были боевые корабли халиан.

— Скорость падает, — дoloжила Минерва. — Курс прежний. Через семьдесят секунд они пройдут прямо перед нами.

Корабли халиан находились уже так близко, что Рой разглядел сине-фиолетовые лучи тормозных двигателей: корабли сбрасывали скорость, собираясь маневрировать. Он и не представлял себе прежде, насколько велики корабли хорьков... и как они страшны на вид. За эти семьдесят секунд, промелькнувшие как одно мгновение, вражеские корабли перестроились, вплотную подойдя друг к другу; для тяжелых судов такое построение чрезвычайно опасно. Корабли халиан на мгновение перекрыли все обзорное окно, а потом стали уменьшаться, удаляясь все дальше и дальше.

— А они заинтересовались нами, — заметил Рой к вящему удовольствию полковника Кулли. — Вдруг они решат, что эта глыба представляет опасность для местного грузового сообщения, и расстреляют нас из плазменных пушек? А вдруг Флот?..

— Скорее всего это бакенщики. — Лицо полковника оставалось невидимым, но голос звучал абсолютно спокойно. — Никто не станет тратить боеприпасы на безобидный астероид.

— Я готова разделить вашу уверенность, полковник, — сказала Минерва. — Поскольку именно меня они бы и уничтожили в первую очередь. — Она ненадолго замолчала, переваривая новый поток данных о халианах, продолжавших тормозить и потихоньку разворачиваться. — Кстати, я никогда прежде не слышала о том, что халиане ставят маяки на разрушенных фрагментах. По-моему, они предпочитают переплавлять одни и уничтожать другие. И что бы там хорьки ни задумали, похоже, они собираются действовать немедленно.

Створки наблюдательного порта вновь плотно закрылись.

— Я взяла управление на себя, полковник, — мягким голосом сообщила Минерва, поставив полковника перед свершившимся фактом. — Для того, чтобы включить внутреннее освещение. Если вы согласны отказаться от ручного управления, мы переходим в состояние скрытой боеготовности... *прямо сейчас*.

То ли Кулли согласился, то ли Минерва сама перехватила управление, но командирская рубка осветилась малиновым мерцанием, соответствовавшим тревоге Номер Один. Системы управления вооружением вновь ожили.

— Только пассивное слежение, полковник, — вкрадчиво продолжила Минерва. — Разумеется, вы уже и сами поняли это. Я не буду переводить ни один комплекс в активное состояние до тех пор, пока у нас не останется иного выбора.

— Теперь нас приперли к стенке, — внезапно произнес Рой.

— Положительный захват целей один и три, данные цели поступили в системы управления торпедами... Вторая и четвертая входят в зону огня... захват! Мы крепко держим их. Если... — он повернулся к панели управления огнем и заложил руки за голову, — если мы хотим открыть огонь, то это нужно делать прямо сейчас. Ради спасения всей миссии, полковник. — Угроза Кулли относительно трибунала была куда более серьезна, чем Рою казалось. Капитан был рад перейти в наступление. Хотя бы чуть-чуть. Его удивило, что полковник спокойно выслушал это предложение. Рой был уверен, что Кулли отнюдь не шутил.

— Хорьки осуществляют глубокое сканирование всей поверхности корабля, —

сообщила Минерва. — Корпус, капсулы, носители... все. Надеюсь, полковник, что Флот выполнит поставленные задачи, иначе... — Продолжение не требовалось.

Ни один мускул не дрогнул на лице полковника Кулли, но Рой, внимательно наблюдавший за отражением Кулли в зеркальной поверхности панели управления, заметил, как по виску стекает струйка пота. Этот железный супермен на поверку оказался самым обыкновенным человеком, и перспектива неумолимо надвигающегося боя заставила его таки вспотеть. Некоторое время Рой наблюдал за полковником, отметив еще ряд признаков невыносимого напряжения, и в который уже раз пересмотрел свои представления о Кулли. Полковник был для него уже не разведчиком, призванным надзирать за ним, а человеком, который за непроницаемой маской пытается скрыть самый обычный страх. Именно страх делает человека невероятно храбрым и одновременно невероятно жестоким.

Кулли отлично подходил для такого задания — неважно, разведчик он или нет. Он лучше других представлял себе, с чем столкнутся десантники, если операция «Огненный лед» потерпит провал.

— Халиане в двух километрах от станции, — доложила Минерва. — Они продолжают сканирование. Пока простая разведка — цель не подсвечивается. По крайней мере пока. Полковник, если потребуется, я могу уничтожить всех четверых раньше, чем успеют сообразить, что происходит. Ваше мнение?

Кулли на раздумья потребовалось лишь несколько секунд, но Рою — а Минерве тем более — это время показалось вечностью. Наконец он заговорил.

— Отложить атаку. — Суровое дребезжание исчезло из его голоса. — Сохранять полную маскировку... при регистрации облучения системами наведения нанести удар. По моей команде, под мою ответственность. Уясните себе это.

— Есть, сэр, — спокойно ответил Рой. Впервые он почувствовал уважение к полковнику. — Должным образом зарегистрировано и отмечено в бортжурнале. — Кулли глянул на него и легонько, почти незаметно утвердительно кивнул; это было большее, что «можно ожидать от столь хладнокровного офицера. Это слегка отличается от обычного лайнера, полковник. Вы начинаете понимать, что чувствуют люди на боевом корабле, что чувствуют те, кто готовит десант. Не так-то это просто, не правда ли?»

Теперь все зависело в первую очередь от рефлексов Минервы; сможет ли корабль выдержать первый удар ракет и плазменных пушек. Если бы этот вопрос стоял перед ним только теоретически и задан был где-нибудь в мирной и спокойной кают-компании Порта, Рой поставил бы без раздумий на замаскированный «Олимпус». Но здесь ситуация выглядела совсем в ином свете. Мощные сканеры сразу обнаружили бы открытые торпедные люки и пышущие жаром жерла плазменных пушек... Он по-прежнему готов был поставить пару монет — а также свою жизнь — на быстроту реакции Минервы. Впрочем, у него и не было особого выбора.

— Они снова набирают скорость, — сообщила Минерва. Ее голос был абсолютно спокоен. Индикаторы на боевой панели управления снова замерцали зелеными огоньками. Разумеется, халиане не могли зарегистрировать ни малейшего изменения статуса боеготовности «летучего голландца», а режим полной боеготовности давал Минерве несколько дополнительных миллисекунд. Так, на всякий случай. К тому же увеличение мощности двигателей хорьков могло означать все, что угодно — в том числе и подготовку к тому, чтобы разнести на отдельные атомы неожиданное препятствие на грузовой трассе, или же...

Все датчики управления огнем Минервы внезапно погасли. Рой буквально взмок от ужаса, но в то же мгновение послышался голос — теперь он звучал так спокойно, как никогда прежде.

— Их двигатели вновь включились на полную мощность. Похоже, они уходят окончательно...

«Мускулу» успокоиться было гораздо сложнее. Пальцы Роя с такой силой сжали гашетки плазменных пушек, что он с отвращением отметил, каким скользким вдруг стал

шероховатый пластик.

«Поразительно, — подумалось ему, — как это мы исхитряемся путешествовать в гиперпространстве с мокрыми ладонями...»

Он переключил все бортовые системы из пассивного режима в режим слежения и вывел на основной экран визуальное изображение и данные графической телеметрии. Картина получилась великолепной. Расстояние росло с поразительной, успокаивающей скоростью — три кабельтовых, пять, двенадцать — такое ускорение заставляло думать, что халианские корабли вновь ускоряются до своей нормальной субсветовой скорости. Только теперь они удалялись.

Когда вражеские корабли снова превратились в серебристые точки, мерцающие на экране тактического дисплея, полковник Купли издал звук, какой мог издать только человек, задержавший дыхание на удивительно большой отрезок времени. Рой не улыбнулся и не произнес ни слова, лишь глянул в основной объектив Минервы и заговорщически подмигнул. Он словно сказал своей напарнице:

— Я думаю, все закончилось как нельзя лучше.

И в самом деле все было нормально — но только до тех пор, пока он не вспомнил, что им предстоит уничтожить целую планету, известную Флоту как Халия. От этой мысли ему стало тошно.

Разведке Флота было хорошо известно, что огромное число хорьков бежали с Бычьего Глаза перед последней атакой десантных частей Быстрого Реагирования. Столь же хорошо разведчики знали, что для побега халианам потребовалось как минимум несколько сотен кораблей. Хорьки рассеялись по космосу и принялись нападать на отдельные корабли или маленькие группы. Большие флотилии они не трогали.

И только у Халии были сосредоточены основные силы халиан. Силы, призванные защитить родину.

Искорки, заполнившие экран, служили лучшим подтверждением того, что РМ — 14376 и в самом деле рассматривался как цель. Разумеется, их было гораздо больше, чем предполагала разведка, не знавшая практически ничего о силах защитников планеты и их локализации.

Даже полковник Купли позволил себе несколько беспощадных комментариев, по которым можно было понять, насколько же они все ошибались.

— Уловка — 22, — сказал он с мрачной улыбкой. — Максима майора Мэрфи. Никто не думал о доставке стратегических вооружений на Бычий Глаз, а эти твари, — он указал на забитый бликами экран, — с легкостью унесли ноги. И теперь проклятые хорьки собрались здесь, чтобы остановить нас. По крайней мере они так думают... — Зловещая улыбка появилась в уголках его огромного, похожего на мышеловку, рта. — Что вы думаете об этом, капитан?

Рой Малин взглянул на полковника в замешательстве, в этот момент он думал о том, как прозвали Кулли за эту крокодилью пасть.

— Мне кажется, полковник, что вы вполне могли бы задать этот вопрос Минерве.

Купли неопределенно потянулся, и этот жест означал скорее равнодушие, чем извинение.

— Простите, — сказал он, но его вид меньше всего свидетельствовал о желании извиниться. — У нас в десанте всегда так, когда мы имеем дело с искусственным интеллектом. Искусственные, РМ — 14376, Минерва то есть, имеют определенные привычки.

— Не думайте об этом, полковник, — откликнулась Минерва. — Когда люди впервые оказались на борту корабля, потребовалось определенное время, чтобы мы тоже привыкли к ним.

Рой улыбнулся про себя; Минерва всегда очень деликатно обходилась с теми, кто пытался относиться к ней покровительственно. Границу легкого сарказма она никогда не переступала, а этот самый легкий сарказм доходил до тех, кто мало общался с ней.

— Я полностью согласна с мнением моего «мускула» о тех, кто задает вопросы в неподходящее время. — Зрачок, затерянный в оптике ее объектива, удивленно расширился. Рой сразу понял, что она имела в виду, и слегка покраснел.

— И все-таки я задам вопрос. — Улаживать допущенную ошибку было уже слишком поздно. Гнев, вызванный безобидным подтруниванием, еще раз показал, насколько неважно обстоят дела у полковника с юмором. — Что ваша тактическая программа говорит о нынешней ситуации?

— Вот. — Два экрана на мгновение погасли, а затем заполнились многочисленными графиками. — Мы с Роем обладаем огромным преимуществом перед остальными подобными экипажами во всем Флоте: нам уже приходилось бывать в подобной ситуации. Когда мы нашли Бычий Глаз. — Данные и графики замелькали на экране слишком быстро, чтобы можно было хоть что-то разглядеть. Минерва явно собиралась прочесть небольшую лекцию. Детальный инструктаж последует позднее. — Стандартная процедура: когда мы приближаемся к орбите, боеголовки каждой капсулы получают наводку на цель, которая уточняется прямо на месте. Потом мы освобождаемся от зарядов, которые не только ослепляют сканеры хорьков, но и создают тысячи больших фрагментов. Вот среди этих фрагментов мы и можем затеряться. Я, разумеется, и визуально и электронно буду идентифицироваться как корабль халиан. Так что проблем не должно возникнуть. Удовлетворены, полковник?

— Я часто задумывался, почему никогда не доверял кораблям вроде Минервы, — сказал Купли. Он улыбался, но улыбка лишь скрывала его истинные чувства. — Теперь, похоже, в этом я разобрался. Вы все в душе — школьные педанты. Да, я и в самом деле удовлетворен. Но не до конца. Все это слишком складно, чтобы выглядеть правдоподобно. А как насчет гибкой ответной помехи?

Минерва, похоже, только и ждала этого вопроса. Она, разумеется, ничем не показала своего отношения к реплике Кулли. Скорее наоборот.

— Здесь у меня есть даже определенное преимущество: несмотря на множество кораблей на орбите, здесь нет ничего похожего на отлично организованную оборонительную систему Бычьего Глаза. Нет беспилотных капсул, сканеров дальнего поиска и самое главное — нет орбитальных платформ. Одни корабли. Корабли, экипажи которых совсем недавно были разбиты и вынуждены отступить сюда. Экипажи, состоящие из усталых и деморализованных существ. А поскольку мы уничтожили главное ремонтное предприятие халиан, то суда постепенно выходят из строя. Мы захватили уже достаточно халианских кораблей, чтобы разобраться в принципах их внутреннего устройства: они имеют модульную структуру, и ремонт сводится к замене целых устройств. А этих устройств больше нет, полковник. Халиане даже не могут опуститься на поверхность — я очень сомневаюсь, что эти небольшие площадки способны принять огромные боевые корабли.

— Они могли перевооружить истребители орбитальных оборонительных комплексов, — возразил Купли. — В отличие от вас я вижу наше преимущество в использовании незапрещенных видов атмосферного оружия.

— Мне казалось, что «Огненный лед» именно таким оружием и является.

— В конечном итоге — да. Это вспомогательная операция, Минерва, операция поддержки. Если вы еще раз просмотрите записи основного инструктажа, то лучше поймете это.

Минерва попыталась что-то сказать, но запнулась. Пауза затягивалась. Минерва занималась чем-то, что полностью приковало к себе ее внимание. Когда она заговорила вновь, ее ледяной голос был полон гнева.

— Теперь я знаю, полковник. И знаю больше, чем вы думаете. Я знаю, например, что на планете начисто отсутствуют средства, способные обеспечить NBC-противодействие. У них вообще нет ни сил, ни средств.

— ЧТО???

— В отличие от своего «мускула» я могу контролировать какое угодно число

параметров. Я управляю бортовыми системами РМ — 14376, непрерывно наблюдаю за хорьками, веду эту милую перебранку с вами и, кроме того, управляю обзорной камерой, следящей за всеми халианами на орбите. Полковник, здесь обитает первобытная цивилизация. Сами взгляните. Оба.

Компьютерные изображения мелькали на экранах со скоростью, в два-три раза превышавшей нормальную, выше нормальной. Минерва продемонстрировала спектрографические, термографические обзоры, доплеровские смещения объектов и простые снимки в инфракрасном диапазоне. Ни на одном из снимков не было ничего, способного приковать внимание. Аппаратура Минервы предназначалась для поисков современных энергоисточников, но, кроме звездных полей и нескольких ярких пятен, внешне очень напоминавших реакторы и выглядевших на безжизненном фоне столь же анахронично, как и средневековые башни, она не зарегистрировала ничего.

— ...лишь туземное население, которое, по замыслам группы Стратегического Планирования Флота окажет нам сопротивление — но только когтями и зубами, — ядовито закончила Минерва. — Да, их там как раз столько, сколько и должно быть — ведь «туземное население» еще очень молодо!

Рою нечасто доводилось видеть напарницу взбешенной. Минерва понимала, что ей суждено многие годы провести с Роем Малином, а потому запаслась спокойствием. Но сейчас ее прорвало. Им поручили «добровольно» выполнить очень грязное дело. Грязное, несмотря на благородную упаковку. Да, их задание должно положить конец затянувшейся войне. Но, с другой стороны, это ничем не прикрытый геноцид. И неважно, чем он вызван — недостатком информации, или же, напротив, переизбытком дезинформации, или, наконец, образом мышления, который Рой был счастлив не разделять, — как бы там ни было, картина теперь представлялась совсем иной.

— Вы были осведомлены об этом, полковник Кулли? — спросил Рой, в душе надеясь, что сидящий в соседнем кресле человек кивнет утвердительно. Тогда бы он мог с полным правом разmozжить ему башку. Рой с радостью проделал бы это с каждым, кто связан с проектом «Огненный лед». И с полковником Кулли в первую очередь.

Полковник поднялся и медленно произнес то, что Рой больше всего боялся услышать.

— Я знал ровно столько же, сколько и вы.

Полковник не клялся, не пытался продемонстрировать оскорбленную непорочность; лишь легкое отвращение слышалось в его голосе. Если он и в самом деле знал хоть что-то, то с такими актерскими способностями ему нужно было бы выступать на сцене, а не сидеть в рубке корабля во враждебном секторе пространства.

Рой покраснел, потом побледнел. Он в бешенстве сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, что его не только провели как щенка, но еще и *употребили*.

— Что теперь будем делать? — спросил он наконец, с удивлением отметив, что голос его тверд.

Кулли внимательно посмотрел на экран, на цифровые данные целей. До халиан уже было около одной астрономической единицы.

— Мы слишком далеко зашли... — медленно начал он, но осекся.

Рой внимательно следил за лицом полковника, теперь для него не составляло труда прочесть мысли Кулли. Через шесть дней десантные части Быстрого Реагирования будут уже на месте, готовые к высадке, надеясь, как прежде случалось надеяться и ему самому, что подготовка проведена в полном соответствии с замыслом, а если дело обстоит не так, то им придется надеяться только на самих себя. Теперь он оказался в шкуре тех, кто спланировал операцию — и не мог думать об этом без содрогания. Знали они правду о Халии или не знали — теперь не имело никакого значения. «Огненный лед» должен сработать. Как только управляемые капсулы достигнут своих целей — а в каждой капсуле находилось по тридцать управляемых элементов, — нервно-паралитический агент GK — 2 попадет в атмосферу и сделает ее неспособной к сопротивлению извне.

А также уничтожит и все формы жизни, кроме разве что растительной. Но и она вскоре

погибнет, так как на планете не останется насекомых и некому будет опылять осиротевшую растительность. Халия обретет девственную чистоту, и ей останется лишь ждать, когда жизнь опять зародится в глубинах ее морей. Или же когда эту жизнь скинут со звездолета, на котором прибудут толпы биологов.

Со всех точек зрения, это будет конец. Финал.

А что подумают о них с Минервой десантники и вообще весь Флот после того, как пройдет первоначальная эйфория победы? Вспомнят ли тогда о тех жизнях, что они спасли, или же о тех, что погубили? Они найдут слова, чтобы извинить подлость, спрятанную в ловких фразах приказа, но кто найдет слова, способные снять груз с совести? Смогут ли они спокойно спать по ночам, смотреть людям в глаза или хотя бы в отражение своих собственных в зеркале. Разумеется, они просто выполняли приказ; но подобное оправдание со времен Натана Хэйла сильно дискредитировано.

— Капсулы можно перепрограммировать. — Голос Минервы неожиданно нарушил тягостное молчание, предложив не извинения и не объяснения, а возможный выход из ситуации.

Оба офицера повернулись к основному объективу Минервы. Лицо Кулли оставалось непроницаемым, сдержанным и нейтральным; это было лицо человека, которому хорошо известно, что простые на первый взгляд пути выхода иной раз создают куда больше проблем, чем сама первоначальная ситуация.

А Рой... Рой не скрывал ничего. Словно тяжкий груз свалился с его плеч, и мрачное лицо капитана внезапно осветилось. Легкая улыбка заиграла на его губах, но Рой заставил себя собраться.

— Объяснитесь! — потребовал Купли.

Одержимый дотошностью, неотличимой от равнодушия, полковник явно не собирался выпускать наружу свои тщательно спрятанные эмоции. Во всяком случае, без достаточных на то оснований.

— Отделение пройдет нормально, — сказала Минерва.

Рой уже понял, что она имеет в виду. Он чувствовал, что волна радости вот-вот захлестнет его. Минерва, похоже, испытывала такие же чувства.

— Конструкция зарядов предусматривает, что они будут имитировать падение обломков разрушенных кораблей благодаря торможению в верхних слоях атмосферы и гравитационным силам. За исключением капсул, которые имеют собственные двигатели. Капсулы под прикрытием облака мелких фрагментов и обломков займут предварительно заданные позиции на синхронных орбитах вокруг Халии. Как только они окажутся там, высшее военное командование халиан, или планетный совет, или как там у них называется верховный орган управления, будет извещен об этом и получит шанс... — тут из динамиков послышались звуки, весьма напоминавшие смущенный кашель, — ...получают шанс на почетное перемирие.

— Вы забыли одну вещь. — Голос полковника Купли был столь же бесцветен, как и его лицо. — Затянувшаяся война и большие потери, которые понесли обе стороны, привели вас к мысли, что перемирие — это то, о чем все люди могут только мечтать. Но к десанникам, которых я хорошо знаю, это не относится. Как и к тем, кто смотрел передачи по омниканалу все эти годы. Подставьте в свою формулу термин «безоговорочная капитуляция», и посмотрим, согласятся ли халиане с таким поворотом дела. Мне кажется, что они скорее сдохнут. — Тут полковник Кулли усмехнулся, ощерив свою ужасную пасть. — Конечно, с семьсот двадцатью канистрами бинарного GK — 2 мы можем принудить врага к чему угодно.

Неожиданно дискуссию прервал сигнал тревоги, раздавшийся из сканера Минервы и сообщивший, что корабль облучен широкополосным импульсом системы дальнего предупреждения халиан. Никаких следов подсветки цели или работы датчиков управления огнем не было, поскольку все внимание хорьки сосредоточили на ближнем космическом пространстве, а не на летающих вокруг изуродованных обломках жертв космических

сражений последнего месяца. Теперь уже не имело никакого значения, кто в тех боях одержал победу, а кто проиграл — они остались в прошлом, и теперь значение имело лишь будущее.

Вплоть до того момента, когда внезапно все датчики словно обезумели.

Когда индикаторы в рубке замерцали тревожным малиновым цветом тревоги, а боевые системы включились, дискуссия о моральной предосудительности прекратилась мгновенно. На основном экране Минервы появился источник тревоги.

К ним приближались четыре военных корабля: два корвета класса «Дельта-К» и пара фрегатов «Форгер-Б». Они двигались на максимальной скорости, и их датчики целей светились ярким рубиновым цветом... Даже Минерва замолчала, не сразу поверив в возможность такого совпадения.

Эти четыре корабля были тем самым патрулем, с которым они столкнулись незадолго до этого. Теперь они возвращались с боевого дежурства и внезапно наткнулись на тот же самый огромный обломок, который однажды уже привлек к себе их внимание в открытом космосе. Но теперь они двигались на парковочную орбиту вокруг Халии, и встретить его здесь попросту не могли.

Среди слов, использовавшихся во Флоте и во всем Альянсе для характеристики врагов, слова «безмозглые» и «тупицы» никогда не встречались. Даже ребенок — или новичок — при помощи необходимых инструментов мог легко вычислить, что этот огромный обломок отклонился от своей прежней траектории на несколько сот миллионов километров. Настоящий и последующие гравитационные «колодцы» газовых гигантов из внешних планет халианской системы могли как угодно изменить траекторию полета любого «летучего голландца», даже отшвырнуть его обратно во внешний космос... Но для этого требовались маневренные двигатели и хоть кто-то или что-то на борту, что могло бы воспользоваться ими... Именно это и высматривали теперь хорьки.

— У нас проблемы, — сказала Минерва несколько отстраненным голосом, поскольку большинство ее систем либо были заняты программированием капсул «Огненного льда», либо приводили в боевую готовность собственные средства обороны, так что незадействованных компьютерных ресурсов хватило только на то, чтобы в общих чертах смоделировать речевую фразу.

Купли бросил на экран один-единственный взгляд и нахмурился.

— Поясните, — сказал он.

Да уж, когда полковник встревожен, подумал Рой, многословностью он не отличается, впрочем, как и особой выразительностью. Пока Минерва занималась своими делами, ее «мускул» погрузился в то, что сейчас всех интересовало особенно остро — в анализ намерений противника. Миролюбивое самодовольство уступило место предельной собранности. Пальцы Роя забарабанили по клавиатуре с поразительной скоростью. Капитан испытывал прилив сил, как всякий человек, подошедший к последней черте. В мгновение ока он построил грубую компьютерную модель предстоящего столкновения.

Рой делал это отнюдь не только из-за Кулли. Модель, мерцавшая на экране, вводилась непосредственно в чип системы ручного управления огнем — ведь даже на разумном корабле постоянно возникают — и всегда будут возникать — ситуации, когда человеку приходится брать на себя всю ответственность и действовать на свой страх и риск.

Гашетки орудий являлись одним из способов подобных действий. В Академии Флота невозможно было симитировать реальную боевую ситуацию, когда воздух заполнен густым дымом горящего металла; когда приходится двигаться сквозь гравитационную сеть, испытывая флуктуации в десять «g»; когда намеченная цель яркой кувыркающейся монетой проносится по небосводу, вместо того чтобы крепко и неподвижно зацепиться за перекрестье экрана...

— Они, — сказал Рой, указав на четыре корабля, — явно не ожидали снова встретить нас здесь. Так что теперь хорьки без лишних разговоров собираются уничтожить нас, как, очевидно, намеревались поступить в прошлый раз. Минерва отправит капсулы на орбиту, а

я... я попытаюсь разобраться с ними прежде, чем они разберутся с нами. Ну как, согласны, полковник?

— Ни на йоту! — мгновенно отреагировал Купли. Он в мгновение ока нырнул в кресло, зафиксировал свою восьмиконтактную сбрую, проверил мгновенно открывающиеся емкости, а затем жестом указал на гашетки, утопленные в предохранительных пазах на панели.

— Заруби себе на носу, что мне известно гораздо больше, чем ты можешь себе вообразить. Я приказываю передать мне управление оружием!

— Полковник, вы же здесь как наблюдаю...

— Капитан, вы понятия не имеете, в каком я здесь качестве! И уж заведомо не в этом. Я только что отдал вам прямой приказ. Управление!

— Как вам будет угодно. — Рой щелкнул двумя переключателями и подтолкнул штурвал управления огнем к полковнику. Он заметил, что Купли схватился за штурвал, как утопающий хватается за соломинку, и предположил, что всему виной его двусмысленное поведение на борту флагмана, так разозлившее десантников. Одно дело торчать на десантной палубе корабля-транспортёра и ждать, когда доставят вниз, как сеющую смерть бомбу, и совсем другое дело — решать. Сидеть сложа руки в ожидании неотвратимого всегда легче и проще.

— Внимание, внимание, — произнесла Минерва голосом, который, по мнению Роя, являлся «голосом особой тревоги», — отметить цели, не торопиться. Все оружейные системы в режиме полуавтоматического сопровождения до тех пор, пока не будет подтвержден выход капсул на расчетные орбиты. Отметить цели, не торопиться. Начинаю обратный отсчет. Десять. Девять. Восемь. Семь...

В несколько оставшихся секунд Рой занимался анализом данных, поступавших с остальных кораблей хорьков, находившихся на орбитах вокруг планеты. Ни один из них не совершал никаких эволюций; все продолжали висеть над планетой. Никто не пытался маневрировать. Никто не проявлял ни малейшего беспокойства. Либо Минерва пошла на риск и включила генератор помех, нарушив связь между хорьками, либо капитаны четырех боевых кораблей решили воспользоваться удобным случаем стяжать себе неуваждаемую славу и самостоятельно уничтожить противника. Столь беззаботно входя в зону огня корабля класса «Олимпус», они явно имели какой-то козырь... но какой? Торпеды, плазменные пушки — это понятно... но слава?! Нет, это невозможно.

— ...Два. Один. Ноль. РАЗРЫВ!

По всему корпусу Минервы прошла сильнейшая вибрация; пироболты освободили ее от элементов конструкции разрушенного десантного корабля. Собственные двигатели ориентации мгновенно откорректировали орбиту, слегка изменившуюся из-за отдачи отпавших фрагментов. Капсулы «Огненного льда» стайкой умчались вперед, словно группка мелких рыбешек при приближении акулы. Как только последняя из них покинула бомбоотсек, направленные заряды стали разрывать искореженные остатки ложного корпуса. Минерву и уходящие к планете капсулы окружило целое облако пыли и мелких кусочков разорванных взрывами конструкций.

— Начинаю обратный отсчет последней детонации. — Еще раз хлопнули двигатели ориентации, и корабль быстро отошел от разорванного взрывом на мелкие куски огромного трюма бомбоотсека.

— Что с хорьками?

— Сбрасывают скорость, включили межкорабельную связь, но общий канал пока молчит.

— Они приходят в себя, — сказал Купли. — Их цель стала разрушаться еще до того, как они произвели первый залп. Теперь они всерьез займутся нами. Взгляните-ка на тактический дисплей... — Он жестом указал на изображения всех четырех кораблей на экране, на фоне которых светились графики и колонки цифр. Все системы боевых сенсоров теперь работали в активном режиме, все оружие было приведено в полную готовность.

— Ну так кто выстрелит первым? Мы или они?

— Что с капсулами, Минерва? — спокойно поинтересовался Рой, не сводя глаз с экрана.

— Навигатор произведет необходимую коррекцию траекторий. Переходить к постановке на промежуточную орбиту?

— Можешь сделать это незаметно?

— Однократным взрывом основных зарядов.

— Можем мы себе позволить ждать так долго?

— Мы не можем себе позволить не делать этого, — произнес полковник. На его бровях не выступило ни капельки пота, даже несмотря на то, что подушечки его больших пальцев покоились на гашетках управления огнем. — Будем ждать, — сказал он. — Вскоре они заметят аномалии в движении капсул и собьют их. Это обесмыслит все, что мы сделали. И кроме того, — он легкими движениями штурвала поместил перекрестья прицелов на каждый халианский корабль, — они идут как раз так, как нам и требуется.

Менее чем в километре последние взрывы разорвали на мельчайшие кусочки корпус трюма бомбоотсека. Тонкие нити взрывчатки разрезали аккуратно, словно скальпелем хирурга, корпус на мельчайшие кусочки, и когда прогремел последний взрыв, система слежения Минервы уже знала положение и траекторию полета каждого фрагмента с точностью до нескольких метров. Теперь каждый обломок корпуса, каждый осколок дюэ будет сопровождать определенную капсулу, и после того как они переместятся на синхронную орбиту, постепенно потеряет скорость и сгорит в атмосфере маленьким метеором.

— Реагируют?

— Нет. Продолжают сближение.

— Планета?

— Следят за обломками, анализируют, — нет, все в порядке, только что сканеры вновь отключились.

— Отлично. Теперь, я полагаю, мы можем уходить. — Минерва, разумеется, не умела дышать, но иногда раздававшиеся из динамиков звуки были куда более выразительнее слов. Вот и сейчас Минерва издала звук, который нельзя было спутать ни с чем: это был глубокий вздох. — Джентльмены, немного внимания, приготовьтесь к боевому маневрированию! Все системы в положение «к бою»! Снять защиту оружейных комплексов! Защита корабля... есть защита корабля!

— Захват...

— Захват подтверждаю.

— Барабан один, огонь! Пуск торпед, полный залп!

— Защитный маневр... прорыв справа... вперед!

Халиане резко затормозили и развернулись, как только датчики зарегистрировали доплеровское смещение восьми торпед, мчавшихся с ускорением более сорока «g». Трех из них явно не повезло: пилоты предприняли именно тот маневр ухода, который предусмотрела Минерва. Корабли отчаянно заматались, пытаясь уйти от торпед, хотя экипажи наверняка понимали, что уже слишком поздно. Система управления каждой торпеды получила перед стартом индивидуальную программу. Что бы ни предпринимал противник, пытаясь при помощи ловушек и пассивных отражателей изменить радиолокационную и инфракрасную картину цели, каждый раз торпеда среди множества помех распознавала истинную цель. Только один корабль сумел увернуться от предназначавшейся ему стандартной торпеды Флота Mk — 12b и сбить ее.

Противнику удалось уничтожить пять торпед, прежде чем три оставшиеся поставили последнюю точку в этом раунде. Две из них достигли таки своей цели и взорвались с интервалом в четверть секунды. Корвет и все хорьки, находившиеся на его борту, мгновенно превратились в облако раскаленной плазмы.

Последняя торпеда из залпа попала в центральную секцию корпуса фрегата «Форгер». И не взорвалась. При массированной стрельбе такое иногда случалось с одной-двумя

торпедами. Электромагнитные импульсы, вызванные ответным огнем и взрывом боеголовок товаров, нарушали работу даже максимально помехоустойчивой электроники торпед. Рой и подумать не мог, что даже этого окажется достаточно. Торпеда весом в три с половиной тонны столкнулась с целью на скорости сорок семь узлов в секунду. Вследствие трения выделилось огромное количество тепла, а возгорание атмосферы внутри судна завершило дело. Гибель корабля была не столь впечатляющим зрелищем, как при детонации термоядерной боеголовки, но корвет полыхнул так ярко, как не вспыхнул бы даже от зажигательной боеголовки.

Последний корабль стал жертвой все той же самой электроники. Предназначавшаяся ему торпеда сдетонировала в четырех сотнях метров от корабля. Его команда погибла по более прозаической причине: всплеск гамма-излучения, вызванный взрывом, был столь мощным, что броня корабля не смогла ослабить его до безопасных значений. Тут требовалось не меньше тридцати сантиметров свинца, но в этом случае корабль хорьков еще на поверхности был бы раздавлен собственной тяжестью.

Теперь остался только один противник.

Последний «Форгер-Б» продирался сквозь густое облако раскаленных и радиоактивных обломков, в которое Минерва только что обратила его напарников. Пушки халиан открыли ураганный огонь. Хорьки, похоже, совсем обезумели в своем желании уничтожить врага. То ли они уже растратили весь запас торпед, то ли попросту забыли о них, то ли сознательно отказались от них по каким-то причинам. Именно на последнее втайне надеялись Рой и Минерва. Капитан халиан был настолько взбешен, что, столкнусь они сейчас нос к носу, он не дал бы врагу ни малейшего шанса. Но в космосе хорек не мог пустить в ход свои когти и клыки, а потому решил воспользоваться наиболее близким эквивалентом.

— Ага — Рой услышал, как полковник бормочет. Тот по-прежнему медлил со вторым залпом торпед.

— Рой? — поинтересовалась Минерва.

— Он ждет, потому что...

Продолжение не требовалось. Кулли, не отрываясь, следил за «Форгером» с того самого момента, как начался бой. Затем его большие пальцы нажали на гашетки главной плазменной пушки и застыли. Кулли пребывал в бешенстве, которое вполне можно было сравнить с яростью капитана хорьков. Два плазменных жгута, выплеснувшиеся из пушки, были столь толстыми, что по ним, казалось, можно ходить.

И тут хорьки проделали то же самое.

Это было уже плохо...

Как раз в тот момент, когда «Форгер» напоролся на огненный конус и превратился в глыбу расплавленного металла, где-то в кормовой части Минервы прогремел мощнейший взрыв, и корабль страшно трянуло.

— В нас попали!

— Я ранена! — Несмотря на мощнейшую броню, сама Минерва так и осталась маленькой искалеченной девочкой, какой и была до тех пор, пока в соответствии с проектом разумных кораблей ее не избавили от прежнего немоющего тела и не дали взамен новое, металлическое, не способное испытывать боль. Вплоть до этого момента...

— О Господи, мы движемся на... — тихо произнес кто-то из них, когда халианский корабль закрыл весь экран. Целая планета, неистово вращаясь, приближалась к ним и, зависнув на мгновение, упала с небес прямо на Минерву.

И все мгновенно погрузилось во тьму.

— ...вставайте, капитан. Все в порядке, вы живы. Поднимайтесь.

Несмотря на одобрение, прозвучавшее в голосе, так же похожем на голос капитана Кулли, как и на любой другой. Рой Малин поддался не сразу. Ему было так хорошо и покойно, так темно... так мирно...

Он по-прежнему находился в корабле. Здесь имелся пригодный для дыхания воздух, достаточно тепло, чтобы не опасаться леденящего космического холода... вот только

искусственная гравитация была какой-то странной. Он не сразу догадался, что она была настоящей, а не смоделированным земным тяготением в одно «g».

— Сели мы здорово, — услышал он голос Минервы. — Просто замечательно. На одном из этапов мне пришлось вытянуть почти двенадцать «g», так что мы не очень напоминаем тех, кто твердо стоит на земле. Я делала все, что могла, пока аппаратура не отказала.

Даже пошевелиться было очень трудно, и теперь Рой знал почему. Если его упряжь, в которой он висел в кресле, врезалась в него с ускорением, в двенадцать раз превышающим нормальное, то ремни должны были войти в него, как нож в сыр. Он не стал осматривать поврежденные участки, и так зная, что увидит — его тело наверняка покрыто кроваво-красными квадратными отметинами. Хорошо, что его еще не разрезало на части — ему случалось видеть и такое...

— Минерва, — произнес Кулли голосом человека, у которого что-то на уме, — опустились-то мы нормально, но сможем ли подняться?

— Сейчас посмотрим.

Диагностическая панель представляла собой целую россыпь светодиодов, загорававшихся по мере того, как Минерва проверяла здоровье своих органов.

— А что снаружи? — Рой попытался выбраться из своего противоперегрузочного кресла. Процедура представляла собой серию отдельных содроганий, а не обычное плавное движение. Но слава всевышнему, что он способен хотя бы содрогаться. Кулли даже не попытался предложить свою помощь — его гораздо больше занимали панели с инструментами.

— Снаружи очень горячо, — загадочно заметил он.

— Температура? Или противник? — не понял Рой.

— Излучение. Остаточное, больше трех сотен, быстро падает. Защита вполне может сдержать его. Похоже, мы упали вместе с остатками «Форгера» — так что я склонен согласиться, что в конечном итоге вы оказались правы. — Кулли ухмыльнулся своей отвратительной улыбкой, которой Рой так и не смог подобрать подходящее определение. — Что касается сухопутного противника. Он здесь. В поджаренном виде. В сухоматку.

— Замечательно. Я про шутку. Это мне и требовалось, чтобы почувствовать себя немного лучше.

— Не придирайтесь, капитан. Вы-то по крайней мере остались живы.

— Да, я уже обратил на это внимание. — Рой еще раз вздохнул и вздрогнул от прикосновения одежды к ране, но тут же забыл обо всем, заслышав внезапно оживший динамик Минервы.

— Диагностика закончена, джентльмены, — сказала она. — Что желаете услышать? Хорошие новости... плохие, или просто ужасные?

— Что, неужели все так серьезно? — На лице Кулли не осталось и следа улыбки. Хотя с чем такая метаморфоза связана: с пониманием ли серьезности замечания Минервы, или же с элементарной вежливостью, Рой не знал.

— Любые определения всегда упрощают и схематизируют реальность. — Голос Минервы был столь же холоден, как и выражение лица полковника. — Рассказывать дальше или нет?

— Минерва, — утомленным голосом попросил Рой, — хватит ходить вокруг да около. Может, ты все-таки расскажешь нам, что произошло, и мы займемся каким-нибудь полезным делом?

— Хорошо. — Основной экран сначала замерцал, затем с видимой неохотой заполнился схематическим изображением корабля «Олимпус», поврежденного, как и фрегат «Фенсер». Контур корабля были обезображены напоминающими проказу желтыми пятнами, обозначающими участки, поврежденные в коротком, но жестоком бою в трех сотнях километрах от атмосферы. Пока Минерва говорила, небольшой голубой треугольник перемещался по экрану, указывая на «особо важные зоны».

— Целостность корпуса нарушена здесь, здесь и вот здесь. Фрагменты в областях тут и

еще вот тут радиоактивны, так что в этих помещениях очень горячо — не забудьте об этом, полковник, когда отправитесь к себе в каюту сменить носки. Мы вполне можем обойтись без них, с этим все в порядке. Однако... — Голубой указатель сменился красным, а это был недобрый знак. — Я потеряла почти все модули здесь и вот тут. Системы связи и почти вся навигационная аппаратура, уважаемые джентльмены, должны упоминаться только в прошедшем времени.

— Это были хорошие новости? — поинтересовался Кулли.

— Нет — это, разумеется, плохие. Хорошая новость заключается в том, что, несмотря на все эти повреждения, я смогу покинуть Халию еще до того, как «Белая картечь» начнет разворачиваться и штурмовики превратят нас в радиоактивную кочку на стеклянном пейзаже.

— Ты так считаешь? — Теперь Рой знал, что Минерва способна летать, и только это имело сейчас значение.

— М-да. Вы не забыли, я упоминала еще и про ужасные новости. Основной навигатор также разрушен. Единственная наша возможность подняться с поверхности планеты — это переключение модулей. У меня нет никакого аварийного запаса, но системы «Огненного льда» могут...

— Нет! — Кулли вскочил на ноги с искаженным гневом лицом. У него вдруг возникло страшное подозрение, что его мягко и осторожно заводили в эту западню с самого начала.

— Вы что, взбесились, полковник? Сядьте и *позвольте мне закончить*.

— Поторопитесь, полковник, — произнес Рой.

Сидя перед коммуникационной панелью, Рой и сам прекрасно понимал, что никакой возможности связаться с внешним миром у них сейчас нет. Ни с находящимися на орбите капсулами, ни с приближающимся Флотом, ни даже с остальными помещениями корабля. Теперь единственным средством привлечь к себе внимание была стрельба. Настоящая проблема заключалась в том, чтобы полковник-десантник смог понять суть возникших перед ними затруднений. Рой слегка сочувствовал ему; без «Огненного льда» десантникам придется идти в бой, не обращая внимания на сопротивление на поверхности планеты и на поддержку с орбиты, а Кулли наверняка не раз оказывался в подобных ситуациях и теперь не мог спокойно обдумать ситуацию.

Кроме того, если им и удастся выйти на орбиту и встретиться с передовыми подразделениями «Белой картечи», единственное, чем они смогут им помочь, — это объяснить реальную ситуацию. Возможно, бомбы с ГК — 2 могут быть сняты с предохранителей кем-нибудь или чем-нибудь еще. Возможно, гораздо легче было бы сделать это еще на орбитальной базе у Бычьего Глаза, так как во избежание непредвиденных инцидентов капсулы были оснащены сверхнадежной системой защиты.

— ...но даже если и есть какой-то способ доставить на планету боеголовки, — спокойно продолжила Минерва, — мы будем уничтожены силами Флота, как хорьки.

— Почему? Что мешает нам остаться здесь?

— Полковник, люки доступа к поврежденным модулям расположены на моей внешней обшивке. Это означает, что они могут быть открыты только снаружи. — Минерва оставалась предельно вежливой, но по слегка изменившимся интонациям ее голоса полковник понял, что она с удовольствием схватила бы его за волосы и силой вбила бы в его голову хоть какое-то понимание ситуации.

— Радиация извне мешает приблизиться к нам. Через пятнадцать часов тридцать семь минут она спадет до безопасного уровня. Добавьте час на замену модулей, час сорок пять минут на предстартовую подготовку... Группа вторжения окажется на орбите через восемнадцать часов, а первый бомбовый удар будет нанесен через еще двадцать пять минут. Получается, что у нас в запасе остается три минуты...

— Скафандры, — произнес Кулли.

— Все скафандры находятся в одном из горячих помещений. Вы тут, если не ошибаюсь, упоминали «Уловку — 22»? Вот вам Уловка — 23. Мы ждем.

Они ждали. Время тянулось нестерпимо медленно. Только после разрешения Минервы, решившей, что опасность миновала, они выбрались наружу. Полковник Кулли оказался совершенно прав в своей оценке климата планеты. Пот ручьями тек с их лиц, а они сделали лишь половину работы. Даже не верилось, что хорьки, чья планета так походила на родную планету людей, оказались столь агрессивными по своей природе.

— Соединение закончено, стандартная проверка! — прокричал Рой, обернувшись к микрофону, который они вытащили наружу из рубки, и отступил на шаг от люка, чтобы Минерва подала питание на последний блок. Там уже произошло пять взрывов, когда по рассчитанной на микроватты навигационной электронике прошли гигаватты из сети управления кораблем, моментально превратившие в пар чипы схемы. От последнего взрыва у него осталась металлическая заноза, крепко впившаяся в плечо, и никакого желания заполнить еще одну Рой не испытывал.

Даже если они все равно безнадежно опоздали.

Его то и дело тянуло взглянуть на хронометр. Кулли был более сдержан. Полковник бросал взгляд на запястье в среднем раз в минуту, после чего нервно вскидывал голову вверх.

Роя больше интересовали сами халиане. Невозможно было поверить, что посадка Минервы осталась совершенно незамеченной. Кроме того, вместе с ними упал и фрегат самих хорьков! Халиане просто не могли не отправить к месту падения поисково-спасательную группу. Он спрашивал себя, вооружены ли халианские спасатели и если да, то успеет ли Минерва испепелить их до того, как они успеют сообщить о неожиданных гостях...

Ливень тяжелых пуль серебристыми брызгами ударил по серебристой обшивке как раз тогда, когда Рой и полковник занялись предпоследним люком. Рой почувствовал, как одна из отрикошетивших пуль на излете ударила его в плечо. И хотя расплюснутый кусок металла оставил самое большее синяк, это было совсем некстати — слишком много они успели сделать. Случившееся показалось ему совершенно неправдоподобным, пока новый залп не поднял фонтанчики пыли на песчаном холмике, за который он укрылся, прямо возле входного люка, ведущего в темную, прохладную и так хорошо защищенную кабину Минервы. Как бы в доказательство серьезности намерений еще две очереди хлестнули по тому же самому месту, как бы приглашая и полковника поискать укрытие.

А Рой был безоружен. Личное оружие не столь необходимо экипажу разумного корабля, как десантникам, однако на борту, в секретной комнате, все же имелась — на всякий случай — пара автоматических винтовок. Но теперь они были так же недоступны, как если бы находились в Порту.

Впрочем, нет, он неправ. В корабле осталась только одна винтовка. Судя по внезапно раздавшимся поблизости звукам, вторая находилась у полковника Кулли.

— Обратили внимание, капитан? — крикнул полковник, перекрывая оглушительный треск. — Всего один!

— Один хорек? — потрясение пробормотал Рой. Это было настолько неправдоподобно, что поначалу он решил, что ослышался, и высунул голову над насыпью, намереваясь самостоятельно установить истину на этом практическом занятии по стрельбе.

— Да нет, парень! Один ствол! Быстро в корабль и...

Окончание фразы потонуло в ужасающем грохоте. Поднятые вверх турели Минервы открыли огонь по удаленной гряде, откуда вели огонь хорьки. Это была не прицельная одиночная стрельба, как в космическом бою, но сплошная полоса огня, превратившая холм и все, что находилось на нем, в расплавленную кучу песка.

— Готово! — Плазменные пушки смолкли, и в воцарившейся тишине голос Минервы прозвучал как гром с ясного неба. Только этого они и ждали. Из дюз вертикальных двигателей уже показались струйки пара. Рой мгновенно вскочил на ноги, резким шлепком ладони захлопнул последний люк и нырнул внутрь кабины.

Полковник Кулли тяжело опустился на колени. Оружие с грохотом упало на пол шлюзовой камеры. Рой подобрал винтовку и повернулся, чтобы нажать на спасительную

красную кнопку герметизации. И тут он понял, почему Купли выронил винтовку...

Полковник с легким изумлением смотрел на свой мундир; в его взгляде не было ни боли, ни гнева — только удивление. Из середины груди торчал тонкий наконечник длинного металлического копья.

— Так вот почему... — спокойно произнес он. — Всего один ствол. И множество стрел. Верно. Минерва права. Первобытные. — Он усмехнулся, слегка пошевелился, и струйка крови брызнула на стену. — Но эффективные... — успел произнести он перед смертью.

— Закрой люк. Рой! — прогремела Минерва из настенных громкоговорителей. Лицо Роя исказила гримаса боли, и он нажал на кнопку слишком поздно. Массивная металлическая плита скользнула вниз, и он еще успел увидеть яркую вспышку на горизонте в полукилометре от поверхности. Огненный шар ядерного взрыва или фотобомбы, появившийся мгновением позже, он уже не увидел.

Операция «Белая картечь» началась. Сорока секундами позже Минерва уже неслась вверх, к кораблям Флота, заполнявшими небо над Халией. Рой задумался было над предстоящими объяснениями, но вспомнил затем удивленную улыбку, застывшую на губах полковника... Пусть все идет своим чередом. Ведь как бы там ни было, операция вторжения все же началась...

ИНТЕРЛЮДИЯ

37.78974CR1.5

Каждый офицер должен знать, что самой природой Флота, как и любой другой крупной военной организации, обусловлено существование особой культуры. Такая культура предполагает определенные стереотипы и нормы поведения, как правило, весьма далекие от общепринятых.

Это прекрасно понимали еще демократы докосмической эры, и, придя к власти, они иногда пытались сформировать армию из лиц, не являвшихся носителями военных стереотипов, поэтому, например, французское народное ополчение и американская национальная гвардия оказались укомплектованы людьми, которые просто не могли действовать так, как должны действовать солдаты. История показала несостоятельность подобной политики, достаточно вспомнить, что печальным итогом стала потеря двух спутников Юпитера, самого большого газового гиганта нашей системы.

Известно, что если от человека требовать поведения, противоречащего его мировоззрению, то он начинает совершать самые неожиданные поступки. И отличной иллюстрацией тому являются события, происшедшие на планете Хесса, где один из десантников...

37.7945CR3.6

Ничто не может внушить большего ужаса, чем боевые операции, в которые, кроме солдат, вовлечены большие группы гражданских лиц. Пожалуй, с этим можно сравнить только одно — военное столкновение двух совершенно различных культур. Безусловно, при этом ни одна из них не может остаться неизменной. В таких экстремальных ситуациях нравственные ценности, которые каждая сторона считала незыблемыми, подвергаются пересмотру, а отдельные индивиды начинают вести себя совершенно неадекватно. И последствия такой ситуации, как Правило, просто поразительны. Например, в один прекрасный день солдаты могут оказаться не способными к дальнейшим боевым действиям без основательной психологической обработки.

Джоди Лин Най. ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Десантный скутер, словно примеряясь, сделал круг над планетой, а потом резко устремился вниз. Корабль с ревом вспорол атмосферу, выходя точно на цель. Алан Шилитоу, сержант звездной пехоты, внимательно вглядывался в быстро мелькавшую на мониторе картинку. Сержант, или Тарзан, как называли его подчиненные, уже находился в посадочном модуле, где, кроме как на экраны двух мониторов, смотреть было не на что — иллюминаторы в капсуле отсутствовали.

— Мы над целью, сэр. Приготовьтесь к катапультированию.

Усиленный наушниками голос пилота неприятно резанул по ушам, но десантник не обратил на это внимания. Не смутил сержанта и громкий скрип, раздавшийся сразу после предупреждения, — большая часть оборудования капсулы представляла собой никуда не годную старую рухлядь, и Шилитоу уже давно привык к неожиданностям. Штабные крысы не слишком утруждали себя заботами о десантниках. Правда, на этот раз задание было несложным.

— Пристегнулись, ребята! — скомандовал Шилитоу, надевая шлем. Он проверил автономную систему жизнеобеспечения. Теоретически атмосфера в капсуле поддерживалась пригодной для дыхания вплоть до посадки, но лучше не рисковать. Большинство десантников последовали примеру своего командира. Покончив с амуницией, сержант повторил десантникам задание.

— Мы должны захватить и удержать посадочную площадку на этой планете. Дело несложное. Вы просто проникните туда, продемонстрируете всем свои наглые рожи и возьмете под контроль площадку и близлежащие здания. Начальство предполагает использовать этот плацдарм для высадки штурмовых групп. Он находится на самом краю города хорьков, крупных военных баз здесь нет, по крайней мере с орбиты ничего не видно. Умники из штаба вообще уверены, что нас никто и не заметит.

Шилитоу замолчал, припомнив кровавую операцию, в которой его группа участвовала несколько дней назад, голос его посуровел.

— Но не слишком рассчитывайте на такой подарок. Я хочу, чтобы вы держали ухо востро. Нисколько не удивлюсь, если вдруг окажется, что местные жители хорошо вооружены. Тем не менее, — продолжал сержант, — поскольку нам противостоит гражданское население, то пускать в ход оружие без крайней нужды не стоит.

— Вот еще, — проворчал кто-то из парней. — Стану я церемониться с этими ублюдками.

Шилитоу сделал вид, что ничего не слышит.

— При встрече с гражданским населением прикажите сложить оружие и затем убираться ко всем чертям. Это я поручаю вам двоим. — Сержант взглянул на Пирелли и доктора Мака Далена, которые были знакомы с языком и обычаями халиан. Худой и высокий доктор рядом со здоровенными десантниками смотрелся довольно нелепо, хотя при случае он мог постоять за себя. Пирелли был его полной противоположностью — огромный детина весьма самоуверенного вида, он в общем-то был неплохим солдатом, хотя и ужасно ленивым.

— Вам придется удерживать плацдарм не больше двух часов. Грузовые корабли за это время успеют засечь наш сигнал, убедятся в том, что все в порядке, и начнут высаживать войска. Если нас станут атаковать, то необходимо нейтрализовать силы противника. Когда мы сделаем это, работу можно считать законченной. Желаящие могут потом присоединиться к войскам, штурмующим город, и поближе познакомиться с халианами.

Сержант услышал одобрительное ворчание своих «Горилл». Группа Шилитоу участвовала в эвакуации пострадавших с Бычьего Глаза, и с тех пор десантников сжигала жажда мести.

— Это те же самые хорьки, с которыми мы уже сражались, — пробурчал специалист по тяжелому вооружению Вик Занатовски. Он еще не удосужился облачиться в защитный

костюм. — Ничего нового внизу не видно, одни лишь толпы злобных волосатых тварей. — С этими словами Вик пригладил копну волос на голове и нахлобучил шлем, на котором красовалась игривая эмблема в виде желтого банана. Это была их собственная выдумка — десантники именовали себя «Гориллами Тарзана».

— А знаешь, с научной точки зрения, мы ведь тоже типичные представители волосатых млекопитающих, — рассмеялся Мак, надевая свой шлем.

— Эй ты! Смотри, кого оскорбляешь! — прокричала ему капрал Юта со своего места. Состроив страшную рожу, она наполовину вытащила из ножен кортик. Но оружие тут же вернулось на место, а физиономия Юты расплылась в дружелюбной улыбке. Через секунду она также нацепила шлем. Ее закадычный дружок Джордан любовно похлопал по дулу плазменной пушки, привязанной к его бедру, а потом проверил ремень безопасности. Все десантники уже облачились в защитные противоударные костюмы. Громоздкие скафандры сковывали движения, но обойтись без них было нельзя — удар скутера о поверхность мог оказаться слишком сильным. Кроме того, любой плохо закрепленный предмет после такого удара мог сорваться и покалечить солдат или оборудование.

— Капсула отделяется, — голос пилота прозвучал в наушниках отчетливо и резко. Раздался страшный треск, и десантный модуль сильно накренился. Через несколько секунд последовал толчок, означавший, что включились тормозные двигатели.

Капсула тяжело ударилась о землю и заскользила по поверхности. Даже через защитные костюмы ощущалась неприятная вибрация. Как только движение капсулы приостановилось, распахнулся люк, и десантники, как горох, посыпались наружу. Умело прикрывая друг друга, они образовали широкое кольцо, в центре которого дымились горячая металлическая поверхность посадочного модуля.

— Атмосфера в порядке, сержант, — Доккerti подтвердил, что пока все идет так, как и предполагалось. — Азот, кислород и целая куча длинных углеродных цепочек. Наверное, чуток пованивает, но ничего, дышать можно.

Результаты химического анализа замерцали на встроенном дисплее шлема Шилитоу. Слева располагался контрольный экран, сержант убедился, что все «Гориллы» заняли места в соответствии с планом.

— Пока не снимайте шлемы, — распорядился он.

Капсула приземлилась у дальнего края примитивной посадочной площадки, длиной метров в двести. Сбоку возвышалось несколько невысоких каменных зданий, широкие двойные двери выходили на взлетную полосу.

— Ангарты, — с довольным видом объявил Фокслунг.

Вдруг без всякого предупреждения тонкая красная нить обожгла землю чуть впереди.

— Лазер!

— Сверху!

Десантники мгновенно перегруппировались так, чтобы их не было видно из самого высокого здания. Судя по огромному количеству окон (хорьки не любили окон и уж тем более больших) и балюстраде около входа, здание построили представители таинственной культуры, со следами которой группа Шилитоу впервые столкнулась на Бычьем Глазе. Архитектура отличалась простотой и изяществом, особенно рядом с уродливыми ангарами. В одном из окон на верхнем этаже мелькнула тень, и еще три красные линии прорезали воздух, оставив на металлической поверхности капсулы пузырящиеся полосы. Но все десантники находились уже вне зоны обстрела.

— Они знают, что мы здесь. Сбросьте костюмы, придется двигаться очень быстро. Юта, прикрой Джордана. А ты, Джордан, возьми на себя оба ангара. Орите погромче, пусть эти твари уносят ноги. Но если кто-то из них решит остаться в здании, взрывайте. Рассредоточиться! Пирелли, Мак, переведите им, пусть убираются из здания. Совершенно ни к чему, чтобы нас все время поливали оттуда огнем. Вперед!

Группа в одинаковых серых униформах быстро заняла исходные позиции. Пирелли и Юта освободились от тяжелых защитных костюмов и, прихватив оружие, залегли по разные

стороны капсулы. Они открыли ответный огонь по снайперу. Бесшумные лазерные лучи избороздили стену шипящими полосами. Изнутри донесся пронзительный вопль, стрелок исчез.

— Мы только ранили его. Чертовы твари очень быстры.

— Внимание! — заорал Мак на халийском. Этот язык был очень труден для людей, а кричать на нем было и вовсе тяжело. Чтобы воспроизводить все эти шипящие и рычащие звуки, человеку приходилось надрываться изо всех сил. — Внимание! Те, кто находится в высоком здании! Вам лучше убраться оттуда, и побыстрее, потому что сейчас мы взорвем его.

В ответ донеслись дикие завывания. Не нужно было быть специалистом в халийском, чтобы разобрать презрение и насмешку. Юта прикрыла огнем Джордана, пока тот преодолевал открытое пространство, таща на себе тяжелую лазерную пушку. Когда он оказался в безопасности, капрал в последний раз провела по зданию своим лазером, оставив несколько пылающих линий, и быстро перебежала к Джордану. Тот уже навел пушку на ангар, стоявший рядом с административным корпусом, и выстрелил.

Заряд попал точно между створками ворот. Все «Гориллы» мысленно сосчитали до трех и прикрыли головы руками. Мак бросил оружие и заткнул пальцами уши как раз в тот момент, когда заряд разорвался. Последовала ослепительная вспышка, а через мгновение ангар с грохотом развалился на куски. Взрывная волна швырнула доктора на спину.

На какую-то секунду десантники прекратили огонь, и снайпер, скрывавшийся за окном административного корпуса, не преминул этим воспользоваться, он высунулся и выстрелил снова. Удачно пущенный лазерный луч проделал обманчиво крошечную дырочку в сапоге Верди, и десантник с воплем повалился в грязь. В тот же миг Эллис и Доккerti одновременно открыли ответный огонь. На этот раз хорьку не повезло. Тварь рухнула на подоконник, а потом вывалилась из окна вместе со своим оружием.

Внизу, у выхода из здания, появилось несколько небольших покрытых шерстью фигурок. Хорьки скатились вниз по лестнице и бросились врассыпную, стараясь не попасть под огонь. Оружия у них не было. Все они были одеты. Шилитоу понял, что это священники, и приказал солдатам не стрелять.

— Они позовут подмогу, — предупредил Пирелли.

— Пускай. Разведка уверена, что поблизости нет никаких военных подразделений.

Халиане мгновенно растворились в зарослях кустарника. Мак бросился на землю и попластунски подполз к Верди. Он пристроился поудобнее подле раненого десантника и подтащил к себе аптечку.

— Прижигать рану не нужно, — сказал он пострадавшему, — я просто дам тебе лекарство. Будет время, взгляну, что там случилось, а пока побегаешь так. И помни, тебе не стоит лягаться.

— Ну почему меня ранили первым, — недовольно проворчал Верди, придерживая руками пострадавшую ногу и гримасничая, как настоящая горилла. Тяжелое снаряжение мешало ему сидеть как следует. — Вечно неприятности случаются именно со мной.

— Ну почему я сижу тут вместо того, чтобы спокойно заниматься научными исследованиями в своей лаборатории, — в тон ему откликнулся доктор, — несчастный я, несчастный.

Мак убедился, что его пациент в порядке. Шока, похоже, Верди не испытал. Он пренебрег обезболивающим, входившим в его личную аптечку. Рана была чистой, боль пройдет через несколько часов.

— Послушай, Мак, неужели тебе не кажется, что боевые операции приятно отличаются от всякого занудства. Настоящий отдых.

— Ничего себе отдых! Этот отдых занимает так много времени, что работа давно превратилась в хобби, — пошутил доктор.

— Перекур закончен! — начальственный рев прервал светскую беседу. — Мне нужно, — продолжал сержант, — чтобы вы охраняли всю эту территорию, включая здание и

посадочную площадку. Джордан!

— Да, сержант?

— Почему ты не взорвал второй ангар? Тебе что, письменное распоряжение требуется? Займись делом, давай пошевеливайся.

Десантники живо вытащили из капсулы плоский круглый радиомаяк с автономным источником питания. Фокслунг схватил пульверизатор и побежал, очерчивая белой краской большой неровный овал вокруг той зоны, которую они собирались охранять. Десантники еще не успели закончить все приготовления, когда тишину вдруг пререзал предупреждающий вопль Юты.

— Сержант! — Крупная золотоволосая женщина лежала на земле и полосовала лазерным лучом сотни хорьков, больших и маленьких, которые неожиданно появились из-за обломков разрушенного ангара. Со всей очевидностью это были не солдаты. Одни из них были слишком стары и двигались гораздо медленнее, чем те хорьки, с которыми привыкли иметь дело десантники, другие были совсем маленькие, раза в два меньше взрослых. У двух или трех имелись лазерные пистолеты, но большинство тащило с собой черт знает что — бамбуковые копья, секиры, что-то вроде сельскохозяйственных орудий и так далее. Юта непрерывно стреляла, пока ее не захлестнула толпа нападавших.

— Стоять! — дико взревел Шилитоу. Его рев остановил толпу, но только на мгновение. Живая масса продолжала надвигаться, обтекая неподвижное тело Юты. Джордан бросился на помощь своей напарнице, расшвыривая на своем пути хорьков. Он остановился возле подруги, размахивая разряженной плазменной пушкой и отбиваясь от копий, мечей, да и попросту зубов противника.

— Мак, сюда! — проорал Джордан. — Юта ранена! Быстрее!

— Потерпит! — раздался голос сержанта — Позаботься о себе. Мак. Найди прикрытие. — Затем Шилитоу скомандовал: — Живо, вышвырнуть местных за периметр!

Не тратя времени, доктор подхватил свой чемоданчик и что есть духу припустился наутек. Он нацелился на какое-то огороженное помещение, притулившееся рядом с дальней стороной здания. Скорее всего это было место для мусора или еще хуже — выгребная яма, но доктору было не до церемоний. Он пулей влетел внутрь и захлопнул дверь.

— Выкиньте их отсюда! Стреляйте по ногам! — Голос сержанта, усиленный специальным устройством, пронесся над полем брани.

Десантники перегруппировались, образовав вогнутую линию, которая, как клещами, охватила нестройные ряды халиан. Затем люди начали вытеснять рычащую и кусающуюся толпу хорьков за пределы очерченной территории. Подпалив кое-кому шерсть и выбив немало зубов, они наконец справились с этой задачей. Изрядно потрепанная толпа халиан представляла довольно печальное зрелище. Беспорядочное разномастное сборище даже отдаленно не напоминало военное формирование.

Когда последнего хорька вышвырнули за пределы круга, Пирелли обратился к ним на их родном языке. «Не переступайте эту черту, иначе — смерть!» Для пущей убедительности он поднял свое оружие и провел лазерным лучом по белой линии, но хорьки не обратили на его слова ни малейшего внимания. Разделившись надвое, толпа снова бросилась в запретную зону, обходя десантников справа и слева. Часть халиан, размахивая копьями и чем-то вроде мотыг, с дикими завываниями устремилась к Маяку. Пятеро десантников погнались следом, чтобы успеть завернуть глупцов обратно до того, как они успеют изувечить оборудование. Но это оказалось не так-то просто, халиане хотя и не могли конкурировать с людьми в скорости, зато мгновенно изменяли направление движения и были очень увертливы.

Доккerti успел пристрелить несколько хорьков прежде, чем какой-то здоровенный халианин выбил у него из рук лазерную винтовку, а другой ткнул человека копьём. Доккerti выхватил кортик и заколол обоих, но потом ему пришлось туго. Хотя ранец кое-как прикрывал солдата со спины, руки и ноги были беззащитны. Доккerti отчаянно отражал и наносил удары. Вскоре к нему подоспел Эллис.

— Спина к спине, парень. — Эллис тяжело дышал, он тоже был ранен. — Откуда

только берутся эти чертовы крысы!

— Здесь собралась вся деревня. Они даже прихватили с собой детей.

В воздухе просвистел дротик. Он воткнулся Эллису в щеку, десантник с проклятиями вырвал острие. Из раны хлынула кровь.

— Дерьмо! — Лицо Эллиса скривилось от боли.

— Он не отравлен?

— Не думаю. Не похоже. Но болит чертовски. — Эллис осторожно попробовал пошевелить челюстью. — Провались они все пропадом, со своими копьями, стрелами и дубинками!

Еще один дротик просвистел рядом и упал на землю. Доккerti затоптал его сапогом поглубже в грязь, а потом хорошенько треснул халианина, который пытался ударить десантника каким-то копательным инструментом. Хорек зарычал и прыгнул вперед, собираясь вцепиться человеку в горло. Эллис вскинул лазерное ружье и прожег аккуратную дырку у хорька между глаз. Мертвая тварь свалилась у ног Доккerti.

— Стреляйте в них! Назад! Гоните их назад! — разорвался сержант.

В стороне от общей свалки Верди и Макс преследовали трех халиан, вооруженных старинными лазерными пистолетами, которые скрылись в административном корпусе. Тяжелые ранцы затрудняли движения солдат, и когда десантники добрались до последнего этажа, хорьки уже успели пристроиться у окон и вовсю палили вниз. Макс пристрелил одного и двинул локтем второго так, что тот отлетел на пару метров. Когда хорек оказался на полу, десантник попытался наступить сапогом ему на горло, но не успел. Тварь мгновенно вывернулась, вскочила на все четыре лапы и бросилась наутек. Макс помчался следом.

Верди с силой ударил третьего хорька стволом своей винтовки. Пистолет халианина выпал из окна, и снизу донесся торжествующий рев — видно, оружие подхватили другие хорьки.

Потолок в комнате был примерно футов шесть, очевидно, это помещение строили гуманоиды. Верди выпрямился во весь рост как раз в тот момент, когда разоруженный хорек, оскалив зубы, отчаянно кинулся вперед. Десантник пытался пристрелить его, но не успел — тварь двигалась слишком быстро. Прежде, чем Верди нажал на спусковой крючок, хорек проскользнул под дулом винтовки, прыгнул ему на грудь и впился в горло. Халианин ухватил зубами чуть ниже, чем следует, но все равно Верди пришлось туго. Когти хорька раздирали одежду и тело. Хлынула кровь. Верди попытался стряхнуть зверя, но не смог. Он несколько раз ударил хорька по голове дулом своей винтовки, но безуспешно. Тогда десантник отбросил оружие, ухватил тварь за горло и наконец оторвал от себя окровавленную морду. Ему казалось, что он держит в руках разъяренную змею. Хорек прошипел что-то ему в лицо на своем языке. Верди попытался отбросить его от себя, но хорек извернулся и вцепился в запястье.

Собравшись с силами, Верди ухватил халианина за горло и, швырнув на пол, бросился сверху. Хорек захрипел и ослабил хватку. Верди приподнялся и, продолжая держать тварь одной рукой за горло, схватил другой за мохнатое брюхо, вскинул халианина и изо всех сил ударил о выступ в стене. Хорек отчаянно завизжал и засучил когтистыми лапами, но все было кончено. Для своего роста халиане весили удивительно мало, и человек значительно превосходил их в силе. Верди колотил зверюгу о каменную поверхность до тех пор, пока хорек не обмяк. Затем десантник швырнул противника на пол и обессиленно опустился рядом.

В дверях появился Макс. Его форма была изодрана в клочья. Волосы прилипли к потному лбу.

— Ты в порядке, Верди?

— Бывает и хуже.

— Да на тебе живого места нет!

— Ничего, перебуюсь как-нибудь. Помоги мне спуститься.

Верди подобрал свою винтовку и, опираясь на нее, захромал к двери. Вдвоем они

спустились вниз и намертво приварили железную дверь, ведущую в здание, чтобы никому из хорьков не пришлось в голову снова забраться наверх. Затем присоединились к своим.

Шилитоу и его «Гориллы» по-прежнему пытались отогнать халиан за черту.

— Эй, кто-нибудь, помогите мне! — завопил Сокота. Он оказался один посреди большой группы хорьков. Не переставая вопить, он хлестал вокруг себя лазером. Сокота убил штук десять халиан, но остальные, сообразив что к чему, с цирковой ловкостью уворачивались от луча. Рядом с десантником валялись два его товарища, Таппер и Колвид, вернее то, что от них осталось. Сначала десантников зацепили снайперы, прорвавшиеся в административный корпус, а потом до них добралась толпа. Таппера ранили в руку и спину, но он был еще жив и дико орал, пока хорьки буквально раздирали его в клочья. Колвид получил два ранения в лицо, а потом огненный луч перечеркнул ему грудь. Десантнику повезло — он умер прежде, чем его схватили хорьки.

Сокота обреченно понял, что на помощь ему никто не придет — боевые вопли хорьков заглушали все остальные звуки. Какая-то особо наглая тварь выбила у него из рук винтовку, а потом вцепилась в пальцы. Десантник, не потеряв присутствия духа, свободной рукой вытащил кортик и отсек хорьку голову. Но было уже поздно. Потеряв винтовку, Сокота не мог больше удерживать халиан на расстоянии и мгновенно оказался окружен плотным кольцом мохнатых тел, выставивших вперед копыя. Хорьки прекрасно понимали, что без лазерного луча человек бессилен и не сможет устоять против их зубов, когтей и толстой шкуры.

Сокота продолжал борьбу — механически, не задумываясь, отражал и наносил удары кортиком, поворачиваясь навстречу все новым и новым врагам. Пока его руки способны держать оружие, он будет сопротивляться. На правой ноге десантника зияла глубокая рана от удачного удара секирой, коленная чашечка левой ноги, по которой кто-то двинул мотыгой, болела так, что время от времени у Сокоты темнело в глазах. Сокота смертельно устал и уже плохо различал противников, слившихся в единую зубастую массу.

Какой-то хорек едва не отсек ему ухо своим мечом. Плоская сторона лезвия сильно ударила десантника по голове. Сокота понял, что если сейчас же что-то не предпримет, то все будет кончено. Страх придал ему силы. Отчаянно размахивая кортиком, он отступал, стараясь не споткнуться о тела мертвых и раненых хорьков, которые без счета валялись вокруг. Сокота пытался добраться до каменной стены здания.

Он приостановился, вытирая пот со лба окровавленной рукой, и тут же на него бросился хорек. Десантник насадил его на свой клинок, как на вертел, поднял за ногу и швырнул завывающую тварь прямо в оскаленные морды остальных. Те, похоже, поняли, что зубы и когти не лучшее средство против стали (далеко не у всех халиан имелось оружие), и приостановились. Затем все началось снова.

Сокота потерял счет времени. Он колол, рубил и кромсал покрытые шерстью тела, постепенно отодвигаясь назад. Когда хорьки останавливались, человек тоже переставал драться, а затем кошмар начинался вновь. Наконец солдат почувствовал за спиной гранитную стену. К его великому облегчению, толпа перед ним поредела и откатилась назад за пределы ангара. Это Шилитоу, собрав вокруг себя большую часть роты, оттеснил халиан обратно.

— Сержант! — крикнул Сокота, когда тот заметил его. — Колвид и Таппер убиты.

— Я их видел. Присматривай за собой.

Один из уцелевших хорьков, заметив, что Сокота отвлекся, метнулся к человеку и вцепился в израненную левую руку. Десантник взвыл от боли.

— Проклятая крыса! — Сокота поднял кортик и изо всех сил опустил его рукоятку на голову хорька. Кость хрустнула, но десантник продолжал бить уже мертвую тварь, пока окровавленные челюсти не разжались и хорек не рухнул на землю. Рука человека была разодрана до такой степени, что видны были сухожилия. От боли у Сокоты выступили слезы, он не помнил себя от злости.

— Ах ты жалкая кормушка для блох! Я сдеру с тебя шкуру и оставлю себе на память! Я

буду вытирать об нее ноги! — Бросив кортик, Сокота вытащил свой нож. Он схватил хорька за морду и разложил на земле. Затем сделал широкий разрез на горле и принялся сдирать с мертвого халианина шкуру.

Неожиданно крошечный хорек проскользнул под цепью десантников и бросился к Сокоте. Воткнув свое копьё в землю, хорек прыгнул на мертвое тело и что-то протестуя заверещал, безуспешно пытаясь выхватить у десантника нож, а потом распластался на мертвом халианине, прикрыв его собственным телом.

— Эй, что он говорит? — спросил Сокота, не зная, как заполучить обратно свою добычу.

— Ты убил его мать. — Это сообщил доктор, высунувшийся из-за угла здания. — Он не хочет, чтобы ты снимал шкуру.

— Это его мать? — Сокота отшатнулся. — О Боже, я... — С ужасом глядя на дело рук своих, он попятился назад. Внезапно детеныш прыгнул на него и расцарапал ногу своими маленькими коготками. Сокота, казалось, не заметил этого. Он повернулся и, шатаясь, завернул за угол, откуда только что вылез доктор. Затем Мак услышал, как десантника вырвало.

Детеныш то выл, то как-то очень по-человечьи хлюпал носом над распростертым телом. Он что-то ласково чирикал, но доктор почти ничего не понимал. Маку было не по себе от того оборота, который приняла их операция. Обе стороны словно напрочь забыли, что их враги — это мыслящие и страдающие существа. Маку было до слез жаль детеныша, ему хотелось для него что-нибудь сделать. Но что тут сделаешь?

Доктор заметил, что маленький хорек ранен в плечо, по черной шерсти стекала тонкая струйка крови и капала на землю. Убитый горем зверек не обращал никакого внимания на рану, его горе было слишком глубоко. Мак был врачом, а врачи призваны облегчать боль. Доктор не мог равнодушно смотреть на страдающее существо, даже если оно являлось врагом. «Идиот, — обругал себя доктор, — ребенок не может быть врагом».

Мак потянулся за своей аптечкой. Ему вдруг показалось, что он понял, почему халиане с такой ненавистью относятся к людям. Десантники были для них страшными незваными пришельцами, ни один из здешних жителей никогда в жизни не видел людей.

Пристыженный Мак подошел поближе, держа в руках открытый пакет со стерильным тампоном, пропитанным обезболивающим лекарством. Стараясь говорить тихо и ласково, он обратился к хорьку на его родном языке:

— Полегче, дружок. Успокойся. Ты храбрый воин, очень храбрый. Но тебя ранили. Сейчас я помогу тебе. Рана перестанет болеть, и ты сможешь отдохнуть. Я не причиню тебе зла.

Маленький хорек не обращал на него ни малейшего внимания, пока человек не подошел и не наклонился. Как только доктор оказался на расстоянии вытянутой руки, халианин подпрыгнул, норовя вцепиться Маку в лицо, но промахнулся. Горе замедлило его реакцию. Мак легко уклонился и схватил хорька за шиворот. Тот завопил от страха, а доктор приложил тампон к открытой ране и только потом опустил маленького халианина на землю.

Словно по мановению волшебной палочки поведение детеныша изменилось. Только что он свирепо рычал, а теперь неприкрытая злоба уступила место настороженности. Мак вытащил пластырь.

— Судьба воина — умереть в бою. Кровь покинет мое тело вместе с жизнью. О моем мужестве сложат песни! — гордо заявил детеныш.

Мак улыбнулся:

— Тебе стоит подумать о том, чтобы подрасти и умереть в более важной битве, где ты убьешь много своих врагов. Нас здесь так мало, что умирать из-за этого незачем.

— Я убью тебя.

Рассмеявшись про себя. Мак оттопырил нижнюю губу, что у халиан служило признаком недоумения. По тому, как уставился на него юнец, доктор понял, что угадал с жестом.

— Это не принесет тебе чести. У меня нет оружия. Я целитель.

Малыш украдкой посмотрел на него и недоверчиво встопорщил усы. Он все еще не собирался подпускать к себе врача. Быстрый взгляд назад убедил его, что все вооруженные люди продолжают сражаться с его соплеменниками. Маку казалось, что он знает, о чем размышляет детеныш: чтобы прославиться, надо как минимум стать старшим воином. А пока он заслуживает скорее укуса в ухо, нежели почетной смерти.

— Если ты целитель, то поклянись своей честью, что не отравишь меня, как... — дальше последовало слово, которого доктор не знал.

— Клянусь, — торжественно пообещал Мак. Потом он осторожно наступил ногой на брошенное малышом копьё, на случай, если тот снова вздумает воевать, промыл рану и залил ее коллоидом. На теле хорька имелись еще царапины, но не такие серьезные. Мак продезинфицировал их и оставил как есть, чтобы малышу было чем похвастать — доктор знал, что халиане очень гордятся своими боевыми шрамами. Посмотрев на морду маленького пациента, доктор понял, что лекарство подействовало и тот вот-вот уснет. Тогда врач аккуратно перенес его в укромное местечко рядом со стеной и оставил там, положив рядом фляжку с водой и пищевую плитку.

Доктор поспешил обратно, пора вернуться к своим прямым обязанностям. Сражение утихло — все уцелевшие халиане были выдворены за пределы круга. Шилитоу со своей командой теперь просто следили, чтобы никто не пролез обратно.

— Не стреляйте в них, пока они не переступают за линию, — распорядился сержант. Он говорил на всеобщем языке, и его зычный бас хорошо слышали все подчиненные. — Нам приказано только охранять площадку, а вовсе не уничтожать население планеты. А ну-ка, ребята, устроим переключку. Хочу услышать ваши бодрые голоса.

— Джордан.

— Я.

— Юта.

— Я.

— Доккerti.

— Я.

— Верди.

— Я.

— Макс.

— Я.

Голоса десантников доносились из разных точек вдоль периметра, только Сокота все еще находился в уборной. Всего двадцать два голоса, не хватало трех. Мак добавил свое «Я», когда пришла его очередь, и отправился на поиски недостающих. Два тела он обнаружил недалеко от того места, где нашел маленького халианина. Помочь им было уже невозможно. Затем доктор оказал первую помощь Юте и еще четверем десанникам, получившим ранения. Капралша сидела на линии периметра, установив рядом с собой треножник плазменной пушки, и почем свет кляла столпившуюся перед ней рычащую свору.

Последнего десантника нашел Макс и позвал доктора. Все «Гориллы» видели — там произошло что-то неладное, но ни один не мог отлучиться со своего поста. Это был Пирелли. Он лежал на спине около разрушенного ангара, сразу за административным корпусом. Окровавленное тело было буквально истерзано зубами и когтями хорьков. Ран было столько, что доктор не поверил своим глазам, когда его анализатор показал, что прогноз благоприятен. Мак включал прибор несколько раз, но синий огонек смерти так и не зажегся. Состояние пациента было очень тяжелым, но современная медицина способна творить чудеса. Доктор оказал Пирелли первую помощь. Чуть позже, на орбите, хирурги возьмутся за раненого по-настоящему.

Участок периметра между зданием и руинами защищал Шилитоу. Здоровенный сержант стоял как скала, сверля взглядом сгрудившихся напротив него халиан. Разделявшая их линия периметра была видна очень хорошо: вдоль нее валялись трупы хорьков. В центре

запретного круга стоял Доккerti, бдительно охраняя работающий радиомаяк. Похоже, именно это устройство и вызывало беспокойство у халиан. Насколько мог судить Мак, они считали его бомбой. Неожиданно два взрослых хорька пересекли запретную черту и бросились к маяку. Спокойно, с нарочитой медлительностью, Доккerti прицелился и уложил их обоих. По толпе пробежало возмущенное рычание.

Среди халиан выделялись трое — очевидно, это были старейшины, руководившие остальными. Эти старейшины послали по направлению к маяку еще пару хорьков. Те отправились с видимой неохотой. Дойдя до линии и поглядев в дула направленных на них винтовок, они остановились.

— Оставайтесь на той стороне, и мы никого не тронем.

Сказав это, Шилитоу выразительно помахал дулом своей винтовки перед мордами хорьков. Толпа отхлынула назад, но потом снова придвинулась к самой границе круга.

— Ладно, ладно, — проворчал сержант, — стойте хоть на головах друг у друга. Все равно спиной к вам я не повернусь.

Мак несколько раз повторил приказ Шилитоу на халианском, пройдя по всему кругу так, чтобы каждый мог его услышать. Неожиданно из руин донесся слабый стон.

— Эй, кто здесь? — крикнул доктор. Шум мгновенно стих. Тогда Мак перешел на халианский. — Ответь мне, где ты?

— Я здесь, — послышалось приглушенное ворчание. Мак двинулся на голос, осторожно ступая по месиву из щебня, булыжников и всякого хлама. Вскоре он увидел распростертую на земле пожилую женщину-халианку. Заметив, что к ней приближается человек, она оскалила зубы.

— Возьми мою жизнь! — прорычала она.

— Я не убиваю.

— Трус!

— Я целитель. Позволь мне помочь тебе.

— Что это еще за... — Опять доктор услышал то же незнакомое слово, которое употребил детеныш.

— Я тот, кто борется со смертью. Прими мою помощь, и ты сможешь участвовать и в других битвах. Это путь мудрых.

— Эй, чем ты там занимаешься? — закричал Санборн, патрулировавший ближайшую часть круга.

— Я стараюсь помочь этой старой женщине, — спокойно объяснил Мак. — У нее дыра в животе и раздавлена одна лапа. Вероятно, кисть сломана.

— Ну и черт с ней. Это всего лишь хорек.

— Остынь, — неожиданно ответил ему Сокота, который, хромя, вышел из-за угла здания. — Сержант! — проорал он, — я прошу разрешения принять участие в оказании помощи местным.

— Что? — удивился сержант, не вполне уверенный, что расслышал правильно. Сокота был весь в крови, одна рука висела плетью.

— Да, конечно, — наконец удивленно сказал Шилитоу.

— Как у вас тут со светом, док? — спросил Сокота.

Доктор, донельзя довольный тем, что один из десантников оказался таким гуманистом, внимательно осмотрелся.

— Думаю, будет лучше, если мы перенесем ее вон туда, — он показал на ярко освещенный солнцем ровный край взлетно-посадочной площадки. Сокота перекинул свое оружие через здоровое плечо.

— Хорошо, док. Санборн, помоги-ка нам.

— Идиотизм какой-то, — проворчал Санборн, но спорить не стал. Напряженные взгляды халиан сосредоточились на людях, которые подняли старую халианку и осторожно перенесли на открытое пространство. Она корчилась и стонала от боли, халиане зароптали. Эллис и еще два десантника были вынуждены несколько раз для острастки пальнуть в

воздух, чтобы утихомирить толпу.

— Удовольствуйся моей жизнью, пришелец, — прошептала халианка, когда над ней склонился доктор. — Возьми ее, но не стреляй в моих детей.

— Мы никого больше не будем убивать, — заверил ее доктор, накладывая на рану антисептическое средство, перед тем, как вколоть обезболивающее. — Видишь? Больше никто не стреляет. — Мак успокаивал пациентку и одновременно занимался делом. Был задет только желудок. Легкие оказались в полном порядке. Анализатор показывал несколько сквозных ран в животе, но внутри все было чисто. «Ей повезло, — подумал доктор, — что моя модель анализатора запрограммирована и на халианскую анатомию».

— Ты лучше, чем твои братья, пришелец. Нам было сказано, что вы спустились, чтобы взять все жизни.

— Совсем нет. Кстати, а что означает, — тут доктор довольно удачно воспроизвел незнакомое слово, которое слышал уже дважды.

— Того, у кого так же мало чести, как и волос. Но у тебя должно быть больше волос, чем кажется, пришелец. Я не буду называть тебя так.

Доктор хмыкнул и предпочел сменить тему.

— Если почувствуешь боль, скажи. — Он начал осторожно ощупывать лапу халианки, пока не нашел место перелома. Это оказался закрытый перелом и все, что требовалось — правильно наложить шину. Доктор аккуратно соединил концы кости и перемотал лапу специальным пластичным бинтом, который, оказавшись на воздухе, быстро твердел. Через несколько минут шина была готова.

— Боль ничто для воина. — Как только Мак окончил операцию, халианка попыталась сесть. На ее груди висело что-то вроде медальона. По толпе халиан пробежал восхищенный вздох. Многие из них передвинулись по периметру таким образом, чтобы оказаться поближе к старой халианке. Один юнец попытался даже пробраться к ней, но, поймав грозный взгляд десантника, передумал.

Мак жестом подозвал Сокоту.

— Надо перенести Пирелли. Только осторожно. Парень очень плох.

Два десантника взяли своего товарища за руки и ноги и осторожно подняли. Тот вдруг пришел в себя, пронзительно застонал и забился, да так, что десантники его чуть не уронили.

— С ним что-то случилось, доктор! Мы не можем его удержать!

Мак бросил последний взгляд на свою пушистую пациентку и бросился на помощь. Он ухватил Пирелли за ноги, но здоровенный десантник словно взбесился. Мак подумал, что это реакция на новое лекарство, которое он ему вколол. Доктор попытался схватить несчастного покрепче и получил коленом по подбородку.

Неожиданно из-за черты донеслись дикие визги, которые привлекли внимание десантников. Четыре хорька спокойно прокладывали себе дорогу к запретной линии, невзирая на протесты и вопли соплеменников, пытающихся оттащить их обратно. У каждого на шее болтался какой-то значок.

— Это смерть! Это смерть! — разобрал Мак.

Шилитоу обернулся на шум и вскинул свою винтовку.

— Внимание! — проорал он своей команде.

— Нет, нет, подождите!

Мак старался перекричать начальника. Он отпустил Пирелли и бросился к сержанту. Два других десантника опустили Пирелли на землю и вскинули ружья.

— Пойдите! — надрывался Мак. — Мне кажется, они хотят нам помочь.

— Вот как? — Сержант взглянул на него, но оружия не опустил.

Четыре халианина прошли вперед и расстелили на земле толстый кусок ткани, а потом, дергая ушами (жест одобрения), принялись наблюдать, как доктор с помощью десантников перетаскивает Пирелли на эти импровизированные носилки. Затем они встали вместе с людьми по обеим сторонам полотна. Один из халиан кивнул Маку, показывая, что они готовы.

— На счет три, — сказал доктор десанникам, — раз, два, три!

Хотя хорьки и не понимали слов, но они прекрасно разобрались, в чем дело, и ухватились вместе со всеми за полотнище. Как только десантника опустили на землю, халиане повернулись и молча отправились обратно за черту.

— Разрази меня гром, — благоговейно прошептал сержант. — А ну, мужики, соберите всех раненых в одно место, чтобы Мак мог им помочь.

— Каких раненых? — удивился Занатовски. — У нас только один раненый и двое убитых.

— Вот этих! — Шилитоу широким жестом показал на тела, которые устилали посадочную площадку. Многие из них шевелились. — Нам велено охранять эту площадку, но в приказе ничего не говорится о том, как это следует делать. Сдается мне. Мак нашел самый хороший путь, чтобы избежать ненужных жертв. Так что принимайтесь за дело. А ты, Мак, можешь позвать своих волосатых помощников обратно.

— Есть, сэр! — доктор сам удивился тому, как весело прозвучал его голос. Сержант тоже улыбнулся.

— Черт меня побери, если это не первый случай, когда ты доволен моим приказом, — проворчал ветеран.

— Есть, сэр! — Мак постарался хотя бы на этот раз отдать честь как следует.

А потом для каждого нашлось дело.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Адмирал Дэв Су Эдисон, в отставке

Устав 41.4528D2.2

Военная дипломатия

Поскольку цель любой акции Флота определяется политической и экономической необходимостью, то случается, что полевые командиры должны иметь дело с дипломатическими проблемами, далеко выходящими за рамки их обычных обязанностей. Чтобы лучше подготовиться к подобным обстоятельствам, необходимо, чтобы все офицеры, а в идеале — весь персонал, хорошо понимали тактические и стратегические задачи. Если же это невозможно — значит, на высшем уровне имеются серьезные провалы. Так как пропаганда редко точно отражает настоящие цели любого военного конфликта, то следует хорошо проинструктировать персонал. Трудно преувеличить количество упущенных возможностей, если полевые командиры не могут или не хотят реагировать на дипломатические инициативы. Ведь такие счастливые случаи, преходящие по своей природе, возникают нечасто. С другой стороны, имеется множество примеров, когда подобные акции заканчивались без особого успеха, а иногда и с весьма печальными последствиями. В качестве примера успешной акции можно привести акцию в Море Клермонта, которая, по сути, привела к интеграции Флеш Эргоник в Альянс. Капитан Клермонт тогда намного превысил свои полномочия, но это привело к благоприятным результатам. (Прим. ред. По вопросу о карьере этого офицера данные Флота неполны. Считается, что он возглавлял какое-то задание исследовательского характера, но какое именно, неизвестно). В качестве примера, когда подобная акция привела к менее благоприятным результатам, можно назвать переговоры сержанта Снайтера со Слейнской Лигой. Хотя его усилия и привели к прекращению Первой Пелийской войны, они вместе с тем, по сути, спровоцировали начало гораздо более разрушительной Второй Пелийской войны.

Подобно тому, как дипломаты не могут быть военными, так и военным следует осознавать пределы своих возможностей, несмотря на все искушение. Строевой офицер обязан признать, что специалисты в области дипломатии необходимы так же, как необходимы военные медики или инженеры.

И полевой офицер, вступая на дипломатическое поприще, должен

руководствоваться следующими правилами:

- 1) Офицер должен предпринимать только действия, стабилизирующие обстановку.
- 2) Ни при каких обстоятельствах...

Дэвид Дрейк. КОНЕЦ

В бар «Красный свет» военные обычно приходили в гражданском, поэтому сержант в парадной форме, со множеством медалей, сразу привлек внимание и бармена, и подвыпивших клиентов. На левом рукаве сержанта имелась нашивка с эмблемой части: маленькая черная голова на белом поле, окруженная надписью «Сто Двадцать Первая рота быстрого реагирования». Через плечо была перекинута гирлянда из десятка трофейных хвостов хорьков.

«Красный свет» являлся частью огромного транзитного войскового комплекса, и здесь не очень-то уважали штатских, не имеющих отношения к Флоту. В тот вечер все в баре, включая даже самого бармена, несмотря на гражданскую одежду, явно принадлежали военному сословию. Парочка, уединившаяся в кабине, со всей очевидностью имела отношение к офицерскому составу; компания, попивавшая пиво за столиком в центре бара, судя по всему, состояла из зеленых новобранцев; здоровяк в дальнем углу бара мог быть кем угодно, но только не гражданским нытиком.

Но отсутствие формы означало и отсутствие вопросов, кто есть кто, у кого какие права и так далее... Никто никому не отдавал честь. И не было проблем, которые возникают, когда кто-то воображает, что участие в паре десантных операций позволяет не отдавать честь тыловому офицеру.

Но этикет потерял всякое значение, когда в баре появился сержант «Охотников за Головами», подразделения, которое поставило точку в войне Альянса и Халианской империи, войне между Цивилизацией и Дикостью.

— А я думал, — несколько неуверенно заметил один из офицеров, — что Сто Двадцать Первая погрузилась на «Дальриад» сегодня ровно в восемнадцать часов.

Часы за спиной бармена показывали 18:37.

— ...Для отправки на Землю, — закончил офицер.

— Чтобы поучаствовать в параде, ясное дело, — добавил его товарищ.

Сержант оперся о стойку бара. Его левая рука коснулась пластиковой, под дерево, поверхности стойки, что-то негромко звякнуло в рукаве.

— Что-то я не пойму, — сказал он, — ну, и что из этого?

— Еще пива, — произнес здоровяк в дальнем углу бара. Голос его был невнятным. Бармен проигнорировал требование.

— Да нет, ничего, — ответил офицер. — Даже будь я сейчас на службе, ничего такого бы в этом не нашел.

— Бармен, — вмешался его товарищ, — за виски сержанта плачу я. В самом деле, сержант, почему бы не...

Первый офицер уже выбрался из отдельной кабины, в руке он держал стакан.

— Вы позволите присоединиться к вам? — вежливо спросил он у сержанта, направляясь к стойке.

— Ну, чего уж там, я рад компании. Никак не могу с этим смириться — с этим миром с хорьками. Мы ведь взяли их за жопу. Надо было кончать это дело, пока, — он потрогал свою связку хвостов, — от проклятых тварей не осталось бы только это!

— Я счастлив познакомиться с «Охотником за Головами», — сказал первый офицер, протягивая сержанту руку. — Меня зовут Хои. А это — мой друг, Льюис.

Несомненно, они были командирами, возможно, даже капитанами.

«Охотник за Головами» пожал руки офицерам:

— Сержант Оклин Брэдли. Извините, может, я что не так сказал, но настоящего солдата просто выворачивает от всего этого дерьма. Надо же придумать — мир с хорьками!

Бармен поставил виски на стойку, но так как Брэдли стоял к нему спиной, бармен продолжал держать стакан, чтобы сержант нечаянно не опрокинул его.

— А вы, должно быть, присутствовали при их капитуляции? — спросил Хои, передавая стакан Брэдли.

Женщина, основательная блондинка, в блузке с бретельками, поднялась из-за стола и направилась к стойке. Она была мертвецки пьяна, но передвигалась довольно уверенно.

— Эй, Бэбс! — окликнул ее один из спутников.

Незадолго до этого компания оглушительным шепотом обсуждала какие-то свои проблемы.

Но если ее собутыльники и были недовольны тем, что их компания распалась, то ничем не показали этого и последовали за Бэбс, присоединившись к офицерам. Теперь сержанта-Охотника обступили со всех сторон.

— Ну, еще бы, я там был, — продолжал рассказывать Брэдли. Он подождал, когда все подойдут поближе, и заговорил снова. — Мы приземлились прямо в их Президентском дворце, или как он так называется...

— Резиденция Высшего Совета, — вставил Льюис.

— Да-да, я слышал об этом, — подтвердил Хои. Он с завистью разглядывал коллекцию хвостов. — Халиане преклоняются перед силой, и завоевать их столицу — значит овладеть всей пирамидой власти хорьков.

Человек в дальнем конце бара глазел в кружку, словно изучая свое отражение в поверхности пива.

— Мы столько их перебили, что целый корабль можно было бы утопить в их крови, — продолжал Брэдли. — Никогда в жизни не знал большего удовольствия. Мы с боем прорвались в Центр, повязали всех главных хорьков целенькими... Но кэп Ковач сказал, что мы должны позволить им сдаться, вместо того, чтобы всех их сжечь, как и следовало.

Брэдли залпом выпил виски и стукнул пустым стаканом о стойку. Бэбс придвинулась поближе к сержанту, почти касаясь своей тяжелой грудью его мускулистого плеча.

— Ну, все же это позволило закончить войну, — заметил Льюис, немного смущенный тем, что не может согласиться с героем.

— Не войну, а этот этап войны, — резко возразил его товарищ. — За халианами ведь кто-то стоит.

Бармен снова наполнил стаканы.

И Охотник начал вспоминать...

Внутри десантного корабля Л435 капитан Миклош Ковач щурился, стараясь получше разглядеть то, что являлось мишенью на голографическом дисплее. Дисплей, разумеется, был абсолютно неподвижен, но капитан никак не мог сосредоточиться.

Высокая скорость в атмосфере всегда означает турбулентность, а высокая скорость была жизненно необходима, дабы расстроить идентификационную систему хорьков под нелепым названием «Друг или враг».

У каждого второго десантника имелись портативные пусковые ракетные установки. Они назывались «портативными» потому, что люди таскали их с собой, а вовсе не потому, что и в самом деле были легки и удобны. Остальные десантники тащили по три комплекта зарядов.

Ракеты предназначались для уничтожения таких же ракетных пусковых установок халиан. Но даже когда с этим будет покончено, «Охотники за Головами» не полезут в подземелье охотиться на хорьков. Еще трое десантников волокли на спинах тридцатикилограммовые баллоны с газом ДПД.

Предполагалось пустить газ в норы халиан.

На военном транспорте «Дальриада» места, конечно, хватало, но у «Охотников за Головами» было слишком много снаряжения, чтобы они могли расположиться с удобствами

на своем скутере. Десантники сидели в тесноте, постоянно толкая друг друга и нещадно переругиваясь. Кроме всего прочего, они знали, что из-за тяжести и громоздкости ракет им придется отказаться от бронекompлектов, которые полагались при подобных штурмах.

Подразделения на остальных семи десантных кораблях на «Дальриаде» получили нормальные задания: высадиться на границах укрепленного района и атаковать. Со Сто Двадцать Первой все обстояло немного иначе. Во время прошлой вылазки «Охотники за Головами» захватили курьерское судно хорьков. Теперь же они сами были замаскированы под корабль халиан. И главная задача Охотников состояла в том, чтобы незаметно, не привлекая ничьего внимания, приземлиться на планете.

Хорьки могли самыми разными способами вычислить Охотников. Перед скутером Охотников выпустили два беспилотных судна, которые были подбиты. Третье беспилотное судно достигло поверхности благополучно. Поэтому на командном пункте были уверены, что скутер Охотников опустится на поверхность целым и невредимым, если будет испускать те же радиосигналы, что и третье судно. Для командного пункта речь шла об очередной роте. Для «Охотников за Головами» речь шла о жизни или смерти.

— ...секунд до посадки, — услышали они. Из-за плохой связи Охотники так и не узнали, сколько же именно осталось секунд. Но если речь шла о секундах, значит, дела обстояли неплохо.

— Подождите там! — заорал в микрофон сержант Брэдли, увидев, что кое-кто из новобранцев собирается выпрыгнуть прежде, чем корабль приземлится.

Не было ни взрывов ракет, ни выстрелов из автоматических плазменных орудий. Все шло пока хорошо...

Пока гостей не обнаружила наземная охрана хорьков. Но они-то и были нужны Охотникам.

Но среди Охотников на этот раз было слишком много новичков. И слишком много случайностей во время предыдущей операции на Бычем Глазе...

Ковач почувствовал толчок — скутер коснулся поверхности планеты, и через минуту на полную мощность заработали тормозные двигатели.

— Вперед! — хором рявкнули Ковач, Брэдли и командиры взводов, как только сработало взрывное устройство, выбивая крышку люка.

Сто Двадцать Первая десантная рота, «Охотники за Головами», приступила к операции.

Оказавшись на плоской крыше крепости, десантники тут же были оглушены ревом выпущенной противником ракеты орбитальной защиты. Один из десантников, остававшийся на борту скутера, выпустил ракету из своей портативной пусковой установки.

Из-за взрывной волны это было довольно опасно. Реакция десантника была объяснима и понятна. Особенно, если в тебя начинают палить, как только ты приземлился.

Ракетная шахта хорьков находилась в крепости. Небольшой реактивный снаряд десантников, направленный в центр шахты, выпустил вниз еще один снаряд. Даже если противник готовил к запуску новую ракету, то скорее всего снаряд десантников успел уничтожить верхушку установки, тем самым предотвратив новый ракетный удар со стороны хорьков.

Крепость халиан представляла собой нагромождение бетонных коробок, причем плазменные орудия были установлены в каждом углу, а глубоко внизу находились ракетные шахты. Предполагалось, что скутер сядет на самое высокое из бетонных укреплений, но этого не произошло: западное укрепление было выше того, на котором оказались десантники, так что плазменные орудия противника могли уничтожить всю роту.

— Дельта, проверьте двести двадцать градусов, — приказал Ковач. Шлем выводил на внутренние дисплеи разные участки крепости. — Освободите верхнее...

Раздался грохот плазменного орудия. Капрал Синкевич стояла рядом с Ковачем, она была самым надежным телохранителем во Флоте. Ручное плазменное орудие, из которого она только что выстрелила, довольно тяжелое, выглядело в руках могучей капралши хрупкой и безобидной игрушкой.

Огневая установка халиан исчезла в мгновение ока.

Там, где только что находилась верхняя часть бетонной конструкции, вспыхнуло ослепительное пламя. У взвода «Дельта» имелась своя плазменная пушка, и им не нужно было дожидаться приказов Ковача. Десантники и сами прекрасно понимали, что если им не удастся в ближайшие секунды подавить вражескую огневую точку, то их дело швах.

Из-за оглушительного грохота Ковач практически ничего не слышал, что происходит в наушниках. Командиры отделений, вооруженные эхолокационными приборами, использовали шум для установления схемы крепости. Как только сержант получал топографическое изображение очередной шахты, он тут же сигнализировал десанникам, вооруженным ракетными установками.

Ракеты десантников уничтожали одну бетонную конструкцию за другой. Иногда вспышка желтого пламени указывала на то, что огромная халианская ракета разорвалась прямо в шахте.

Но халиане внезапно прекратили огонь.

Ковач огляделся, чтобы собственными глазами увидеть то, что он видел на дисплее шлема. Насколько он понимал, с той стороны, где они произвели посадку, стреляли только его парни.

В воздух больше не взлетали орбитальные ракеты. Затих грохот выстрелов. Что за черт?

На мгновение установилась оглушительная тишина: остальные десантники тоже поняли — происходит что-то неладное. А потом Брэдли взревел:

— Огонь!

И три ракеты одновременно устремились к северо-западному углу крепости.

Раздался взрыв, в воздух взлетели обломки стальной потайной двери. Осколки бетона и стали мешались с клочьями шерсти.

— Повторить! — приказал Ковач, три новые ракеты поднялись в воздух, и три взрыва раздались над воротами, уничтожая халиан, затаившихся под стенами крепости.

Ковач был более легок на подъем, чем его товарищи, обремененные тяжелыми орудиями. Он бросился в брешь, зиявшую на месте стальной двери.

— Газовые средства, вперед!

Похоже, взрыв задержал хорьков всего на несколько мгновений. Не успел Ковач отдать приказ, как в проломе появилась группа халиан. Поливая из автомата, Ковач не раздумывая устремился навстречу врагу. Охотники не отставали от своего командира. Еще один выстрел из плазменной пушки поразил цель. Капрал Синкевич хорошо знала свое дело.

Хорьки чем-то размахивали.

Из ямы появлялись все новые и новые халиане. Десантники забросали их гранатами.

Ковач остановился, чтобы перезарядить оружие. С ним поравнялся один из десантников с зеленым газовым баллоном за спиной.

Очередная группа хорьков вылезла из недр крепости. Ковач прицелился и замер. Но его товарищи успели уничтожить нескольких противников.

Хорьки размахивали белыми флагами.

— Прекратите огонь! — закричал Ковач. На смену убитым лезли все новые хорьки. — Прекратите огонь!

В следующей группе было около дюжины безоружных халиан, и все — с белыми флагами. Среди них были самки.

Один из десантников выстрелил из плазменной пушки. Еще несколько хорьков превратились в облако пара.

На их месте тут же возникли новые.

— Прекратите огонь! — яростно заорал Ковач, бросаясь вперед. Он встал между халианами и десанниками.

По одну руку от Ковача замерла Си, по другую — сержант Брэдли.

Сержант и капрал проклинали своего командира, но не так горько, как он проклинал

себя и свое начальство. Ему следовало быть внимательнее!

Никто не стрелял. Все молчали. Слышно было лишь, как тяжело дышит Ковач. Он медленно повернулся к халианам и поднял щиток с экраном.

Хорьков было двенадцать. Они стояли на краю воронки, размахивая белыми флажками. Морды подняты вверх, так что была видна белая шерсть на шеях. Хорьки морщили морды, но Ковач не знал, была ли это осмысленная мимика, или же реакция на жар. Он убил сотни хорьков, и ни разу у него не было времени разглядеть их как следует.

— Шлем! — приказал он, — обеспечить перевод.

Он вытянул вперед свободную левую руку и обратился к хорькам:

— Эй вы! Кто у вас главный?

Динамик в верхней части его шлема пролаял тот же вопрос на халианском.

Никто из хорьков не носил ни одежды, ни украшений. Халианин с левого фланга шагнул вперед и протараторил что-то. Шлем перевел:

— Вы — воины Флота? Да, вы воины Флота.

— Отвечай! — закричал Ковач. Ему показалось, что почва под ногами вдруг затряслась...

— Мы желаем сдаться воинам Флота, — объявил хорек. Ростом он был примерно метр сорок, по грудь Ковачу. — Вы — воины Флота?

— Черт возьми, — пробормотал Брэдли, сжимая в руке автомат.

— Нечего и спрашивать, — ответил Ковач. — Мы «Охотники за Головами», мы лучшие из Флота. Но ведь халиане никогда не сдаются! Вы хотите сдать эту крепость?

— И вторую тоже. Вы бойцы, достойные уважения. Следуйте за нами вниз, воины Флота.

Синкевич захохотала.

— Дерьмо! — воскликнул Ковач. — Скажите вашим, чтобы выходили по одному, а насчет сдачи — посмотрим.

— Прошу вас, — пролаял халианин. — Вы должны пройти в резиденцию Совета, чтобы принять нашу капитуляцию.

— Дерьмо! — повторил Ковач. Он решил обернуться. Три десантника с газовыми баллонами замерли на коленях. Чуть сзади ждали команды остальные.

— Вот что, выводите своих вверх по одному, не то...

У хорьков при себе не было никакого оружия — не считая, разумеется, клыков и острых когтей.

— Значит, я потерпел неудачу, — заявил парламентар. Подняв лапу, он разорвал себе горло когтями.

— Боже всемогущий! — вырвалось у Брэдли, Ковач же только глухо простонал.

Хорек повалился на оплавленный бетон. Тело его еще содрогалось, когда вперед вышел следующий халианин.

— Мы просим вас последовать за нами в резиденцию Совета, воины Флота, — сказал новый парламентар. — Лишь оттуда мы сможем передать всем весть о капитуляции.

— Нет! — крикнул сержант Брэдли, и второй хорек вскинул лапы.

— Да! — крикнул Миклош Ковач, которому вдруг показалось, что в судорогах корчится не умирающий халианин, а бетон под ногами.

— Как, сэр, — ошарашенно спросил один из десантников. — Неужели всем?

Лейтенант Мандрикарт, командовавший взводом, что прикрывал десантников с тыла, повернулся к командиру. Ковач ткнул в него пальцем:

— Гамма шесть, оставайтесь за командира, пока я не вернусь, ясно? Если этого не произойдет через... через шестьдесят минут — кончайте дело. — Он кивнул в сторону десантников с газовыми баллонами и зловеще улыбнулся.

— Сэр, — сказал Брэдли, — мы не можем на это пойти.

Ковач взглянул на него и сказал:

— Я сделаю это, Топ.

— Возьмите это, шеф, — сказала капрал Синкевич. Она высвободила один из баллонов с газом и приделала к нему взрыватель. Если теперь уронить баллон, то он разорвется, и ДПД распространится по всей крепости. — Ну вот, — сказала капралша, похоже, весьма довольная своей работой, — теперь мы готовы.

Брэдли, выругавшись, проверил свой автомат и заметил:

— Верно, прихватим с собой эту вонючую хреновину.

Ковач вовсе не приказывал сержанту и Си следовать за ним, но он знал, что спорить бесполезно.

— По... — начал он, но голос его дрогнул. — Ну, пошли, — вымолвил наконец Ковач.

Одиннадцать оставшихся в живых халиан с готовностью полезли в пробоину.

Ковач двинулся следом.

— Я пойду впереди, — безапелляционно заявила Си.

— Черта с два! — отрезал капитан и решительно оттолкнул Синкевич.

И они начали спускаться в вонючую яму. Внизу их ждала целая толпа хорьков, все до одного с флагами. Поскольку металлическая лестница была разрушена еще первым взрывом, халиане карабкались по деревянным опорам. На бетонном полу лежали трупы и обугленные куски белой ткани. Хорьки, толпившиеся внизу, галдели все разом, так что переводчик шлема растерялся и замолк.

— Назад! — пролаял парламентар-хорек, угрожающе вскинув лапы. — В резиденцию Совета!

Толпа халиан послушно устремилась в темный туннель. Где-то впереди мерцали лампы, но все ближайшие светильники разрушили Охотники во время штурма.

Ковач посмотрел вниз, поморщился и спрыгнул, поскользнувшись на бетонном полу.

— Осторожно, — предупредил он своих спутников, но Синкевич уже ухватила одной рукой за выступ наверху, а другой, словно ребенка, прижала к себе свой смертоносный груз.

Брэдли, очевидно, подумал о том же, потому что проворчал, прежде чем последовать вниз за своими товарищами:

— Надеюсь, эта пакость не рванет.

— Идите за мной! — пролаял халианин, словно это он, а не Охотник, диктовал условия. Очевидная готовность хорьков умереть делала их абсолютно неуправляемыми.

Впрочем, то же самое относилось и к бойцам подразделений быстрого реагирования.

Потолок в туннеле был слишком низок для Ковача, так что капитану пришлось пригнуться. Он ожидал, что Си станет ругаться, но та шла молча. Очевидно, была сосредоточена на том, чтобы не уронить свою опасную ношу и не покончить со всем прежде, чем...

Прежде, чем все это должно было закончиться.

Они дошли до поворота. До капитана случайно долетел обрывок команды, которую отдал Мандрикарт десантникам — максимально подготовиться к обороне. Потом голос затих. Наконец они подошли к лифтам, около которых столпились хорьки.

— Следуйте за мной, — сказал парламентар, открывая дверцу ближайшей кабины.

Кабина была настолько низкой и тесной, что три человека и хорек с трудом уместились внутри. Халиане, толпившиеся у лифтов, бросились в остальные кабины.

Брэдли трясло.

— Ну и вонь... ну и вонь! — только и твердил он.

Сержант был прав: здесь все насквозь провоняло хорьками, а для человека вроде Брэдли, видевшего, что сделали с его маленькой дочкой, этот запах был хуже смерти.

Или для такого человека, как сам Ковач, чья семья находилась в Грэйвли, когда там приземлились хорьки.

Ковач вздрогнул.

— Перестань, Топ, — сказал он резко, — мне совсем не хотелось бы сейчас заразиться клаустрофобией.

Брэдли снял шлем, закрыл глаза и ущипнул себя за лоб.

— Нет, дело не в этих клетушках, — пробормотал он. — Нет, не в них. Все эти проклятые хорьки... Я не могу, я...

Парламентер бросил на него настороженный взгляд. Все замолчали и не разговаривали, пока кабина не остановилась. Хорек открыл дверь и повторил:

— Следуйте за мной.

Ковач не мог определить, на какую глубину они спустились. У выхода из лифта их снова ждала огромная толпа хорьков. Стоял дикий гвалт. Многие халиане были обвешаны металлическими и кожаными украшениями и знаками отличия, но капитан не заметил оружия.

Он шагал чуть позади парламентаря, наблюдая, как толпа расступается перед ними. Его тревожила мысль о тылах.

Но теперь, когда они зашли так далеко, об этом можно было и не беспокоиться. По крайней мере в этом туннеле потолок был достаточно высок даже для капрала с ее смертоносной ношей.

Парламентер провел их под аркой. Помещение, в которое они попали, было огромным даже по человеческим понятиям.

И этот огромный зал был битком набит хорьками.

Открывшаяся картина, в сочетании с шумом и резким запахом, подействовала на Ковача как хороший апперкот, капитан внезапно остановился, и Синкевич налетела на него.

Ковач закрыл глаза и с силой потер. Стало только хуже. С отчетливой ясностью перед глазами вспыхнула картина: мертвое тело матери, окруженное вонючими, мохнатыми тварями, которые...

— Нет! — заорал Ковач. Ответило ему только эхо. Он снова открыл глаза.

От толпы отделилась группа халиан. Они были в плащах, расшитых узорами мягких, естественных тонов и драгоценными камнями.

Все были очень стары, некоторые хромали.

«Хорьки никогда не носят одежды».

Многие из собравшихся халиан тяжело вздыхали. Вышедшие вперед старики резкими, какими-то ритуальными движениями стали рвать на себе одежду. Некоторые плакали. Они попадали на пол, на спину, так что десантники могли бы, если бы захотели, поразить их в шею или в брюхо, и поползли вперед.

Те из них, что находились в центре, пронзительно заголосили. Автопереводчик в шлеме Ковача заговорил:

— Халия капитулирует перед вами, о воины Флота. Отныне мы ваши подданные, ваши рабы, вы можете распоряжаться нами, как пожелаете.

«Как там говорил хорек-парламентер? Резиденция Совета? Так это Высший Халианский совет? Не крепость сдается, а...

— Халия капитулирует перед вами...

...капитулирует весь народ!»

— ...перед вами, воины Флота...

Ударил автомат Брэдли. Разрывная пуля попала в грудь оратора. Из рта хлынула кровь.

Пожилый хорек, стоявший рядом с упавшим халианином, продолжил скандировать за него:

— Мы — ваши рабы, воины Флота. Располагайте нами, как вам угодно. Мы...

Лицо сержанта Брэдли превратилось в жуткую маску. Оскалившись, он отшвырнул шлем. Глаза его стали дикими.

— Вы умрете, — протянул он, словно подражая хорькам, — вы все...

Он снова выстрелил, и вторым зарядом разнесло голову убитого хорька.

— ...все умрете, все...

Ковач левой рукой ухватился за ствол автомата, раскаленный металл обжег руку. Не так-то легко оказалось справиться с разбушевавшимся Брэдли.

— Брось оружие, Топ! — приказал капитан.

Стоны толпы стали громче. Запах хорьков смешался с пороховой гарью.

— ...мы ваши подданные, ваши...

Брэдли снова пальнул по трупам и прорычал:

— ...все хорьки в этой поганой...

— Брось! — заорал Ковач, приставив дуло своей винтовки к виску Брэдли. Он видел перед собой только ствол и клочок волос на голове сержанта...

Раздался стук. Брэдли бросил оружие и упал без сознания, Синкевич пустыми глазами смотрела на капитана. На зеленом газовом баллоне краснело пятно того же оттенка, что и ссадина на затылке Брэдли. Но с сержантом будет все в порядке, когда он придет в себя...

— От имени Альянса, — дрожащим голосом провозгласил капитан Ковач, — я принимаю вашу капитуляцию.

Он прикрыл глаза левой рукой. Ему не следовало это делать. Он снова вспомнил о своей матери, растерзанной хорьками...

— Сержант Брэдли, разрешите и нам вас угостить! — сказал один из новобранцев.

Сержант, поигрывая хвостами хорьков, заговорил снова:

— Б-бить их надо было. Бить, пока каждому из людей не достанется по одеялу из шкур этих тварей. Н-надо было...

Тут в бар кто-то вошел. Человек был столь огромен, что даже сержант поднял голову.

Это была женщина в комбинезоне. Она прищурилась, осматривая полутемное помещение бара. Бросив взгляд на Брэдли, она тут же отвернулась. Увидев здоровяка в дальнем углу, она направилась к нему. Внезапная улыбка сделала ее лицо почти привлекательным.

Брэдли между тем продолжал говорить.

— Пока хоть один хорек есть в космосе, значит, их больше, чем надо.

— Слышь, — пробормотала пьяная блондинка, — пойдем, сходим с тобой куда-нибудь?

— Привет, кэп, — сказала крупная женщина, обращаясь к мужчине, сидевшему в дальнем углу. — Рада вас видеть.

— Уйди, Си, — ответил он, глядя в кружку. — Ты лишишься звания, если не уйдешь вовремя.

— Хрен с ним, со званием, — ответила она. Все в баре теперь смотрели на них. — И потом, командир Гольдштейн говорит, что «Дальриада» все равно не улетит, пока мы не доставим вас, сэр.

Она положила его правую руку себе на плечо, обняла сзади и подняла. Сейчас человек казался еще более огромным, чем когда сидел за столиком.

— Ты всегда вытаскиваешь меня оттуда, куда мне не следовало соваться, Си, — пробормотал он.

Женщина осторожно потащила его к выходу.

— Бывали места и похуже, сэр, — заметила она.

— Но хуже, чем сейчас, не было, Си, поверь мне.

Он едва перебирал ногами. Когда они поравнялись с группой у стойки, женщина глянула на сержанта. Человек, которого она тащила, кажется, пришел в себя и, криво усмехнувшись, сказал:

— Теперь я в порядке, Си.

— А ты кто такой? — спросила амазонка, обращаясь к мужчине в парадной форме.

— Тебе-то что? — прорычал тот в ответ.

— Это сержант Брэдли из Сто Двадцать Первой десантной роты, — сказал один из мобилизованных.

— Черта с два, — ответила женщина. — Топ сейчас обыскивает бары в другом районе. Ищет вот его, капитана Ковача.

Ковач продолжал улыбаться, но лицо его напоминало маску.

Люди вокруг «сержанта Брэдли» расступились, точно у него вдруг выросла вторая голова.

Обманщик попытался скрыться, но Синкевич обхватила его сзади рукой за шею.

— Думал показать себя большим героем, а? Небось, какой-нибудь портовый клерк? Решил разыграть из себя героя?

Самозванец судорожно извивался, пытаясь вырваться. Из левого рукава выскользнул нож. Синкевич схватила его за руку с ножом и вывернула ее. Хрустнула кость. Нож выпал, и капральша перехватила его.

— Герой, — сказала она сдавленным голосом, схватила связку «трофейных» хвостов, висевшую на плече самозванца, и швырнула ее на пол.

— Сколько ты заплатил за это? — спросила она.

Бармен положил палец на кнопку вызова портовой полиции, но не нажал.

Синкевич так сжала горло самозванца, что тот аж посинел. Никто не пытался остановить ее. Правой рукой она оторвала рукав с эмблемой Охотников и бросила на пол, где валялись хвосты.

— Я в порядке, Си, — повторил Ковач, но позволил обнять себя за плечи.

Когда Охотники покинули бар, один из новобранцев пробормотал: «Ты, брехло поганое» и пнул ногой лежавшего на полу «сержанта».

Ковач между тем открыл, что если он сосредоточится, то способен идти самостоятельно. Около порта было большое движение, но пешеходы добродушно уступали дорогу огромным десантникам.

— Знаешь, Си, — сказал Ковач, — у меня иногда бывают грезы наяву. Я вижу себя дедом с длинной бородой, ко мне подходит девочка и спрашивает: «Прапрадедушка, что ты делал на войне?»

— Осторожно, сэр, столб, — предостерегла Синкевич. — Через пару минут мы дойдем до нашего скутера.

— А я ей и говорю, — продолжал он, — знаешь, деточка, я выжил на ней.

Он заплакал. Она прижала его к себе.

— Но я ведь никогда и не думал, что выживу, Си, — бормотал Ковач. — И не думал!

— Успокойтесь, сэр. Через минуту я уложу вас в кровать.

Ковач поднял на Синкевич красные от слез глаза:

— А знаешь, что интересно, Си? Я и не думаю, что я выжил.

— Успокойтесь...

— Если не надо убивать хорьков, то как сможет жить Миклош Ковач?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Адмирал Дэв Су Элисон, в отставке

Устав 468475AL1

...за годы Лиги установилась жесткая политика эксплуатации. Даже во времена ранней Империи отношение к негуманоидным расам определялось больше их сходством с людьми, чем их реальной ценностью. В золотой век Высокой Империи все расы достигли наконец функционального равенства. В эпоху, последовавшую за бегством последнего императора, отношение к чужакам было очень разным, в зависимости от местных условий.

Сейчас на Флоте используют чужаков с учетом уникальных свойств каждой расы. В каких-то случаях это означает, что от их услуг попросту отказываются. В других же — использование чужаков оказывается более чем оправданным.

Подчас биологические особенности негуманоидных рас начинают играть главную роль. Так, например, только кэрлы из Гамильтонова мира способны выжить в условиях сенсорной депривации, развивающейся при длительной работе в открытом космосе. А в условиях высокой радиации особенно эффективны

хрупкие паглиане.

И все же большинство во Флоте — люди. И дело здесь не столько в ксенофобии, сколько в разумной необходимости. Во всякой военной организации прежде всего следует избегать разнобоя в требованиях. А многообразие подходов, диктуемое многообразием рас, лишь повредит боеспособности. Поэтому основная масса персонала во Флоте должна быть подчинена определенным стандартам. Имея в виду плодовитость людей и их склонность к насилию, естественно ожидать, что именно человеческая раса должна принять на себя ответственность за обеспечение Флота кадрами.

Впрочем, человечество показало себя отлично приспособленным к войне. Мало кто из чужаков разделяет или хотя бы понимает наше восхищение разрушением. Те же, кто все же отличается этой особенностью, являются либо надежнейшими союзниками, либо злейшими врагами человечества.

Кристофер Сташеф. СОПРОТИВЛЕНИЕ

— Ложь!

Посланец вскочил, трясаясь от негодования, и посмотрел в глаза Штитсину, устроившемуся в фамильном кресле.

Вокруг беспокойно зашевелились воины Штитсина. На стенах Большой Палаты Твердыни Края висели трофейные знамена и оружие, добытые в славных битвах за несколько столетий. Среди этих трофеев имелись и совсем недавние — стрелковое оружие и лазерные пистолеты офицеров и рядовых Флота.

— О глава рода Края, — продолжал настаивать гонец, — это послание написано собственноручно Вождем Клана!

— Не может такого быть! — рявкнул Штитсин. — Никогда вождь халиан не проявил бы подобной трусости!

— Как можно называть трусостью деяния Вождя Клана? — сурово спросил посланец.

Легат Синдиката, стоявший за спиной Штитсина, наклонился и пробормотал:

— А как мог пойти на трусость Вождь Клана?

Ответ был очевиден, и Штитсин не побоялся произнести вслух:

— Если это и вправду написал Вождь Клана, он, должно быть, получил плату от землян.

Посланец, не справившись с гневом, выругался. Голос его дрогнул от негодования, когда он заговорил вновь:

— Это вовсе не трусость, но достойное похвалы уважение к противнику, доказавшему, что заслуживает уважения!

Объяснять он ничего не стал — в этом не было никакой нужды. Флот теснил халиан на всех фронтах; люди Флота захватили Цель, несмотря на яростное сопротивление халиан, а теперь они вторглись и на родную планету! Их можно ненавидеть, но это могучие воины, заслуживающие уважения.

А так как люди вышли из этой войны победителями, халиане должны принять требования Флота так, как если бы речь шла о приказе командира.

Но на Цели воины Флота убили самку и детенышей Штитсина. Более того, они уничтожили его родной поселок. И Штитсин не мог простить людям этого, как не мог и думать о Флоте, как о союзнике.

— Итак, Вождь Клана Рухас говорит, что мы должны прекратить воевать за деньги и выступить заодно с Флотом Альянса, который показал себя достойно. Мы должны порвать с Синдикатом, который пытался купить нашу честь и обманывал нас!

— Замолчи! — зарычал Штитсин, вскакивая. — Я не позволю клеветать на советника, который столь долго и столь мудро помогал мне! Картрайт не лжец, он храбрый. Испытанный воин, мы сражались с ним плечом к плечу во многих битвах. Не смей

поднимать голос против него!

Картрайт улыбнулся и слегка поклонился в знак признательности.

Посланник презрительно усмехнулся:

— Как? Значит, нельзя говорить ничего дурного про твою тень из Синдиката, про того, кто оценивает честь в монетах и называет лжецом Вождя Клана Рухас?

— Если он говорит правду, то пусть явится сюда, в Твердыню Края, и повторит все, глядя мне в глаза. Пусть здесь он хулит вассала, который всегда был верен и честен! Пока он не сделает этого, халиане Края будут убивать воинов Флота, которые посмеют приблизиться к нам!

— Тогда торопись, — усмехнулся посланник. — Ведь войско Флота уже движется по равнине, направляясь к вашим воротам, а над вашим замком кружит легкое военное судно.

Штитсин словно окаменел. Потом он прошипел:

— Они явились, чтобы убить нас! Ты предатель и лжец!

В этот момент в Большую Палату ворвался запыхавшийся воин.

— Военачальник Штитсин! Мертвые Глаза показывают, что в наш Край вошло войско, а в небе парит корабль-разведчик!

Штитсин с ненавистью взглянул на посланника.

— Поднимись на стену замка, — настойчиво сказал тот, — посмотри вниз и убедись, что это действительно воины Флота. Ты увидишь, сколь бесчисленно это войско!

По крутой лестнице Картрайт поднимался вслед за Штитсином, отставая лишь на пару ступенек. Глава рода отметил этот факт с мрачным удовлетворением. Как он и говорил, Картрайт был настоящим воином. Поднявшись на стену, Штитсин приник к амбразуре. Эти стены построил его отец, погибший в битве десять лет назад. Построил на деньги, которые дал Синдикат. Тот же Синдикат научил пользоваться огромными машинами, которые обрабатывали и поднимали большие камни. Штитсин смотрел, как когда-то смотрели его предки, на уютную долину, примостившуюся между двумя речками, которые текли навстречу друг дружке, вместе впадая в Великую Реку. Там, за Великой Рекой, лежали земли клана Черлинг, союзника и друга, но в прежние времена самого злейшего врага. Сотни лет кланы разделяла вражда, но как-то раз явились Синдики и показали халианам чудесное оружие. Безволосые существа пообещали воинам это сокровище, если халиане объявят войну Флоту. На мгновение Штитсин почувствовал стыд, неудивительно, что воины-халиане охотно поддались на посулы гонцов Синдиката. Да и кто бы устоял перед волшебным оружием, способным поразить цель высоко-высоко в небе. Более того, люди Синдиката подарили халианам шлюпки, на которых можно достичь звезд! Его деду все это должно было казаться истинным чудом, и Штитсин хорошо понимал его чувства. И тогда все халиане прекратили враждовать и объединились против презренных людишек Флота...

И вот теперь эти «людишки» толпой маршируют по долине Клана, приближаясь к воротам его замка.

Штитсин снова посмотрел на этих, голокожих, с руками, лишенными когтей. Как могли подобные твари научиться воевать? Ведь, казалось, одолеть их не составит труда...

Но этого не случилось, и клан Штитсина вместе с бывшим врагом, кланом Черлингов, теперь защищал свои пределы от нового вторжения... Враги иногда становятся союзниками.

Штитсин вспомнил свою подругу и детенышей. Перед глазами бесновалось пламя, поглотившее их в тот страшный час. И пожар ненависти с новой силой вспыхнул в его душе. Какая честь может быть у тех, кто убивает целые семьи, не щадя детей и женщин? Как могли Вожди Кланов заключить мир, а потом и союз с Флотом? Лучше бы халианам погибнуть, всем до одного! Штитсин отдавал должное врагу, его стойкости и боевому искусству, но ненависть к людям была слишком сильна.

— Что верно, то верно, Картрайт, — произнес Штитсин сквозь зубы. — У них нет ни ракетных установок, ни пушек. Они пришли с миром — насколько это возможно для войска.

— А насколько это возможно? — тихо спросил Картрайт. — И что будет, если тыпустишь их в замок?

Штитсин стоял неподвижно. Старая вражда к людям Флота давно уже переросла в жгучую ненависть.

— Стрелок! — рывкнул он вдруг, обращаясь к воину, стоявшему неподалеку. — Подстрели-ка эту посудину!

Воин подчинился без звука. Он развернулся к пушке, на мгновение замер. Грянул выстрел. Корабль вспыхнул.

— Защитное поле! — заорал Штитсин. — Измена!

Но военное судно находилось слишком близко к полю, чтобы абсорбировать всю энергию. Корабль не смог причинить серьезного ущерба крепости, хотя ему и удалось отразить удар.словно молния ударила в стену, снеся две бойницы. Прежде чем заряд достиг цели, Штитсин успел рухнуть на каменные плиты.

— Разве друзья, так поступают? — крикнул он.

— Так поступают те, кто нападает, — ответил Картрайт, лежавший рядом. — Выстрел, однако, был слабый...

— Теперь они узнают, что такое ярость Рода Края! — вскричал Штитсин, вскакивая. — Воины! Вооружайтесь и готовьтесь к вылазке! Вспомните, как ваш пращур отражал нападения разбойников!

— Не-е-ет! — раздался ужасный крик, и все воины застыли на месте.

Посланец бросился вперед, к воротам. Штитсин слишком поздно понял свою ошибку: следовало связать этого дурака и бросить в темницу. Но он не сделал этого вовремя, и сейчас человек Вождя возился с огромным засовом.

— Убейте его! — заорал Штитсин, но никто из воинов не решился тронуть посланника Вождя Клана. — Стреляйте же! — И глава рода сам вскинул пистолет, но слишком, слишком поздно. Посланник успел открыть ворота. Он упал, сраженный пулей Штитсина, но воины Флота уже ворвались в крепость.

— Деритесь! — орал Штитсин. — Убейте их! Не отступать! — Но он уже понял, что удержать Твердыню не удастся.

Воины словно проснулись. Перед ними сейчас был старый враг, о чьей жестокости и трусости они наслышаны с детства. Чудовища, которым каким-то образом удалось одержать верх над доблестными халианами. Среди воинов не было ни одного, кто бы не потерял подругу или товарища на Цели, и у каждого имелись свои причины для ненависти к Флоту.

Во дворе замка загрохотали выстрелы. Несколько человек упало. Их товарищи отступили к воротам, кое-кто укрылся за повозками. Придя в себя, люди начали отстреливаться. У них имелись лишь винтовки и пистолеты, но как же много было этих голокожих тварей! Сраженные пулями, рухнули халиане...

— В подземный ход! — завопил Штитсин, устремляясь вниз по лестнице. — Все в подземный ход! — Сам он уже достиг бокового входа в Большую Палату. — Все к выходу из замка! — Воины устремились за командиром.

Штитсин остановился внизу, пропуская вперед своих солдат, потом присоединился к арьергарду. Ствол его ружья раскалился. Штитсин знал, что за ним тенью следует Картрайт...

Дождавшись, пока все воины исчезнут в туннеле, Штитсин нащупал в стене третий кирпич сверху и нажал потайную кнопку. В ста ярдах, на том берегу реки, раздался взрыв. Конечно, печально, что одна из стен замка, верой и правдой служившая многим поколениям, теперь разрушена, но зато ни один враг не войдет в туннель: вход закрыт.

— Командиры! Пересчитать людей! — крикнул Штитсин.

Помощники быстро провели переключку и доложили. Лишь две трети его войска сумело выйти из крепости. «Мы отомстим за них!» — подумал Штитсин. Он оглянулся.

— А где Картрайт?

Картрайт был рядом. Он перевязывал лапу раненому воину. Медицинскому искусству Синдигов нет равных. Картрайт повернулся к военачальнику.

— Ты искал меня?

Штитсин вдруг понял, что его ужасно раздражает сильный акцент человека. Даже теперь, столько лет спустя. Он напомнил себе, что человеческая глотка не приспособлена к звукам халианского языка.

— Что скажешь, Картрайт? Наши потомки должны проклясть этого посланника, который открыл людям ворота крепости!

Послышался протестующий ропот. Потрясенный Штитсин повернулся к своим воинам.

— Как вы можете защищать его? — прошипел он. — Он предатель!

Ропот смолк, но халиане продолжали беспокойно переглядываться.

— А, так вы защищаете его, но боитесь объяснить, почему? — зарычал Штитсин. — Разнор, говори ты! Ты ведь мой первый помощник! Как ты можешь защищать это гнусное предательство?

Разнор взглянул на своих младших командиров, потом снова повернулся к Штитсину.

— Да я не защищаю, отец-командир, но только он был верен и предан Вождю Клана.

Штитсин изумленно посмотрел на своего помощника.

— Он ведь знал, что умрет, — пояснил Разнор. — Но остался верен своей присяге Вождю. Подобное мужество заслуживает уважения. Пусть он был безумцем — но не заслуживает вечного позора.

Штитсин зло глянул на него, но промолчал. Да и что тут можно сказать?

Но Разнор еще не закончил:

— Кто мы такие, чтобы осуждать верность Вождю Клана? И скажи, Штитсин, почему мы должны думать, будто он нас предал? Мы же не можем знать, что лучше и что хуже для всего нашего Клана!

Штитсин опешил.

— Да как ты смел забыть о своих погибших товарищах?! Вспомни о них! Неужели ты забыл о Цели?

И Штитсин произнес пламенную речь о зверствах Флота, о падающем с неба огне, об обугленных останках халиан, об убитых детенышах, которым никогда не суждено стать воинами и доказать свое мужество в бою, о матерях, которые не узнают вечной жизни.

Когда он замолчал, воинов, всех до одного, переполняли ненависть и гнев. Каждый из них, не колеблясь, убил бы сейчас любого из воинов Флота, окажись тот поблизости. И даже на Картрайта кое-кто смотрел с холодной враждебностью. Но человек сохранял самообладание, на его лице застыла улыбка.

— Они готовы, военачальник, — сказал он. — Командуй своим войском. Направь их гнев туда, куда считаешь нужным.

Штитсин знал, куда направить этот гнев.

— Отныне и навсегда, — провозгласил он, — люди Флота станут жалеть, что появились на этом свете! Они пожалеют о том, что решились заявиться в наш Край! Мы будем уничтожать их всеми возможными средствами! Мы будем убивать всех, кто случайно заблудится, будем уничтожать их продовольственные транспорты. Они не найдут здесь ни пищи, ни крова! Мы заставим их покинуть нашу Твердыню!

— Честь и хвала Вождю Клана Рухас! — Командир десантников поклонился, словно действительно думал то, что говорит.

Эрнсейт верил, что так оно и есть. Офицеры Флота могли ненавидеть халиан, как заклятых врагов, но они уважали их, как храбрых воинов. У тех же, кто видел, как Синдикат злоупотреблял доверием халианской знати, используя ее в своих темных целях, к уважению добавлялось сочувствие.

Поэтому Эрнсейт склонил голову, подражая людскому приветствию.

— Вождь Клана воздает хвалу благородному союзнику. Надеюсь, ты в добром здравии, капитан Инглиш?

— Да. Надеюсь, благородный Вождь также здоров.

— Также. — Эрнсейт старался сдерживать нетерпение. Нельзя нарушать ритуал. И все же он постарался поскорее перейти к делу. — Моя забота — это благо моего Клана, жизнь и

честь моих людей.

— Несомненно, мало что может омрачить честь Клана Рухас!

Ясно. Очевидно, Инглюй уже слышал о том, что произошло в Крае.

— Да, мало что может омрачить, и мои люди хотят покончить с этим малым. Придет время, когда я сам должен буду отправиться в Край.

— Воистину, большая честь для Вождя, он неутомим в заботах о своих воинах!

Ну наконец-то.

— Я слышал, что глава рода Края не оставляет следов?

— Да, никто до сих пор не мог найти его следов, как и следов его людей. Верно и то, что он — опытный воин, с острыми когтями и мертвой хваткой.

Засады, устроенные Штитсином, принесли уже немало вреда. Эрнсейт принял решение. Он величественно поднялся и провозгласил:

— Я сам туда отправлюсь. Такой отважный военачальник заслуживает того, чтобы им занялся сам Вождь Клана.

— Честь и хвала Эрнсейту, Вождю Клана Рухас, — тихо ответил капитан.

— Они явились, военачальник Штитсин.

Глава рода кивнул, не отводя взгляда от облака пыли над дорогой. Они стояли на склоне холма, скрытые деревьями и густым кустарником. Штитсин взглянул на муравьев внизу. «Муравьи», — подумал Штитсин, невесело усмехнувшись сравнению. Люди Флота в моральном отношении — те же муравьи. Они ничего не смыслят в чести и доблести.

— Будь готов, Картрайт.

— Я готов следовать за тобой, как всегда, Штитсин.

Глава рода кивнул:

— Мой верный щит. Будь готов. Они приближаются!

Колонна медленно двигалась по дороге. Когда они прошли мимо затаившегося в засаде отряда Рода Края, Штитсин с яростным воплем выскочил из укрытия и устремился вниз, навстречу врагам. Он знал, что его воины последуют за ним, со всех сторон обрушатся на людей. Он знал, что Картрайт присоединится к воинам, готовый защитить тех, кто отстанет.

Вот они, безволосые, голокожие недоумки! Штитсин вскинул пистолет одной лапой, другой вытащил меч из ножен...

И внезапно среди воинов Флота он увидел халиан.

Штитсин замер.

Их было много, и они были так перемешаны с людьми, что Штитсин боялся выстрелить, чтобы не попасть в своих. Он стоял, раздираемый тоской и бессильной яростью, и его воины также остановились, как вкопанные. Но вот сквозь толпу воинов протиснулся Картрайт и зашипел на ухо Штитсину:

— Эти халиане — предатели!

Эти слова словно разбудили Штитсина. Как обычно, он почувствовал благодарность к союзнику — Синдику. С воплем «Предатели!» он бросился вперед, на своих, с пистолетом и мечом...

И тут он увидел еще одного халианина, на голову выше других, с яркими желтыми пятнами.

Штитсин снова застыл на месте, как громом пораженный.

— Вождь моего Клана!

— Пусть так, — ответил ему Эрнсейт. — Сложи оружие, Штитсин! Люди Флота — достойные воины. Мы вместе хоронили погибших. Они теперь — наши союзники.

Штитсин стоял, его душа разрывалась на части. Верность боролась с ненавистью...

— Ни один настоящий Вождь не станет руководить столь позорным делом! — выпалил Картрайт.

— Молчи, червь! — грозно сказал Эрнсейт.

Вперед выступили несколько воинов Флота и направились к Картрайту. Вождь Клана перевел взгляд на воинов Края.

— Сложите оружие! — приказал он. — Заключите мир с достойным противником. Теперь они ваши союзники и ваша защита.

— Он предатель! — взвизгнул Картрайт. — Ваш Вождь предал вас!

Штитсин снова обрел способность действовать.

Он с воплем бросился на Вождя:

— Умри, предатель, продавший честь!

Халиане с криками ужаса бросились между ними, но было уже поздно. Штитсин подлетел к Вождю и замахнулся мечом...

Меч со звоном отскочил от брони, защищавшей грудь Эрнсейта, а вождь, выпустив когти, одной лапой вцепился в открытую грудь Штитсина. Другой же — схватил его за горло...

Все поплыло перед глазами Штитсина, заволакиваясь красной пеленой. Из рта хлынула кровь. Через несколько мгновений все было кончено.

Эрнсейт стоял над мертвым телом, тяжело дыша. Он чувствовал возбуждение и даже торжество, но к этому примешивалась горечь утраты.

Он поднял глаза. Взгляд его наполнился ненавистью.

— Вы схватили мерзавца?

— Да, Вождь, — ответил один из офицеров Флота. Два десантника подтащили Картрайта и бросили его к ногам халианина.

Человек вскочил, сжимая в руке нож, который прятал до того в рукаве. Эрнсейт замахнулся, но Картрайт уже упал, получив удар ногой в спину от одного из десантников.

Халиане окружили Синдика, корчившегося на земле от боли.

— Это и был настоящий враг, — сказал Эрнсейт капитану. — Он не предал ваш род, потому что он не вашего рода. Он предал меня и моих людей, предал доверие Штитсина.

Капитан кивнул, лицо его было каменным.

— Так и берите его себе — он ваш.

Кое-кто из десантников невольно вскрикнул, считая такое решение несправедливым. Но крики тут же смолкли, когда люди увидели, как задрожал Синдик.

— Это справедливо, — сурово ответил капитан. — Что ты сделаешь с ним, Вождь Эрнсейт?

— Мы вытянем из него все, что он знает, — ответил Вождь. — А потом он ответит за преступления перед Кланом. Он умрет. — Эрнсейт повернулся к своим воинам. — Унесите тело военачальника Штитсина. Он погиб с честью, как настоящий воин. Похороните его со всеми почестями и с песней славы. Хотя он и пошел по ложному пути, но действовал во имя Халии и во славу Клана!

Халиане одобрительно загудели в ответ. Воины Штитсина подняли тело своего командира и понесли в замок.

— А как быть с этим гадом? — зло спросил Разнор.

Лицо Эрнсейта потемнело.

— Он будет похоронен рядом с военачальником Штитсином, голый и без оружия, чтобы в Вечной жизни мог служить подножием духу Штитсина.

Люди беспокойно зашевелились, услышав это, но капитан заявил:

— Это верно! Пусть тот, кто предал дух, теперь служит этому духу! И пусть об этом сложат песню!

— Пусть сложат, — эхом отозвался Эрнсейт. — Сегодня умер доблестный воин, а завтра умрет его злая тень. Воины, несите тело. Сородичи, пойте песню славы!

И колонна направилась к Твердыне, темневшей на фоне ночного неба. Они шли, и траурный плач сопровождал им.